

УДК 80(082)
ББК 80я43
Ф54

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент *А. В. Гарник*;
кандидат филологических наук, доцент *О. Г. Прокопчук*;
кандидат филологических наук, доцент *А. З. Цисык*;
кандидат филологических наук, доцент *Г. И. Шевченко*;
старший преподаватель *К. А. Тананушко*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *А. А. Кожина*;
кандидат филологических наук, доцент *Т. П. Казакова*

Ф54 **Филологические** штудии = *Studia philologica* : сб. науч. ст. /
под ред. Г. И. Шевченко, К. А. Тананушко ; редкол. : А. В. Гарник
[и др.]. – Вып. VII. – Минск: БГУ, 2009. – 163 с.
ISBN 978-985-518-201-7.

В седьмом выпуске сборника «Филологические штудии» представлены статьи, посвященные проблемам классической филологии, рецепции античной культуры в европейскую, греко-латинской терминологии, даются переводы латинских текстов на белорусский язык.

УДК 80(082)
ББК 80я43

ISBN 978-985-518-201-7

© БГУ, 2009

SALUTATIO

Nil actum credens, dum quid superesset
agendum.

Считая, что ничего не сделано, пока что-
то осталось сделать.

Лукан, римский поэт

Аmice carissime, Вашему вниманию предлагается очередной, седьмой выпуск наших филологических изысканий. В этом приветствии мы хотим познакомить Вас с нынешним статусом дисциплин классического цикла в Республике Беларусь.

К сожалению, рецессия затронула не только экономику – гуманитарные науки тоже стоят на грани кризиса. Прагматика и рационализм в худшем понимании этих слов стали главными принципами высшей школы. Это привело к тому, что из типовых учебных планов высшей школы исчезли как обязательные такие важнейшие мировоззренческие и нравственно-составляющие дисциплины, как этика, эстетика, логика, история религии, мировая художественная культура. Резко сократилось количество часов по иностранным языкам. Не знаю, по чьей злой воле средняя школа почти на сто процентов перешла на английский язык, но последствия данного «бума» уже видны в высшей школе: французский, испанский, немецкий стоят у черты попадания в разряд «мертвых» языков.

Естественно, что все эти перемены отразились и на положении классических языков. Так, латинский язык исчез из учебных планов почти всех юридических факультетов коммерческих вузов, тогда как по инициативе Евросоюза 2008 год объявлен годом изучения римского права, что невозможно без знания латыни. Кроме того, отказ от дисциплины, формирующей кругозор будущего специалиста, скажется и на его специальной подготовке, умении работать с научной литературой.

К счастью, еще никто не смог оспорить то, что латинский язык и римское право являются фундаментом юриспруденции как отрасли знаний.

Удивление вызывают и типовые учебные планы по современным иностранным языкам, разработанные под эгидой Минского государст-

венного лингвистического университета, где латинскому языку отводится жалких 32 часа, а формой отчетности является зачет! Забывается даже такой очевидный факт, что в том же английском языке на долю латыни приходится львиная доля лексики, скажем, из 20 000 частотных лексем на латынь приходится 10 400, на греческий – 2 200, на англосаксонскую лексику – 5 400 слов. Кстати, в учебных планах МГЛУ не учитывается специфика романского направления. У романистов тоже 32 часа латыни и, к нашему удивлению, отсутствует курс народной латыни. Все указанные издержки повлияют на уровень подготовки будущего языковеда, а если учитывать еще и тот факт, что в современной мировой лингвистике сравнительное языкознание занимает одно из первых мест, подобный пробел в подготовке скажется как на уровне филологической науки в республике в целом, так и на подготовке кадров высшей квалификации в частности.

Очень жаль, что чиновники от науки забыли старую латинскую истину: *Primum non nocere* – *Прежде всего не навредить*. Мы же будем руководствоваться другой: *In via virtuti nulla est via* – *Для добродетели нет непроходимой дороги*.

Г. И. Шевченко

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. В. Гарник

ГРЕЦИЗМЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Одним из важнейших источников пополнения словарного состава восточнославянских языков на протяжении долгого времени являлся греческий язык. Важность этого источника заимствований определяется фактом принятия христианства по греческому образцу. С этим связаны многочисленные заимствования из греческого языка, относящиеся к христианскому культу, а также к теологической и философской сферам. Также культурным влиянием Византии определяются лексические заимствования в областях общественно-политической, культурной и бытовой жизни Руси.

В соответствии с разновременным характером и различными путями проникновения греческих заимствований ученые выделяют несколько групп в составе грецизмов. Например, Ю. А. Романеев в своей диссертации «Структура слов греческого происхождения в русском языке» выделяет 3 группы таких лексем: 1) попавшие в русский «как прямо из греческого языка византийского периода, так и через посредство старославянского языка» [6, 5]; 2) грецизмы, попавшие в русский язык через посредничество латинского; 3) «искусственно образованные на базе греческих корней термины, часть которых заимствована из западноевропейских языков, часть создана в самом русском языке» [6, 6]. Указанная классификация в равной степени может быть отнесена также к белорусскому и украинскому языкам.

Все виды заимствованных слов в основном совпадают во всех трех восточнославянских языках. Первая группа лексических поступлений из греческого языка приходится на период Киевской Руси и древнерусский язык. В это время словарный фонд древнерусского языка пополнялся и непосредственными заимствованиями из греческого языка, и через старославянский язык. Общая характерная черта этих заимствований состоит в отражении фонетических особенностей греческого языка византийского периода. Это проявляется в фонетических вариан-

тах некоторых греческих звуков по сравнению с древнегреческим периодом.

М. Р. Фасмер, анализируя заимствования этого периода, выделяет книжные и народные заимствования, справедливо отмечая условность и приблизительность такого деления [11, 2]. В свою очередь, книжные он делит на заимствованные непосредственно из греческого и попавшие через старославянский язык.

К первому типу относятся следующие слова: рус. *апостроф* (бел. *апостраф*, укр. *апостроф*) от греч. ἀπόστροφος; рус. *диалект* (бел. *ды-ялект*, укр. *діалект*) от греч. διάλεκτος; рус. *кафедра* (бел. *кафедра*, укр. *кафедра*) от греч. καθέδρα; рус. *климат* (бел. *клімат*, укр. *клімат*) от греч. κλίμα; рус. *пролог* (бел. *пралог*, укр. *пролог*) от греч. πρόλογος; рус. *синтаксис* (бел. *сінтаксіс*, укр. *синтаксис*) от греч. σύνταξις.

Второй тип представлен словами: рус. *варвар* (бел. *варвар*, укр. *вар-вар*) от греч. βάρβαρος; рус. *диявол* / *дьявол* (бел. *д'ябал*, укр. *диявол*) от греч. διάβολος; рус. *демон* (бел. *дэман*, укр. *демон*) от греч. δαίμων; рус. *идол* (бел. *ідал*, укр. *ідол*) от греч. εἶδωλον; рус. *символ* (бел. *сiмвал*, укр. *символ*) от греч. σύμβολον.

Некоторые из греческих слов, попавших в древнерусский язык, в ходе дальнейшего развития белорусского и украинского языков вышли из употребления. Это, например, такие слова, отсутствующие в современных белорусском и украинском языках, но сохранившиеся в русском: *ад*¹ от греч. ἰδν~, *кукла* от греч. κοῦκλα, *стих* от греч. στίχος и др.

Часть заимствований этого периода в дальнейшем была преобразована в результате их вторичного заимствования из польского, немецкого, французского языков, где они имели форму, определяемую латинским посредничеством. Например: др.-рус. *иконом* (от греч. οἰκονόμος) изменилось в рус. *эконом* (бел. *эканом*, укр. *економ*) под влиянием латинской формы этого слова – *oecopotus*; рус. *диадима* (от греч. διάδημα) закрепилось в языке в форме *диадема* (бел. *дыядэма*, укр. *діадема*) по образцу латинского *diadema*. С другой стороны, можно отметить, что существует и обратное влияние – греческой формы на латинские заимствования. Это касается прежде всего названий месяцев в русском языке, которые были заимствованы из латинского языка, но через греческое посредничество. Например: рус. *июль* от греч. Ἰούλιος (ср. лат. *Julius*); рус. *июнь* от греч. Ἰούνιος (ср. лат. *Junius*) и др.

Вторая разновидность грецизмов, попавших в древнерусский, а потом соответственно и в восточнославянские языки, представляет собой

¹ Однако толковый словарь украинского языка приводит это слово с пометой «устаревшее».

народные заимствования, появившиеся в результате непосредственных контактов двух языков. Среди этих слов есть такие, которые характерны для всех трех языков. Например: рус. *вишня* (бел. *вишня*, укр. *вишня*) от ср.-греч. βυσσινιά (< βύσσινος); рус. *грамота* (бел. *грамата*, укр. *грамота*) от греч. γράμμα, -ατος; рус. *фасоль* (бел. *фасоля*, укр. *квасоля*) от ср.-греч. φασόλι (< φάσηλος). Но значительное их количество сохранилось только в русском языке. Это такие древние народные заимствования из греческого языка, как: *кровать* от ср.-греч. κραββάτι(ον) (< κράββατος); *сахар* от греч. σάκχαρον; *свекла* от греч. σεῦκλον; *тетрадь* от греч. τετράδι(ον); *уксус* от греч. ὄξος. В белорусском и украинском эти слова вышли из употребления в период изоляции этих языков от русского. Но, с другой стороны, в них есть грецизмы, которые отсутствуют в русском языке, как, например: бел. *патэлья*, укр. *пательня* от греч. πατέλλα; бел. *панера*, укр. *панір* от греч. πᾶπυρος; бел. *халеп*, укр. *халеп* от греч. χαλεπός¹. К этим заимствованиям в полной мере можно отнести замечание А. В. Суперанской, что они «так изменяются, приспособляясь к особенностям языка, их заимствовавшего, что уже не кажутся заимствованными, иноязычными» [9, 41].

Все эти слова во всех восточнославянских языках имеют одинаковую морфологическую форму, что определяется их общим происхождением из древнерусского языка, в котором они уже были приспособлены к морфологической системе языка. Сложнее дело обстоит с фонетическим обликом слов. В этом отношении заимствования наряду с сохранением в целом общей фонетической формы имеют специфические черты, которые определяются особенностями фонетической и графической системы каждого из языков. В плане правописания выделяются следующие графические соответствия. В белорусском и украинском языках звук, который в русском алфавите обозначается буквой *и*, имеет форму *i*. В отличие от белорусского языка, где нет буквы *и*, в украинском она обозначает звук, адекватный русскому *ы*. Русскому и белорусскому *е* в украинском соответствует *є*, а украинское *е* обозначает звук, адекватный русскому и белорусскому *э*. Отсутствующий в белорусском и украинском языках *ь* передается в них апострофом. К специфическим алфавитным особенностям относится буква *ї* в украинском языке и *й* в белорусском. В орфоэпическом плане отличия заимствованных слов от соответствующего русского варианта состоят в следующем: в белорус-

¹ В данном случае значение греческого прилагательного χαλεπός ‘трудный, неприятный’ по-разному отразилось в семантике этих слов: в белорусском оно имеет значение ‘погода со снегом и дождем, мокрый снег’ [10, 172], в украинском – ‘беда, несчастье, неприятность’ [8, 13].

ском и украинском языках упрощаются удвоенные согласные: рус. *грамматика* – бел. *граматыка*, укр. *грамматика* от греч. γράμμα; в белорусском языке безударное *о* всегда передается через *а*: рус. *пролог* – укр. *пролог*, бел. *пралог* от греч. πρόλογος; рус. *символ* – укр. *символ*, бел. *сімвал* от греч. σύμβολον. В украинском языке, в отличие от русского, не смягчаются твердые согласные греческих слов: рус. *кафедра* – укр. *кафедра*; рус. *педагог* – укр. *педагог*. Эти слова, хотя и пишутся одинаково в русском и украинском языках, но произносятся по-разному. В белорусском языке этот процесс происходит не столь последовательно. Ср. бел. *кафедра*, *педагог*, но *тэхніка* (укр. *техніка*, но рус. *техника*); бел. *дыдактыка* (укр. *дидактика*, но рус. *дидактика*). Впрочем, последний пример отражает такое явление белорусского языка, как отверждение в заимствованных словах согласных перед гласным переднего ряда [и]. Это касается зубных согласных и *р*, например: бел. *арыфметыка* от греч. ἀριθμητική; бел. *арыстакратыя* от греч. ἀριστοκρατία; бел. *мелодыя* от греч. melōdia; бел. *гісторыя* от греч. ἱστορία. Этот же фонетический процесс характерен и для украинского языка, за исключением позиции с конечным *-ія*: *аристократія*, *мелодія*, *історія*.

В морфологическом плане заимствованные слова греческого происхождения (а речь в данном случае идет только о существительных) почти не имеют различий в восточнославянских языках. Исключение представляют некоторые украинские формы, например: рус. *рифма* – бел. *рыфма*, укр. *рима*; рус. *тезис* – бел. *тэзіс*, укр. *теза*; рус. *кризис* – бел. *крызіс*, укр. *криза*. В первых двух случаях очевидно польское влияние (ср. *rym*, *teza*), в последнем – типологическое влияние греческого этимона: κρίσις морфологически тот же тип, что и θέσις.

Для заимствований этого периода характерны некоторые межъязыковые фонетические варианты, которые определяются особенностями отражения некоторых греческих звуков в древнерусских заимствованиях древнейшего периода. Так, греч. α в народных заимствованиях передается через *о*, а в книжных заимствованиях более позднего времени ему соответствует *а*. Это касается, например, следующих слов: рус. *аксамит*¹ (бел. *аксаміт*, укр. *оксамит*) от греч. ἄξάμιτον (< ἔξάμιτον); рус. *Александр* от греч. Ἀλέξανδρος, которому соответствует сохранившаяся в украинском языке форма *Олександр*. Таким образом, древнейшие народные заимствования сохранились без изменений в украинском языке. В белорусском языке в силу свойственного ему аканья такие формы, естественно, отсутствуют. В современном русском языке варианты с *о* на

¹ В «Большом академическом словаре русского языка» приводится с пометой «устаревшее» [2, 145].

месте греч. α единичны. Ср., например: рус. *огурец*, бел. *агурок*, укр. *огірок* от греч. ὄγκυρος.

Начальному греч. ϵ в древнейших заимствованиях также соответствовало *о*. Например, греч. [Ε]ίηα дало *Олена*, которое и сохранилось в украинском языке. В белорусском ему соответствует *Алёна*. В русский язык это имя было повторно заимствовано из Западной Европы в форме *Елена*.

Также отмечаются варианты в отражении некоторых согласных звуков при заимствовании. Скажем, только украинский язык сохранил вариант с *п* на месте греч. ϕ (ср. др.-рус. и совр. укр. *Пилип* и рус. *Филипп* от греч. Φίλιππος). Но наряду с этим мы имеем во всех восточнославянских языках одинаково звучащую и написанную лексему *парус*, заимствованную от греч. φάρους (< φῶρος). Славянское *п* в отдельных случаях может соответствовать греч. θ , как, например, в имени *Остан*, которое восходит к греч. Εὐστάθιος.

Некоторые народные заимствования изменили свой фонетический состав по сравнению с греческим этимологом под воздействием народной этимологии. В качестве примера подобного явления М. Фасмер приводит греч. κρύσταλλος, которое изменилось в русском языке в *хрусталь* в результате соотнесения этого слова с глаголом *хрустеть* [11, 102]. В белорусском и украинском языках это слово сохраняет следы польского посредничества: бел. *крышталь*, укр. *кришталь* (ср. польск. *kryształ*)¹.

Греческие заимствования второй группы являются преимущественно книжными. Все они демонстрируют ту форму, в которой эти слова попали в латинский язык из греческого еще в античный период с учетом особенностей их усвоения латинским языком. Если заимствования первой группы характеризуются единством происхождения из древнерусского во всех восточнославянских языках, то в отличие от них грецизмы, отмеченные латинским влиянием, входили в эти языки по-разному. В этом плане русский язык противопоставлен белорусскому и украинскому. В то время как в русском языке и после XIV в. доминирующим остается византийская форма заимствований, в белорусском и украинском с этого времени увеличивается приток латинизированных грецизмов, в чем отразилось польское влияние на эти языки.

Как известно, особенно интенсивным приток таких заимствований в русский язык был в XVII–XVIII вв. В белорусском и украинском языках этот процесс происходил начиная с XIV–XV вв. под значительным

¹ А. Н. Булыко в работе «Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст.» отмечает следующие варианты этого слова в белорусском языке XVI–XVII вв.: *кристалъ, кристалъ, кришталь, крышталь* [3, 140].

влиянием польского языка, в который греческие заимствования попали через латынь. В связи с этим некоторые греческие звуки обрели иное отражение, чем в заимствованиях византийского периода. Например: рус. *демократия* (бел. *дэмакратыя*, укр. *демократія*) от греч. *δημοκρατία*; рус. *кризис* (бел. *крызіс*, укр. *криза*) от греч. *κρίσις*; рус. *лицей* (бел. *ліцэй*, укр. *ліцей*) от греч. *Λύκειον*; рус. *метод* (бел. *метад*, укр. *метод*) от греч. *μέθοδος*.

В ходе дальнейших контактов между восточнославянскими языками проявилось их взаимное влияние друг на друга, что привело к изменению некоторых уже заимствованных греческих слов. С одной стороны, грецизмы со следами латинского посредничества были преобразованы в соответствии с византийскими языковыми нормами, а с другой – в русский язык вошли слова, оформленные в латинском звуковом стереотипе. Исследования в области исторической лексикологии белорусского и украинского языков свидетельствуют о преобладании латинизированной формы греческих заимствований в XIV–XVIII вв. Письменные памятники содержат следующие формы грецизмов: *алфаветъ*, *базилискъ*, *аритметика*. Хотя наряду с этими отмечаются и другие варианты: *арифметика*, *василискъ* [ср. 3, 161]. В этот же период под влиянием белорусского и украинского языков и в русский проникают латинизированные формы греческих заимствований, например: *гисторикъ*, *философия*, *символь* и др. Многие из них в ходе дальнейшего развития были вытеснены из русского языка, но некоторые сохранились, как, например, рус. *музыка* (бел. *музыка*, укр. *музика*) от греч. *μουσική*; рус. *математика* (бел. *матэматыка*, укр. *математика*) от греч. *μαθηματική*. Унифицирующие тенденции в восточнославянских языках в XIX–XX вв. способствовали закреплению в них одинаковых фонетических вариантов заимствований. И. К. Белодед отмечает: «В связи с усилившимся контактированием украинского и русского литературных языков в советский период у обоих окончательно установились общие принципы фонетического усвоения слов греческого, романского и германского происхождения» [1, 20]. Аналогичное наблюдение делает А. Я. Баханьков в отношении белорусского языка [4, 270]. В результате этого все три языка имеют преимущественно одинаковую форму грецизмов, например: рус. *алфавит* (бел. *алфавіт*, укр. *алфавіт*) от греч. *ἄλφα* + *βῆτα*; рус. *василиск* (бел. *васіліск*, укр. *васи́ліск*) от греч. *βασιλικός*; рус. *арифметика* (бел. *арыфметыка*, укр. *арифметика*) от греч. *ἀριθμητική* и т. п., но: рус. *историк* (укр. *історик*, хотя бел. *гісторык*); рус. *философия* (бел. *філасофія*, укр. *філософія*) и т. п.

При этом следует отметить такое явление, как сохранение вариантов в отражении некоторых греческих корней. Например: βασιλικός реализуется и в виде рус. *базилика* (бел. *базіліка*, укр. *базиліка*), и в виде рус. *василиск* (бел. *василіск*, укр. *василіск*). Ср. также ὀρθός – рус. *ортопедия* (бел. *артапедыя*, укр. *ортопедія*) и рус. *орфография* (бел. *арфаграфія*, укр. *орфографія*).

Самую большую и все время пополняющуюся группу греческих заимствований представляют искусственно образованные на основе греческих корней интернациональные научные термины. Л. П. Крысин отмечает: «Образование научных и технических терминов путем использования греческих и латинских основ и словообразующих элементов чрезвычайно характерно для нашего времени и принято как в большинстве языков, так и в международной практике» [5, 45]. Они, как правило, отражают латинизированную форму греческих лексем. Ср. рус. *феномен* (бел. *фенамен*, укр. *фенамен*) от греч. φαίνωμεν; рус. *цитология* (бел. *цыталогія*, укр. *цитологія*) от греч. κύτος; рус. *спелеология* (бел. *спелеалогія*, укр. *спелеологія*) от греч. σπήλαιον. Но тенденция эта не совсем последовательна. Есть термины, воссоздающие древнегреческий звуковой тип, например: рус. *кайнозой* (бел. *кайназой*, укр. *кайнозой*) от греч. καινός + ζῷη; рус. *кератоз* (бел. *кератоз*, укр. *кератоз*) от греч. κέραс, -ατος; рус. *дерматомикозы* (бел. *дерматамікозы*, укр. *дерматомікози*) от греч. δέρμα, -ατος + μύκης, -ητος. Правда, очень часто греческие корни бывают параллельно представлены и в латинизированной форме, например: рус. *плейстоцен* (бел. *плейстацен*, укр. *плейстоцен*) от греч. πλεῖστος + καινός; рус. *дерматомицеты* (бел. *дерматаміцэты*, укр. *дерматоміцети*) от греч. δέρμα, -ατος + μύκης, -ητος. В образовании новой научной терминологии используются и слова, которые уже были заимствованы ранее для обозначения какой-нибудь реалии. Например, слово κρύσταλλος ‘лед, прозрачный камень’ используется в физической и химической терминологии для образования терминов *кристаллизация*, *кристаллический*, отличаясь своим фонетическим оформлением от прежнего заимствования *хрусталь*. Это же происходит и в украинском языке, в котором научные термины *кристалізація*, *кристалічний* фонетически отличны от заимствования *кришталь*. Белорусский язык отличается последовательностью в отражении этого греческого этимона. Все его дериваты имеют одинаковое фонетическое оформление. Ср.: *крышталізацыя*, *крышталічны*, *крышталь*.

Интернациональная научная терминология, имея общий исходный материал и широкое распространение, сохраняет общие черты во всех языках, в которые входит. Но при этом, естественно, приспосабливается

фонетически и морфологически к системе каждого языка. В таких близкородственных языках, как восточнославянские, их тождество особенно очевидно.

Литература

1. *Белодед, И. К.* Контакты украинского языка с другими славянскими и унификация его устной литературной формы / И. К. Белодед // VI международный съезд славистов, Прага, авг. 1968 г. Киев, 1968.
2. Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевича. М.: СПб., 2004.
3. *Булыка, А. М.* Лексичныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А. М. Булыка. Мінск, 1980.
4. Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970.
5. *Крысин, Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. М., 1968.
6. *Романев, Ю. А.* Структура слов греческого происхождения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Романев. М., 1965.
7. Словник української мови. Т. 1. Київ, 1970.
8. Словник української мови. Т. 11. Київ, 1980.
9. *Суперанская, А. В.* Теоретические основы практической транскрипции / А. В. Суперанская. М., 1978.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1984. Т. 5.
11. *Фасмер, М. Р.* Греко-славянские этюды / М. Р. Фасмер. СПб., 1909. Т. 3: Греческие заимствования в русском языке.

Д. Н. Гомон

ИЗМЕНЕНИЯ СИММЕТРИИ

Симметрия – наиболее простая категория, вследствие этого – наиболее общая. Она является кирпичиком, или первоэлементом (ПЭ), для определения других категорий: изополиморфизм (симметрия и изополиморфизм тесно взаимосвязаны между собой как отношения единства (R) и основания деления (A)), конвергенция и дивергенция (симметризация и асимметризация), изомерия и неизомерия, омонимичность и неомонимичность, рефлексивность и антирефлексивность (симметричность самому себе).

Симметрией в рамках Общей теории систем Ю. А. Урманцева (ОТСУ) называется системная категория, обозначающая совпадение по признакам П систем С после изменений И. Иными словами, симметрия рассматривается как одна из реализаций абстрактной системы, чаще всего такого объекта-системы (OS), в качестве первоэлементов которого выступают система С (определенная система как носитель симметрии) и признаки П (инварианты), в качестве отношений единства – отношение принадлежности признаков П системе С, а в качестве законов композиции – требование принадлежности этих признаков системе до и после изменений И (преобразований симметрии) [1, 192].

При других признаках П или изменениях И те же самые системы С могут оказаться несовпадающими частично (диссимметричными) или полностью (асимметричными). Таким образом, в рамках ОТСУ асимметрия – системная категория, обозначающая несовпадение по признакам П систем С после изменений И. Мы видим, что категория симметрии дополнена ее противоположностью – асимметрией, с необходимостью ею предполагаемой и дополняющей ее до гармоничной пары симметрия-асимметрия. Иначе говоря, любое нарушение симметрии компенсируется другим видом симметрии.

Упрощенно мы можем сказать, что **симметрия – совпадение любых двух, трех и т. д. объектов по любому основанию** (релятивистское толкование). Уточнение оснований и дает нам наличие других, более конкретных категорий.

При этом основной закон композиции предполагает противоположность единице (в двоичной системе счисления) нуля, противоположность существованию – отсутствие существования. Так, в данном случае, имея совпадение (симметрию), мы предполагаем наличие в качестве необходимого дополнения и противоположности соответствующее

несовпадение (асимметрию). Таким образом, используя два признака **С** и **А**, мы имеем систему, состоящую из четырех подсистем.

Подсистема 4 (– –) – это универсум до всякой его классификации или до его классификации по признакам **С** и **А**.

Подсистемы 2 и 3 (соответственно + – и – +) представляют симметрию и асимметрию как таковые. Мы можем сказать, что почти невозможно найти полностью симметричные или полностью асимметричные объекты, то есть совпадающие относительно вообще всех (даже несущественных) признаков (можно привести в пример правые и левые объекты, изменение объектов во времени и т. д.). Поэтому чаще симметрия или асимметрия выявляются при исследовании одного или нескольких специально оговоренных (значимых, основных или случайных) признаков. В этих подсистемах также находятся объекты, соответственно тождественные или нетождественные самим себе (рефлексивные или антирефлексивные).

Итак, симметрия и асимметрия – это предельные категории, показывающие совпадение-несовпадение по всем признакам, это 100 % и 0 % симметрии. Однако, если основание деления не оговорено, сложно найти полностью симметричный или полностью асимметричный объект. Поэтому второй по наполняемости, вслед за подсистемой 4, будет подсистема 1 (+ +), где находятся системы, имеющие частичное совпадение при частичном несовпадении (диссимметрия).

Система симметрии-асимметрии **непротиворечива**, ибо, точно указав основания деления, сравнивая объекты, мы не выйдем за рамки нашего плюс-минусового кода. Эта система **целостна**, потому что охватывает абсолютно все объекты универсума. Так, любой объект, который мы еще не начали сравнивать, находится в подсистеме 4. Приложив к таким объектам основание и проведя сравнение, мы сами переведем такую пару в подсистемы 3 или 2. Далее, находя новые основания и проводя по ним сравнения, может появиться возможность перехода объектов из подсистемы 3 или 2 в подсистему 1. Таким образом, мы можем констатировать пять теоретически возможных путей развития и построить систему изменений (табл. 1).

Таблица 1

4	4		Дление объекта
4	3		Симметризация
4	2		Асимметризация
4	3	1	Диссимметризация при первой симметризации
4	2	1	Диссимметризация при первой асимметризации

При изучении системы изменений основными задачами будут выделение симметрии на разных уровнях, в разных системах, определение групп симметрии на основе преобразований симметрии по определенным признакам, определение группового характера изменений симметрии единиц уровнем ниже (попытка представить любую систему изменяющейся по определенным правилам, подчиняющимся симметрии (симметрия развития), прогноз развития).

Чаще всего нам не надо характеризовать объекты через все их признаки. Сопоставление объектов показывает, что с точки зрения сходств / различий (совпадений/несовпадений) они могут характеризоваться по множеству признаков по отдельности или в сумме отдельных признаков, составляющих каждый объект-систему. Число признаков должно быть необходимым и достаточным. Отметим также, что обязательно наличие хотя бы одного признака (напомним, что симметрия – совпадение систем по **признакам** после изменений). Число теоретически возможных вариантов (результатов) при том или ином количестве признаков всегда известно и определено числом 2^n , где n – количество признаков. Так, 1 признак дает 2 варианта, 2 признака – 4 варианта, 3 – 8, 4 – 16 и т. д. Каждый раз установленная точность результата определяет количество признаков (при необходимости большей детализации большим будет и количество признаков), однако наиболее удобным при сравнении представляется использование 2 или 3 признаков. При большем количестве признаков их число может быть сведено к 2 или 3, но эти признаки должны быть наиболее общими и значимыми для данной системы объектов.

Самыми общими можно признать количество, качество, отношение. Так, советский биолог и философ академик Ю. А. Урманцев, выводя основной закон своей Общей теории систем, указал, что возможны лишь четыре основных вида преобразований объекта: тождественное, количественное, качественное, относительное. Это преобразование в себя (длание объекта во времени), количества, качества, отношения [2, 53].

Для примера рассмотрим изменения количества.

Закон количественного преобразования говорит, что «в подсистеме **М** <...> имеет место либо прибавление (**Пр**), либо вычитание (**В**), либо прибавление и вычитание “первичных” элементов» [2, 63]. При своив знаку «+» значение наличия изменений, а знаку «–» – отсутствия изменений, составим непротиворечивую целостную систему преобразований в виде плюс-минусового куба (рис. 1). Под прибавлением мы понимаем увеличение количества букв в слове, под вычитанием – уменьшение. Возможен учет не только букв, но и звуков, фоном, их ком-

бинаторики, количества слогов или морфем, изменений иного рода. Для целей данной статьи таковым явлением будет омонимия, но при изучении количественных характеристик любого лингвистического явления указанный ниже порядок будет релевантен и приведет к получению сходных и легко сравнимых друг с другом результатов.

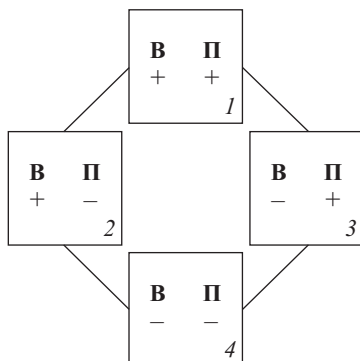

Рис. 1

Подсистема 4 соответствует неизменности объекта во времени. Эта подсистема обязательна в нашей классификации для ее полноты, ибо мы находим пары омонимов, которые делятся во времени без количественных изменений (рус. *меццо* – *меццо*). Значит, в подсистеме 4 находятся неизменяемые слова, а в подсистемах 3 (чистое прибавление) и 2 (чистое вычитание) наличие изменения обязательно.

Подсистема 1 характеризует изменение пары объектов-систем обязательным и вычитанием, и прибавлением.

Представим подсистему 1 предыдущей системы четырьмя новыми подсистемами, которые точнее характеризуют преобразование, осуществляемое обязательным прибавлением и вычитанием. Учитывая это, основным будем считать признак наличия / отсутствия прибавления и вычитания в **обоих** объектах-системах. Примем за **2** вычитание или прибавление у обоих объектов, а за **1** – только у одного объекта.

Подсистема 22 – изменения с обязательными вычитанием и прибавлением в обоих объектах-системах. Здесь находятся примеры всех типов омонимии: рус. *Поля* – *Поли* и *полоть* – *поли*; лат. *venio* – *ventum* ‘приходить’ и *ventus* – *ventum* ‘ветер’; *rosa* – *rosis* (dat. pl.) и *rosa* – *rosis* (abl. pl.); *pilum* – *pili* ‘пестик’ и *pilum* – *pili* ‘дротик’.

Подсистема 21 – вычитание в двух омоисходах при прибавлении к одному: рус. *путь* – *пули* и *пилить* – *пили́*; лат. *pello* – *pellī* ‘толкать’ и *pellis* – *pellī* ‘мех’.

Подсистема 12 – вычитание в одном при прибавлении к обоим: рус. *ворон* – *вóроном* и *воронóй* – *воронóm*; лат. *vir* – *virí* ‘мужчина, муж’ и *virus* – *virí* ‘яд’. Здесь видим примеры только лексико-грамматической омонимии.

Подсистема 11 показывает, что вычитание и прибавление использованы каждое только в одном омоисходе: рус. *гол* – *голов* и *голова* – *голов*.

Преобразования не всегда происходят одинаково: возможно вычитание-прибавление одинаковых элементов (рус. *брак* – *брака* и *брак* – *брака*) или неодинаковых (рус. *по́лый* – *пóлого* и *пологий* – *пóлого*). Всю возможную комбинаторику преобразований с помощью вычитания и прибавления в обоих элементах пары подсистемы 22 можно представить следующим образом (рис. 2) (**Р** – вычитание или прибавление равных элементов, **Н** – неравных).

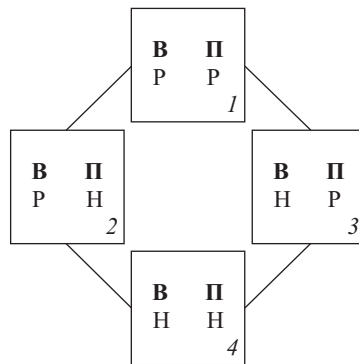

Рис. 2

В подсистеме 4 находим случаи вычитания и прибавления неодинаковых отрезков: рус. *класть* – *клади́* и *кладь* – *кла́ди*; лат. *vinco* – *victum* ‘побеждать’ и *vivo* – *victum* ‘жить’. Мы видим, что вычитаться и прибавляться могут абсолютно разные (асимметричные) отрезки и частично разные (диссимметричные).

Подсистема 3 показывает, что могут вычитаться неодинаковые отрезки и прибавляться одинаковые: рус. *судить* – *сужу́* и *сузить* – *сужу*. Преобразование посредством одинаковых отрезков чаще всего указывает на парадигматическое изменение (словоизменение), а неодинаковые элементы позволяют связывать далекие друг от друга объекты – компенсировать дифференциальную разницу (см. вывод о том, что асимметрия более информативна [3, 205]).

Это же касается подсистемы 2. К изменению отношения между объектами приводит асимметризация (действие с неравными элементами): лат. *pareo* – *pares* ‘являться’ и *paro* – *pares* ‘приготавливать’.

Подсистема 1 в этом отношении наиболее предсказуема. Сюда попадают лексические омонимы: лат. *paro* – *paras* ‘приготавливать’ и *paro* – *paras* ‘равнять’.

Обобщая классификации, которые мы составили выше, построим общую треугольную (т. к. порядок операций в омопаре не важен) декартову матрицу (табл. 2). По вертикали покажем наличие/отсутствие вычитания (В) и/или прибавления (П) в первом элементе омопары, по горизонтали – во втором. Цифра показывает, в скольких элементах конкретное действие происходит.

Таблица 2

	В П + +	В П + –	В П – +	В П – +
В П ++	1. + + В2 П2	2. + – В2 П1	3. – + В1 П2	6. – – В1 П1
В П +-		4. + + В2 П0	7. – – В1 П1	8. – + В1 П0
В П -+			5. + + В0 П2	9. + – В0 П1
В П --				10. + – В0 П0

Приведем примеры заполнения матрицы.

1. Рус. *мести* – *мету́* и *мета* – *мѣту*; *vivo* – *victum* ‘жить’ и *vinco* – *victum* ‘побеждать’. Здесь же находятся лексическая омонимия типа рус. *охота* – *охоте* и *охота* – *охоте* и грамматическая омонимия типа рус. *мама* – *маме* (dat. sg.) и *мама* – *маме* (loc. sg.).

2. Рус. *валить* – *ва́ли* и *Валя* – *Báли*; лат. *pello* – *pellі* ‘толкать’ и *pellis* – *pellі* ‘мех’.

3. Рус. *воронóй* – *воронóм* и *ворон* – *ворóном*; лат. *paro* – *pares* ‘приготавливать’ и *pareo* – *pares* ‘являться’.

4. Рус. *такса* – *такс* и *такса* – *такс*; лат. *parare* – *para* и *parare* – *para*. Здесь находится и грамматическая омонимия типа рус. *мама* – *мам* (gen. pl.) и *мама* – *мам* (voc. sg.).

5. Рус. *кол* – *колок* и *кол* – *колок*, *ключ* – *ключа* и *ключ* – *ключа*; лат. *parāre* – *parārem* и *parāre* – *parārem*. И здесь есть грамматическая омонимия рус. *человек* – *человека* (acc. sg.) и *человека* (gen. sg.).

6. Рус. *рука* – *рукой* и *рукой*; лат. *sine* ‘без’ и *sino* – *sine* ‘изгибать’.

7. Рус. *череп* – *черепах* и *черепах* – *черепах*; лат. *as* – *assi* ‘монета’ и *assis* – *assi* ‘ось’.

8. Рус. *ворон* – *ворона* и *ворóна*; лат. *fide* ‘верно’ и *fides* – *fide* ‘доверие’.

9. Рус. *ворона* – *ворон* и *ворон*; лат. *as* – *assis* и *assis* – *assis*.

10. Рус. *но* (междометие) и *но* (союз); лат. *pilum* – *pilum* и *pilum* – *pilum*; *pilo* и *pilo*, а также грамматическая омонимия рус. *дворник* ‘устройство’ как пом. и асс. sg.

Подобный порядок построения мы могли бы использовать для иных лингвистических явлений. Так, для получения изомеров мы можем прибавлять или отнимать одинаковые (*пустить* – *ступить*, *пустил* – *ступил*) или неодинаковые отрезки (*рука* – *рукам*, *курица* – *курам*).

Таким образом, мы показали систему количественных изменений на примере омонимии (напомним, что омонимизация – это процесс симметризации). Симметрия формы образуется в результате вычитания или прибавления либо букв, либо морфем, которыми различались две несимметричные до преобразования словоформы (дифференциальная разница). В рамках данной статьи мы не останавливались на вопросе, совпадают ли между собой морфемы данного конкретного языка и дифференциальные разницы, операции с которыми и приводят к выравниванию форм и проявлению того или иного лингвистического явления. Однако при утвердительном ответе на этот вопрос такой подход позволил бы упростить распознавание компьютером флексий, а возможно, и других аффиксов.

Литература

1. Урманцев, Ю. А. Симметрия и асимметрия как категории ОТС: их природа и соотношение / Ю. А. Урманцев // Система. Симметрия. Гармония. М., 1988.
2. Урманцев, Ю. А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития / Ю. А. Урманцев // Система. Симметрия. Гармония. М., 1988.
3. Карпов, В. А. Язык как система / В. А. Карпов. Минск, 1992.

Л. С. Капитула

НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Язык представляет собой сложную динамичную систему, которая непрерывно развивается и совершенствуется. Наиболее ярко динамичный характер языка раскрывается в терминологии. В любом языке делается попытка образовать новые специальные понятия прежде всего из собственных ресурсов, учитывая при этом предъявляемые к термину требования краткости и точности обозначения. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что процессу терминообразования в подязыке французской медицинской лексики присуща своя ярко выраженная особенность: в силу общеизвестных исторически сложившихся обстоятельств он использует не исконные средства, а уже имеющиеся латино-греческие единицы как наследие латыни.

Задача предстоящего анализа – определить наличие закономерностей перехода медицинских терминов из латинского языка во французскую терминосистему. Рассмотрим данную проблему на примере нескольких терминологических единиц, объединенных общим прилагательным *зубчатый*: *зубчатая мышца*, *зубчатый шов*, *зубчатый край*, *зубчатое ядро*, *зубчатая линия*, *зубчатая извилина*, *зубчатая связка*. Для начала установим латинские и французские варианты перечисленных терминов, воспользовавшись сведениями общих, специальных и медицинских французских словарей [1–7; 9–11]. Согласно полученным данным, попытаемся сопоставить латинские и французские исследуемые словосочетания, предварительно представив их в виде следующей таблицы.

Латинский термин	Перевод на русский язык	Французский термин	Перевод на русский язык
musculus serratus anterior (PNA ¹)	передняя зубчатая мышца	muscle grand dentelé; musculus serratus anterior (PNA)	передняя зубчатая мышца
musculus serratus lateralis (JNA ²)	латеральная зубчатая мышца	muscle grand dentelé; musculus serratus anterior (JNA)	латеральная зубчатая мышца

¹ PNA (Parisiana Nomina Anatomica) – Парижская анатомическая номенклатура, принятая в Париже в 1955 г. на Международном конгрессе анатомов.

² JNA (Jenaer Nomina Anatomica) – Йенская анатомическая номенклатура, принятая в Йене в 1936 г.

Латинский термин	Перевод на русский язык	Французский термин	Перевод на русский язык
musculus serratus dorsalis caudalis (JNA)	каудальная дорсальная зубчатая мышца	muscle petit dentelé postérieur inférieur; musculus serratus posterior inferior (PNA)	каудальная дорсальная зубчатая мышца
musculus serratus posterior inferior (PNA)	нижняя задняя зубчатая мышца	muscle petit dentelé postérieur inférieur; musculus serratus posterior inferior (PNA)	нижняя задняя зубчатая мышца
musculus serratus dorsalis craniālis (JNA)	краниальная дорсальная зубчатая мышца	muscle petit dentelé postérieur supérieur; musculus serratus posterior superior (PNA)	краниальная дорсальная зубчатая мышца
musculus serratus posterior superior (PNA)	верхняя задняя зубчатая мышца	muscle petit dentelé postérieur supérieur; musculus serratus posterior superior (PNA)	верхняя задняя зубчатая мышца
sutura serrata	зубчатый шов	suture dentelé; sutura serrata (PNA)	зубчатый шов
ora serrata	зубчатый край (волнообразная линия перехода зрительной части сетчатки в ее ресничную часть)	ora serrata (PNA)	зубчатая линия глаза
linea dentata = linea pectinea	зубчатая линия	—	—
	гребешковая линия	ligne pectinéale	гребешковая линия
nucleus dentatus	зубчатое ядро (мозжечка)	noyau dentelé; musculus dentatus (PNA)	зубчатое ядро (мозжечка)
gyrus dentatus	зубчатая извилина (головного мозга)	corps godronné; gyrus dentatus (PNA)	зубчатая извилина (головного мозга)
ligamentum denticulatum	зубчатая связка (мягкой мозговой оболочкой)	ligament dentelé; ligamentum denticulatum (PNA)	зубчатая связка (мягкой мозговой оболочки)
ligamentum pectineum = ligamentum pectinatum = ligamentum pectineale	зубчатая (гребешковая, гребенчатая) связка (склеры)	ligament pectiné; ligamentum pectineale (PNA)	гребешковая связка (склеры)

Как видим, в таблице вдвое больше примеров, чем планировалось подвергнуть анализу, потому что некоторые термины, как оказалось, имеют синонимичные конструкции. Ознакомившись с исследуемым материалом, мы можем сделать некоторые выводы. Во-первых, установлена идентичность перевода на русский язык латинских и французских терминологических единиц. Во-вторых, в составе французских словосочетаний практически полностью сохранились латинские существительные, претерпев лишь изменения в окончаниях и произношении согласно правилам национального языка. В-третьих, изменения касаются преимущественно прилагательного *зубчатый*, которое входит в состав всех анализируемых терминов. Прежде всего, нет единства в использовании данного прилагательного в латинской терминосистеме (ср. *serrātus*, *dentātus*, *denticulātus*, *pectineus* и др.). По результатам нашего исследования, наиболее употребительным является *serrātus* (от *serra* ‘пила’), которое, согласно этимологическим данным, встречается в латинском языке у Петрония и Плиния Старшего со значением ‘зубчатый’, ‘зазубренный’ [14, 126]. С теми же пометами и значением ‘зазубренный, зубчатый, пилообразный’ мы находим данное прилагательное в латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого [14, 924], который указывает на его применение в разговорном языке. В современной латинской анатомической терминологии прилагательное *serrātus* используется в восьми примерах (см. таблицу).

В трех терминологических единицах нами обнаружено прилагательное *dentātus* (*linea dentāta* ‘зубчатая линия’, *nucleus dentātus* ‘зубчатое ядро’, *gyrus dentātus* ‘зубчатая извилина’), которое зафиксировано словарями со значением ‘зубчатый, имеющий зубы, зазубренный’ в I в. до н. э. у Цицерона и Катутла и происходит от *dens* ‘зуб’ [4, 307; 12, 89].

Следует различать применение прилагательного *зубчатый* в словосочетании *зубчатая связка*, так как оно выражается в латинском языке двумя разными терминами в зависимости от принадлежности к анатомическому образованию. Если речь идет о *зубчатой связке мягкой мозговой оболочки*, то употребляется термин *ligamentum denticulātum*. Прилагательное *denticulātus* ‘зубчатый, мелкозазубренный’ происходит от *denticūlus* ‘зубчик’ (уменьшительное от *dens* ‘зуб’) и относится к I в. до н. э. [4, 307; 12, 89]. Для наименования *зубчатой связки склеры* применяется терминологическое словосочетание *ligamentum pectineum*. Относительно прилагательного *pectineus* необходимо заметить, что в указанном термине оно появилось только в Международной анатомической номенклатуре, принятой в 2003 г. [5, 49]. Но это вовсе не значит, что

прилагательное *pectineus* – новое слово. Оно встречалось и ранее в латинской анатомической терминологии, однако не как ‘зубчатый’, а как ‘гребенчатый’ или ‘гребешковый’ в составе других терминов, к примеру, *musculus pectineus* ‘гребенчатая мышца’, *linea pectinea* ‘гребешковая линия’ [1; 9]. А в терминологическом словосочетании *зубчатая связка склеры* использовалось, до выхода в свет последней анатомической номенклатуры, синонимичное прилагательное *pectinātus* (букв. ‘гребнеобразный’), происходящее от глагола *pectīno* ‘расчесывать, чесать’ [4, 734; 13, 57]. Причем, термин *ligamentum pertinātum* ‘зубчатая связка склеры’ в некоторых компетентных изданиях пометается в скобках как устаревшее название к термину *reticulūm trabeculāre* ‘трабекулярная сеточка’. Последний, как и *ligamentum pertinātum*, имеет отношение к склере глазного яблока, что явно свидетельствует о замене одного термина другим. Существует еще одна синонимичная единица для наименования *зубчатой связки склеры* – *ligamentum pertineāle* [1, 142; 3, 447], где прилагательное *pertineālis* переводится на русский язык и как ‘зубчатый’, и как ‘гребенчатый’, что не влияет на значение термина в целом. Данный пример со всей очевидностью подтверждает наличие синонимов в медицинской терминологии, а также ее динамичный характер (прилагательные *pectineus*, *pectinātus* и *pertineālis* имеют общий корень и восходят к одному и тому же глаголу *pectīno*).

Далее сопоставим исследуемые латинские анатомические понятия с французскими. Как видно из таблицы, в большинстве французских терминов прилагательное *зубчатый* выражается одним и тем же словом *dentelé*, в то время как в латинском языке используются разные (*serrātus*, *dentātus*, *denticulātus*). Прилагательное *dentelé* вошло в лексику французского языка в 1560 г. [10, 519]. Оно характеризуется высокой частотностью употребления в медицинской, особенно анатомической, терминологии, которая, как известно, интенсивно создавалась именно в XVI–XVII вв.

На основании данного факта и конкретных примеров, изложенных в таблице, можно, на наш взгляд, утверждать о закономерности образования французских медицинских терминов от соответствующих латинских, что выражается, несмотря на франсизацию, в сохранении признаков их латинского происхождения. Ср., например, лат. *sutūra serrāta* – фр. *suture dentelé*; лат. *ligamentum denticulātum* – фр. *ligament dentelé*; лат. *nucleus dentātus* – фр. *noyau dentelé*; лат. *linea pectinea* – фр. *ligne pectinéale* и др. Тем не менее в терминах, включающих наименование *зубчатой мышцы*, наблюдается синонимичность конструкций во французском языке, в отличие от латинской терминосистемы. Например,

двум латинским терминам *musculus serratus anterior* ‘передняя зубчатая мышца’ и *musculus serratus lateralis* ‘латеральная зубчатая мышца’ соответствует только один французский – *muscle grand dentelé*. Это связано с принятием новой Международной анатомической номенклатуры (PNA 1995 г. сменила JNA 1936 г.), согласно которой в латинском языке термины *musculus serratus anterior* и *musculus serratus lateralis* выступают как синонимы, что и отражено в французских словарях. В латинской терминологии в подобных случаях продолжается некоторое время параллельное употребление двух терминов.

К числу закономерностей следует также отнести применение наряду с французскими так называемых *termīni technīci*, графически и грамматически оформленных на латинском языке. Идентичность их написания и значения является незаменимым средством интернационализации медицинской терминологии [8, 417]. По данным нашего исследования, есть случаи использования во французской медицинской терминосистеме только *terminus technicus*. Например, латинский термин *ora serrata* ‘зубчатый край’ (волнообразная линия перехода зрительной сетчатки в ее ресничную часть) выражается во французском языке той же терминологической единицей (*ora serrata*), только переводится как *зубчатая линия глаза*. Правда, понятие ‘зубчатый, неровный край’ все же есть во французском языке – это *bord dentelé*, однако данное словосочетание относится к общеупотребительной лексике [3, 245].

Типичным примером постоянного обновления медицинской терминологии является, кроме упомянутых выше, латинский термин *linea dentata* ‘зубчатая линия’ (линия разделения наружной косой мышцы живота от передней зубчатой мышцы [9, 1, 399]). От него во французской терминосистеме не осталось даже *terminus technicus*. Продуктивнее оказался его латинский синоним *linea pectinea* ‘гребешковая линия’, от которого образовался французский термин *ligne pectinéale* ‘гребешковая линия’.

Интересно заметить, что от трех синонимичных латинских терминологических словосочетаний (*ligamentum pectineum* = *ligamentum pectinatum* = *ligamentum pectineale*) образовался только один французский термин *ligament pectiné* ‘гребешковая связка (склеры)’, а в качестве *terminus technicus* используется *ligamentum pectineale*.

Своеобразным исключением из правила выступает следующая пара: лат. *gyrus dentatus* – фр. *corps godronné* со значением ‘зубчатая извилина (головного мозга)’, что в переводе с французского буквально значит ‘зубчатое тело извилины морского конька’ [2, 197; 7, 123]. В данном слу-

чае при образовании французского термина были использованы другие языковые ресурсы, а именно: вместо существительного *извилина* (лат. *gyrus*) употреблено во французском языке *corps* ‘тело’ от лат. *corpus* ‘тело’, а прилагательное *зубчатый* выражено лексемой *godronné*, предположительно, от глагола *godronner* ‘орнаментировать рядами выпуклостей (посуду, архитектурные сооружения)’ [3, 406].

Таким образом, исследование показало, что медицинская подсистема французского языка развивается в русле его исторических тенденций, подчиняясь его законам и нормам. Однако значительная часть медицинских терминов получена в наследие от латинского языка и, несмотря на их интенсивную франсизацию в процессе формирования медицинской терминологии, сохраняет явные признаки своего латино-греческого происхождения. Традиционной особенностью медицинской терминологии продолжает оставаться употребление во французском языке так называемых *termiņi technici*. Синонимичное использование терминологических единиц, постоянное обновление и совершенствование медицинской терминологии свидетельствует о непрерывном развитии языка и его подсистем.

Литература

1. Анатомический словарь: русско-белорусско-латинский, белорусско-латинский, латинско-белорусский / сост.: С. П. Ярошевич [и др.]. Минск, 1998.
2. Беженарь, Г. И. Русско-французский медицинский словарь / Г. И. Беженарь, В. Ф. Беженарь, Е. О. Якушева. М., 1988.
3. Ганшина, К. А. Французско-русский словарь / К. А. Ганшина. М., 1977.
4. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. М., 1976.
5. Международная анатомическая номенклатура (с официальным списком русских эквивалентов) / под ред. Д. Л. Колесникова. М., 2003.
6. Фениш, Х. Карманный атлас анатомии человека на основе Международной номенклатуры / Х. Фениш, при участии В. Даубера; пер. с англ. С. Л. Кабак, В. В. Руденко; пер. под ред. С. Д. Денисова. Минск, 1996.
7. Французско-русский медицинский словарь / под ред. А. Н. Рубакина. М., 1974.
8. Чернявский, М. Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии // Энцикл. слов. мед. терминов. Т. 3. М., 1984.
9. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. М., 1982–1984.
10. Dubois, J. Larousse de la langue française: lexis / J. Dubois. Paris, 1979.
11. Larousse, P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle: en 15 vol. / P. Larousse. Paris, 1866–1876. Vol. 11.
12. Słownik łacinsko-polski / pod. red. M. Plezi. T. 2. Warszawa, 1962. S. 89.
13. Słownik łacinsko-polski / pod. red. M. Plezi. T. 4. Warszawa, 1974. S. 57.
14. Słownik łacinsko-polski / pod. red. M. Plezi. T. 5. Warszawa, 1979. S. 126.

А. В. Кириченко

ПЕРЕВОД ГРЕЧЕСКОГО ОДНОСЛОВНОГО ГЛАГОЛА
ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫМ СОЧЕТАНИЕМ
В РУССКОМ И/ИЛИ БЕЛОРУССКОМ
ТЕКСТАХ ЕВАНГЕЛИЙ

Основная номинативная функция глагольной лексики – обозначение действия, процесса или состояния – в языке может выражаться разными способами: с помощью однословных глаголов (рус. *победить*, *помочь*, бел. *шкодзіць*, *падманваць*, греч. ζῶν ‘жить’, χρῶμαι ‘нуждаться’) (значения греческих лексем приводятся по «Древнегреческо-русскому словарю» И. Х. Дворецкого [1]) и с помощью различных устойчивых сочетаний, среди которых находятся глагольно-именные описательные выражения (рус. *одержать победу*, *оказать помощь*, бел. *рабіць шкоду*, *уводзіць у зман*, греч. ἔχειν ζωὴν ‘иметь жизнь’, ἔχειν χρεῖαν ‘иметь нужду’). Часто глагольно-именное описательное выражение имеет семантически синонимичный ему однословный глагол, который в ряде случаев обладает общим корнем с существительным, входящим в состав выражения. Большинство лингвистов сходится во мнении, что значение глагола почти всегда шире значения словосочетания, так как в словосочетании уточняется и конкретизируется одно из глагольных значений. А. П. Мордвилко выделил три типа семантических соотношений универбов и лексически связанных с ними глагольно-именных сочетаний: отношения семантической эквивалентности, отношения семантической близости, сопровождающиеся теми или иными смысловыми различиями, и отношения семантического несоответствия [2].

Семантическая близость однословного глагола и глагольно-именного описательного выражения позволяет переводчикам передавать универб одного языка глагольно-именным сочетанием в другом.

В тексте Евангелий в большинстве случаев глагольно-именным описательным выражением на русский и белорусский языки переводится аналогичная греческая конструкция [4]. Однако встречается довольно много примеров, когда греческий однословный глагол передан глагольно-именными описательными выражениями.

Например, греческий глагол εὐχαριστῶ ‘питать благодарностью, быть благодарным, благодарить’ имеет однословные русский и белорусский аналоги *благодарить* / *дзякаваць*, но переводится описательными выражениями. На наш взгляд, это обстоятельство можно объяснить тем,

что действующим лицом в описываемой ситуации является Христос – Сын Божий, а сочетания *воздать благодарение* / *узнєси падзяку* стилистически предпочтительнее из-за своей возвышенной коннотации.

...καὶ λαβὼν τοὺς ἑπτὰ ἄρτους, εὐχαριστήσας ἔκλασε, καὶ ἐδίδου τοῖς μαθηταῖς Αὐτοῦ... – ...и взяв семь хлебов и **воздав благодарение**, преломил и дал ученикам Своим... – ...і, узяўшы сем хлябоў, **узнёсишы падзяку**, пераламіў, і даў вучням Сваім... (Мк. 8.6, Мф. 15.36) [3].

Глагол ἐκπνέω ‘выдыхать, веять, дуть, извергать; испускать дух, умирать’, наоборот, не имеет буквального однословного аналога для этого контекста в русском и белорусском языках, поэтому, на наш взгляд, и переводится глагольно-именными сочетаниями.

Ὁ δὲ Ἰησοῦς ἀφεὶς φωνὴν μεγάλην, **ἐξέπνευσε**. – *Иисус же, возгласив громко, испустил дух*. – *Ісус жа, ускрыкнуўшы моцна, спусціў дух* (Мк. 15.37; этот греческий глагол переводится такими же сочетаниями в Мк. 15.39, Лк. 23.46).

В следующем отрывке глагол προσφωνέω ‘обращаться с речью, заговаривать, произносить, говорить’ по стилистическим причинам переведен глагольно-именными сочетаниями, которые несколько отличаются по значению от данного глагола. Поэтому можно утверждать, что при переводе этого отрывка на белорусский язык решающее влияние оказал русский текст.

Πάλιν οὖν ὁ Πυλᾶτος **προσεφώνησε**, θέλων ἀπολῦσαι τὸν Ἰησοῦν. – *Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса*. – *Ізноў Пілат узвысіў голас, хочучы адпусціць Ісуса* (Лк. 23.20).

В отрывке, приведенном ниже, глагольно-именными сочетаниями переведен глагол χρήζω ‘иметь нужду, нуждаться’, синонимичный встречающемуся в Евангелиях описательному выражению ἔχειν χρεῖαν ‘иметь нужду’.

...ὁμῶν δὲ ὁ Πατὴρ οἶδεν ὅτι **χρήζεστε** τούτων. – ...ваш же Отец знает, что вы **имеете нужду** в том. – ...Айцец жа ваш ведае, што вы **маеце патрэбу** ў гэтым (Лк. 12.30).

Никак не мотивировано в тексте Евангелия значение глагола μωραίνω ‘быть глупым; сводить с ума’, однокоренного с прилагательным μωρός~ ‘неразумный, безрассудный, глупый’. Значение в пассивном залоге ‘терять силу или вкус (о соли)’ этот глагол приобретает только в Новом Завете, т. е. переводы данного глагола контекстуально обусловлены.

...ἐὰν δὲ τὸ ἅλας **μωρανθῇ**, ἐν τίνι ἄρτυθήσεται; – ...но если соль **потеряет силу**, чем исправить ее? – ...але калі соль **страціць сілу**, чым **направіць** яе? (Лк. 14.34, Мф. 5.13).

Интересным в плане перевода представляется отрывок Лк 2.1. Глагол ἀπογράφω переводится как ‘переписывать, вносить в списки, записывать, регистрировать’. В переводах используются описательные выражения, конкретизирующие в данном контексте значение глагола.

...ἐξῆλθε δόγμα παρὰ καίσαρος Αὐγούστου **ἀπογράφεσθαι** πᾶσαν τὴν οἰκομένην. – (букв.) ...*вышло постановление от кесаря Августа **вносить в списки (переписывать)** всю землю обитаемую.* – ...*вышло от кесаря Августа повеление **сделать перепись** по всей земле.* – ...*выйшаў указ ад кесара Аўгуста **зрабіць перапіс** на ўсёй зямлі* (Лк. 2.1).

В следующем отрывке глагол καταγεύω ‘кивать в знак согласия, давать знак’, описывающий жест согласия, переведен глагольно-именными сочетаниями, так как только этот способ перевода позволяет правильно отразить смысл всего предложения.

Καὶ **κατένευσαν** τοῖς μετόχοις τοῖς ἐν τῷ ἑτέρῳ πλοίῳ, τοῦ ἐλθόντος συλλαβέσθαι αὐτοῖς... – *И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им...* – *І дали знак супольнікам, якія былі ў другой лодцы, каб прыйшлі памагчы ім...* (Лк. 5.7).

Глагольно-именными сочетаниями переведен и греческий глагол προσφέρω, который означает только ‘подносить, подводить, предлагать’, а существительное *жертва* подразумевается. Для конкретизации значения в переводах добавлено данное существительное.

...ἀλλὰ ἀπελθὼν δεῖξον σεαυτὸν τῷ ἱερεὶ καὶ **προσένευκε** περὶ τοῦ καθαρισμοῦ σου, καθὼς προσέταξε Μωϋσής... – ...*а пойти показаться священнику и **принести жертву** за очищение свое, как повелел Моисей...* – ...*але ідзі, пакажыся святару і **прынясі ахвяру** за ачышчэнне сваё, як загадаў Маісей...* (Лк. 5.14).

Сложные греческие глаголы ἀγαθοποιεῖν (ἀγαθός + ποιεῖν) ‘делать добро’ и κακοποιεῖν (κακός + ποιεῖν) ‘делать зло’ также переданы глагольно-именными сочетаниями.

Καὶ ἐὰν **ἀγαθοποιῇτε** τοὺς **ἀγαθοποιοῦντας** ὑμᾶς, ποῖα ὑμῖν χάρις ἐστὶ; – *И если **делаете добро** тем, которые вам **делают добро**, какая вам за то благодарность?* – *І калі **робіце дабро** тым, хто вам **робіць дабро**, якая вам за гэта падзяка?* (Лк. 6.33).

...ἐπερωτήσω ὑμᾶς: τί ἐξεστὶ τοῖς σάββασι, **ἀγαθοποιῆσαι, ἢ κακοποιῆσαι**... – ...*спрошу Я вас: что должно **делать** в субботу? **добро**, или **зло**?* – ...*спытаюся Я ў вас: што дазволена **рабіць** на суботах – **дабро** **рабіць** ці **зло** **рабіць**?* (Лк. 6.9; эти глаголы с такими же вариантами переводов в Мк. 3.4).

Перевод лексемы εἰρηνεύω ‘жить в мире, умиротворять’ описательными выражениями с глаголом *иметь* в следующем отрывке можно

объяснить наличием словосочетания с этим глаголом в первой части предложения. Такой способ перевода создает параллельность синтаксической конструкции, что придает тексту поэтичность.

Ἐχετε ἐν ἑαυτοῖς ἄλας, καὶ εἰρηνεύετε ἐν ἀλλήλοις. – *Имейте в себе соль, и мир имейте между собою. – Майце соль у сабе, і мір майце меж сабою* (Мк. 9.50).

Перевод однословного глагола ὠφελέω ‘оказывать помощь, помогать; *pass.* получать помощь, извлекать пользу’ описательными выражениями объясняется, на наш взгляд, тем, что в форме страдательного залога данный глагол невозможно перевести другими способами.

...καὶ μὴδὲν ὠφεληθεῖσα... – ...и не *получила* никакой *пользы*... – ...і ніякай *палёгкі* не *атрымала*... (Мк. 5.26).

В следующем отрывке однословный глагол θανάτω ‘убивать, умерщвлять, предавать смерти’ имеет форму субстантивированного инфинитива с предлогом (εἰς τὸ θανατῶσαι Αὐτόν – букв. ‘для умерщвления Его’) и переводится описательными выражениями в составе придаточного предложения цели. Стилистические различия между глаголом *убивать* и сочетаниями *преддавать смерти* / *аддаваць на смерць* и обусловило использование в переводах описательных выражений.

...ἔζητουν κατὰ τοῦ Ἰησοῦ μαρτυρίαν, εἰς τὸ θανατῶσαι Αὐτόν... – ...искали свидетельства на Иисуса, чтобы *предать* Его *смерти*... – ...шукали сведчання супраць Ісуса, каб *аддаць* Яго *на смерць*... (Мк. 14.55).

Невозможным представляется перевод одним словом глагола ἐπιорκέω ‘давать ложную клятву, быть клятвoprеступником, ложно клясться’, поэтому русский и белорусский варианты представляют собой глагольно-именные сочетания. Белорусский перевод семантически более точен, русский же передает смысл всего отрывка.

...οὐκ ἐπιорκήσεις, ἀποδώσεις δὲ τῷ Κυρίῳ τοὺς ὄρκους σου. – ...*не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. – ...не давай ілжывай прысягі, а выконвай перад Госпадам прысягі твае* (Мф. 5.33).

Глагол χρηματίζω означает ‘заниматься делами; вершить суд, выносить решение, сообщать ответ’. На основе последнего значения в пассивном залоге развивается значение ‘получать ответ’, что и отражено в белорусском и русском вариантах. В данном контексте χρηματίζω в сочетании со словами κατ’ ὄναρ означает ‘получать от Бога повеление через сновидение’.

...χρηματισθεῖς δὲ κατ’ ὄναρ, ἀνεχώρησεν εἰς τὰ μέρη τῆς Γαλιλαίας. – ...но *получив* во сне *откровение*, пошел в пределы Галилейские. – ...і *атрымаўшы* ў сне *наказ*, адышоў у межы Галілейскія (Мф. 2.22).

Необходимость конкретизировать значение глагола заставила переводчиков использовать описательное выражение для передачи лексемы παραίδωμι ‘передавать, предавать, выдавать’.

Ἀκούσας δὲ ὁ Ἰησοῦς, ὅτι Ἰωάννης **παρεδόθη**, ἀνεχώρησεν εἰς τὴν Γαλιλαίαν... – *Услышав же Иисус, что Иоанн **отдан под стражу**, удалился в Галилею...* – Ісус, пачуўшы, што Іаан **аддадзены варце**, адышоў у Галілею... (Мф. 4.12).

В ряде отрывков из Евангелий греческий однословный глагол переводится глагольно-именным сочетанием только на русский или только на белорусский язык. Так, в следующих примерах греческий универб переведен посредством описательного выражения только в русском варианте.

Глагол ἀπόλλυμι имеет значение ‘губить, уничтожать’. Так он и переведен на белорусский язык. В русском тексте на месте глагола мы наблюдаем синонимичное ему глагольно-именное сочетание *предавать смерти*.

Ἐλεύσεται καὶ **ἀπολέσει** τοὺς γεωργοὺς... – *Придет и **предаст смерти** виноградарей...* – Прыйдзе і **знішчыць** вінаградараў... (Мк. 12.9).

Глагол πλανᾶω ‘заставлять блуждать, уводить в сторону, вводить в заблуждение; *pass.* ошибаться’ на русский язык переведен соответствующим описательным выражением, отражающим значение страдательного залога, а на белорусский – возвратным глаголом.

...οὐ διὰ τοῦτο **πλανᾶσθε**... – *...этим ли **приводитесь вы в заблуждение**...* – ...ці не таму вы **памыляецеся**... (Мк. 12.24).

В следующем примере русским глагольно-именным сочетанием передан греческий глагол ἀλίζω ‘солить’. В белорусском варианте мы имеем более близкий оригиналу перевод универбом.

Ἐὰν δὲ τὸ ἅλας μωρανθῇ, ἐν τίνι **ἀλισθήσεται**; – *Если же соль потеряет силу, то чем **сделаешь** ее соленою?* – Калі ж соль страціць сілу, дык чым **асоліш** яе? (Мф. 5.13).

Греческий глагол δύναμαι ‘мочь, быть в состоянии’ на русский язык переведен описательным выражением, синонимичным по значению данному глаголу. Отсутствие форм причастия и деепричастия от глагола *мочь* в русском языке обусловило перевод этого глагола устойчивым выражением. Белорусский перевод представляет собой особую синтаксическую конструкцию.

...καὶ **μὴ δυνάμενοι** προσεγγίσαι Αὐτῷ διὰ τὸν ὄχλον, ἀπεστέγασαν τὴν στέγην, ὅπου ἦν... – *...и **не имея возможности** приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился...* – ...і, **не маючы як** наблізіцца да Яго з-за натоўпу, яны раскрылі дах над тым месцам, дзе Ён быў... (Мк. 2.4).

Интересным представляется перевод греческого глагола δικαίῳ ‘оценивать по достоинству, считать правильным, признавать справедливым, законным, нужным, соглашаться, оправдывать, одобрять’ в следующем отрывке. Данный глагол многозначен, его семантика тесно связана с контекстом, отсюда и разные способы его перевода на русский и белорусский языки: описательным выражением и свободным словосочетанием соответственно. Возможно, на русский перевод повлияло употребление в других случаях выражения *воздать славу* (см. отрывки Ин. 9.24, Лк. 17.18).

Καὶ πᾶς ὁ λαὸς ἀκούσας καὶ οἱ τελεῖναι ἐδικαίωσαν τὸν Θεόν, βαπτισθέντες τὸ βάπτισμα Ἰωάννου... – *И весь народ, слушавший Его, и мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым...* – *І ўвесь народ, што слухаў, і мытнікі прызналі правату Бога, хрысціўшыся хрышчэннем Іаанавым* (Лк. 7.29).

Следующие отрывки представляют примеры перевода греческого однословного глагола глагольно-именным сочетанием только в белорусском варианте. Глагол ἀποπλανᾶω ‘уводить в сторону, отклонять’ передан в русском варианте лексемой *прельщать*, а в белорусском – описательным выражением *увесці ў зман*.

...καὶ δώσουσι σημεῖα καὶ τέρατα, πρὸς τὸ ἀποπλανᾶν, εἰ δυνατόν, καὶ τοὺς ἐκλεκτοὺς. – ...и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. – ...і дадуць знаменні і цуды, каб увесці ў зман, калі магчыма, і абраных (Мк. 13.22).

Перевод глагола πραγματεύομαι ‘заниматься, заботиться, хлопотать’ в полной мере не отражает необходимого смысла данного контекста, поэтому в сочетании с существительным со значением денежных единиц этот глагол переведен на русский язык свободным словосочетанием *употреблять в оборот*, а на белорусский – описательным выражением *укласці ў справу*.

...καλέσας δὲ δέκα δούλους ἑαυτοῦ, ἔδωκεν αὐτοῖς δέκα μνᾶς καὶ εἶπε πρὸς αὐτούς, **πραγματεύσασθε** ἕως ἔρχομαι. – ...призвав же десять рабов своих, дал им десять мин и сказал им: **употребляйте их в оборот**, пока я возвращусь. – ...і, паклікаўшы дзесяць рабоў сваіх, ён даў ім дзесяць мін і сказаў ім: **укладзіце ў справу**, пакуль я вярнуся (Лк. 19.13).

Греческая лексема διακονίζομαι имеет значение ‘находиться во власти божества, быть одержимым’. Так как эта лексема стоит в форме причастия, на русский язык она переведена прилагательным *бесноватый*, а на белорусский – глагольно-именным сочетанием, в котором глагольный компонент также имеет форму причастия.

...ἔφερον πρὸς αὐτὸν πάντας τοὺς κακῶς ἔχοντας καὶ τοὺς δαιμονιζομένους. — ...приносили к Нему всех больных и бесноватых. — ...принесли да Яго ўсіх хворых і апанаваных дэманамі (Мк. 1.32).

Таким образом, исходя из вышеприведенных примеров, можно сделать вывод, что однословный глагол переводится описательным выражением, если, во-первых, в русском и белорусском языках не существует универба, передающего необходимую в данном контексте семантику греческого глагола; во-вторых, если это сложный глагол, «распадающийся» при переводе на составные части; в-третьих, если описательное выражение оказывается стилистически более предпочтительным.

Литература

1. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / И. Х. Дворецкий. М., 1958. 2 т.
2. Мордвилко, А. П. Очерки по русской фразеологии (именные и глагольные фразеологические обороты) / А. П. Мордвилко. М., 1964.
3. Все цитаты из Евангелий приводятся по изданиям: Евангелие Господа нашего Иисуса Христа. На четырех языках: эллинском, славянском, российском и белорусском с параллельными местами. Евангелие от Матфея. Минск, 1991; Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста. Святое Евангелле паводле Марка. На чатырох мовах: грэчаскай, славянскай, рускай і беларускай з параллельнымі месцамі / пер. на бел. мову Бібл. Каміс. Бел. Праваслаўнай Царквы. Мінск, 1999; Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста. Святое Евангелле паводле Лукі. На чатырох мовах: грэчаскай, славянскай, рускай і беларускай з параллельнымі месцамі / пер. на бел. мову Бібл. Каміс. Бел. Праваслаўнай Царквы. Мінск, 2003; Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста. Святое Евангелле паводле Іаана. На чатырох мовах: грэчаскай, славянскай, рускай і беларускай з параллельнымі месцамі / пер. на бел. мову Бібл. Каміс. Бел. Праваслаўнай Царквы. Мінск, 2005.
4. См. наши работы: Климушкина (Кириченко), А. В. Глагольно-именные сочетания в Евангелии от Матфея и особенности их перевода на русский язык / А. В. Климушкина (Кириченко) // Studia philologica: сб. науч. ст. / под ред. Г. И. Шевченко; редкол.: Г. И. Шевченко [и др.]. Минск, 1996. Вып. 2. С. 28–32; Кириченко, А. В. Передача глагольно-именных сочетаний с глаголом δίδωμι в новом белорусском переводе Евангелия от Иоанна / А. В. Кириченко // Язык и социум: материалы IV Междунар. науч. конф., Минск, 1–2 дек. 2001 г. / редкол.: Л. Н. Чумак [и др.]. Минск, 2001. Ч. 2. С. 125–127; Кириченко, А. В. Глагольно-именные сочетания с глаголом ποιεῖν в Евангелиях и особенности их перевода на русский язык / А. В. Кириченко // Studia philologica: сб. науч. ст. / под ред. Г. И. Шевченко; редкол.: А. В. Гарник [и др.]. Минск, 2001. Вып. 4. С. 32–39; Кириченко, А. В. Глагольно-именные описательные выражения с глаголом ἔχω в Евангелии от Иоанна / А. В. Кириченко // Філалагічныя навукі: маладыя вучоныя ў пошуку: матэрыялы навук. канф., прысвечанай 80-годдзю БДУ, Мінск, 20 крас. 2001 г. / БДУ, адк. рэд. С. А. Важнік. Мінск, 2001. С. 77–79.

Е. Л. Кузнецова

ПРИНЦИПЫ И СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ ИЗ РОДА PLANTĀGO (ПОДОРОЖНИК)

В данной работе мы рассмотрим названия некоторых травянистых лекарственных растений с точки зрения ономастики. Нас интересуют их латинские номенклатурные, русские литературные и диалектные наименования. Цель работы – проанализировать принципы и способы номинации этих растений. Задачи работы – проанализировать структуру и установить этимологию названий данных растений. Отметим, что под принципом номинации мы понимаем признак, положенный в основу наименования. Способы номинации рассматриваются с точки зрения их подразделения на следующие виды:

1) использование аффиксальных средств, которыми располагает данный язык;

2) заимствование иноязычного слова;

3) переосмысление уже существующего в языке слова;

4) описательное обозначение, т. е. создание составного наименования;

5) создание сложного образования, самая внутренняя форма которого в определенной степени раскрывает смысл наименования [13, 30, 34].

Так, остановимся на названиях некоторых многолетних травянистых растениях из семейства подорожниковых – *Plantāgo lanceolāta* (подорожник ланцетный), *Plantāgo major* (подорожник большой) и *Plantāgo media* (подорожник средний) [7, 618, 621]. Научные названия данных растений, как и принято в Международной ботанической номенклатуре, состоят из двух слов – родового и видового наименований. Родовое название, существительное *Plantāgo*, согласно «Этимологическому словарю латинского языка» А. Эрну – А. Мейе, происходит от лат. *planta* ‘подошва (ноги)’. В словаре объясняется и причина появления такого наименования: из-за формы листьев растения. Второй элемент названия *Plantāgo* – суффикс *-āgo* [15, 512]. Еще один источник, «Оксфордский латинско-английский словарь», также свидетельствует о наличии в составе фитонима *Plantāgo* двух словообразовательных элементов – основы существительного *planta* ‘подошва (ноги)’ и суффикса *-āgo* [17, 1387]. Другой этимологический словарь латинского языка, А. Вальде, указывает на аналогичное происхождение первого компонента фитонима *Plantāgo*. Однако при этом несколько иначе трактуется признак растения, на основе которого возникло наименование: от *planta* ‘подо-

шва (ноги)' из-за плоских листьев [18, II, 318]. Как видим, в данном слове при сравнении листьев подорожника с подошвой стопы обращается внимание не на форму листьев, а на такое их свойство, как гладкая поверхность. В то же время в отечественной ботанико-фармацевтической литературе встречается версия о происхождении наименования *Plantāgo* от латинских лексем *planta* 'ступня' и *ago* 'вести, следовать' [1, 258; 6, 1027; 14, 564]. При этом делается вывод, что, исходя из такой этимологии, данное название можно понимать как лексему, имеющую значение 'след'. В одном из источников наименование объясняется так: лист подорожника, прижатый к поверхности почвы, напоминает след ноги [14, 564]. В другом же источнике причина появления названия объясняется следующим образом: подорожник как бы ступает, следует за человеком, вырастая вдоль дорог [6, 1027]. В связи с этим приводится следующее предание. Когда в XVI в. европейцы попали в Америку, они занесли с грязью на ногах семена подорожника. Он пророс вдоль дорог, по которым они проходили. «След белого человека», – с опаской говорили североамериканские индейцы, увидев чужое для них растение, появлявшееся в местах, где побывал европеец. Отсюда, как гласит предание, и возникло в языке местных жителей название растения [6, 1027; 14, 564]. И хотя представленные в ботанико-фармацевтической литературе версии представляют определенный интерес, однако, принимая во внимание этимологические данные, приводимые в словарях А. Эрну – А. Мейе и А. Вальде, мы исключаем возможность рассмотрения второго компонента фитонима *Plantāgo* как глагола *ago*. Подтверждением тому служит и тот факт, что суффикс *-āgo* является довольно распространенным как в названиях растений (например, *Fabāgo* 'бурачник', *Tussilāgo* 'мать-и-мачеха' [14, 94, 458]), так и в ряде других существительных (*cartilāgo* 'хрящ', *imāgo* 'изображение' [17, 90]). Таким образом, отметим, что толчком к появлению названия *Plantāgo* послужили внешний вид и особенности строения листьев растения, т. е. его морфологический признак (с точки зрения ботанической терминологии). Фитоним *Plantāgo* является примером словообразовательной номинации, поскольку создан путем суффиксации: к основе латинского существительного *planta* был присоединен суффикс *-āgo*.

Теперь обратимся к латинским видовым эпитетам интересующих нас растений. Они представляют собой прилагательные, согласованные с родовым наименованием *Plantāgo* (*lanceolātus* 'ланцетный' [7, 621], 'ланцетовидный' [10, 168], 'ланцетолистный' [14, 564]; *major* 'большой', здесь 'большой'; *medius* 'средний' [10, 170]). Прилагательное *lanceolātus* является производным от существительного *lanceōla* [*demin.*

к *lancea*] ‘маленькое копьё, копьёцо’ [5, 439]. По описанию этого вида подорожника становится понятно, что такое видовое наименование обусловлено заостренной формой листьев растения: листья ланцетные или узколанцетные, острые [7, 621]. Интересно, что латинский видовой эпитет *lanceolāta* основан на сравнении с маленьким копьём, в то время как русское видовое название *ланцетный* (*ланцетовидный*, *ланцетовидный*) подразумевает сравнение уже с другим острым предметом – ланцетом, старинным хирургическим инструментом, который сейчас называют скальпелем [3, 277]. В свою же очередь наименование *ланцет*, согласно «Современному словарю иностранных слов», восходит к латинской лексеме *lancea* ‘копье’: «Ланцет (фр. *lancette*, от лат. *lancea* ‘копье’) – хирургический инструмент в виде небольшого острого с обеих сторон ножа» [4, 380]. Итак, видовое наименование *lanceolāta* отражает морфологический признак растения. Это название – результат аффиксального словообразования: оно образовано при помощи суффиксации от латинского существительного *lanceōla*. Что же касается научных видовых эпитетов двух других видов подорожника, *major* и *media*, то очевидно, что они также заключают в себе морфологический признак растений, т. е. характеризуют их размеры. В частности, научное видовое название *major* было дано этому виду растения в связи с тем, что почти у всех остальных представителей рода *Plantāgo* или уже листья, или меньше цветонос [14, 564]. В качестве данных видовых эпитетов были использованы имеющиеся в латинском языке прилагательные [5, 467, 477].

Следует отметить, что уже в эпоху античности фитоним *Plantāgo* встречается в известном труде «*Naturālis historia*» Плиния Старшего [16, 188]. И позднее, в поэме «О свойствах трав» средневекового ученого Одо из Мена (глава 6) упоминаются два вида интересующего нас растения:

Тут же траву, что у нас подорожником кличут – «плантаго»,
Грек «арногlossой» зовет: очертанием листьев похожа
Та на овечий язык. И такой подорожник в природе
Двух существует родов: и «большим» называется первый,
«Малым» зовется второй... [2, 51]

Далее рассмотрим ряд русских диалектных названий подорожника. Данные фитонимы были разделены на группы в зависимости от принципа номинации.

Первая группа.

1. Для всех видов, принадлежащих роду *Plantāgo*: *лист попутный* [11, XVII, 63], *подорóжник* [11, XXVIII, 121], *подорóжница* [11, XXVIII, 122], *попутник* [11, XXX, 20], *попутчик* [11, XXX, 20–21], *придорóжник*

[11, XXXI, 194], *путничный лопух*, *лопушок* [11, XXXIII, 154], *путничная лопушка*, *лопуга* [11, XXXIII, 155].

2. Для *Plantāgo major*: *лопух подорожный* [11, XVII, 145], *путик* [11, XXXIII, 150], *путник (путник)* [11, XXXIII, 154].

3. Для *Plantāgo media*: *дорожник* [11, VIII, 136], *путик* [11, XXXIII, 150], *путничное листье* [11, XVII, 69].

Можно видеть, что названия-существительные являются производными от существительных *дорога* и *путь*. Прилагательные, входящие в состав двухсловных наименований, также представляют собой дериваты существительных *дорога* и *путь*. Стержневыми лексемами в данных словосочетаниях являются *лопух* (и его словообразовательные варианты *лопушок*, *лопушка*, *лопуга*) и *лист*, *листье*. Существительное *лопух* и его варианты были использованы в данном случае по ассоциации с иным растением. Лопухом в народе называют многие виды семейства сложноцветных, а также некоторые другие растения. Лексема *лопух* имеет обобщающее значение ‘растение с очень большими листьями’; с тем же значением слово представлено во всех славянских языках [8, 33].

Таким образом, фитонимы из данной группы отражают экологический признак растения. Иначе говоря, названия указывают на наиболее распространенное место произрастания растения – вдоль дорог и тропинок, там, где часто ходят люди [6, 1027]. Кроме этого, те составные наименования, которые содержат лексему *лопух* и ее вариации, характеризуют еще размер листьев подорожника и, соответственно, отображают морфологический признак растения. Для приведенных названий можно выделить следующие способы номинации. Во-первых, это аффиксальное словообразование: названия *подорожник*, *подорожница*, *попутник*, *попутчик*, *придорожник* являются префиксально-суффиксальными существительными, образованными от существительных *дорога* и *путь*. Наименования *дорожник*, *путик*, *путник (путник)* образованы при помощи суффиксации от этих же существительных. Во-вторых, это создание составных наименований, в которых прилагательные мотивированы существительными *дорога* и *путь* (способы образования – суффиксальный и префиксально-суффиксальный). Кроме того, случай употребления в словосочетании в качестве стержневого компонента существительного *лопух* можно рассматривать как совмещение двух способов номинации: создание составного названия и номинативная метафора.

Вторая группа.

1. Для всех видов, принадлежащих роду *Plantāgo*: *оржанік* [11, XXIII, 340], *ржанік* [11, XXXV, 96], *семижильник* [11, XXXVII, 154], *собачий лист* [11, XXXIX, 144], *собачьи уши* [11 XXXIX, 145].

2. Для *Plantāgo major*: *собачий язык* [11, XXXIX, 145].

Наименования *оржани́к* и *ржани́к* можно объяснить тем, что соцветия подорожника имеют колосовидную форму [7, 618, 621, 622] и, следовательно, напоминают колос ржи. В частности, эти лексемы используются в говорах и в качестве названий других растений, имеющих соцветие в форме колоса. Например, *оржа́ником* называют пырей (*пырей*, *оржаник такой, как рожь*), а *ржани́ком* тимopheевку [11, XXIII, 340; XXXV, 96]. Следующее название, *семижильник*, предположительно дано из-за количества прожилок на листе растений (количество таких прожилок варьируется: 3–9, 3–7 [7, 618, 621]). В то же время в просторечии известно прилагательное *семижильный*, которое употребляется по отношению к выносливому, сильному, крепкому человеку [12, XIII, 625]. Поэтому в переносном значении фитоним *семижильник* может характеризовать подорожник как «выносливое» и повсеместно распространенное растение. О нем ученые пишут следующее: «Растение это отличается необыкновенной плодovitостью и за сезон дает несколько десятков тысяч мелких семян, которые в осеннюю непогоду прилипают вместе с грязью к обуви пешеходов, копытам лошадей, колесам автомобилей и быстро захватывают новые пространства» [9, 174]. Далее, двухсловные наименования *соба́чьи уши* и *соба́чий язык* возникли по причине подобия формы листьев растения на уши или язык собаки (ср. фитоним *соба́чий язык* с объяснением греческого названия подорожника «*арно-гlossa*» в приведенном выше отрывке из поэмы «О свойствах трав»: т. к. трава очертанием листьев похожа на овечий язык). Таким же образом, по нашему мнению, объясняется и название *соба́чий лист* (т. е. подорожник – это растение, у которого лист похож на соба́чьи уши или на соба́чий язык).

Итак, наименования *оржани́к* и *ржани́к* отражают морфологический признак растений. Названия являются результатами аффиксального словообразования: лексемы *оржани́к* и *ржани́к* – это префиксально-суффиксальное и суффиксальное существительные, образованные от существительного *рожь*. Фитоним *семижильник*, на наш взгляд, заключает в себе либо морфологический признак растений, либо отличительное их свойство – плодovitость. Данное наименование представляет собой суффиксально-сложное существительное с опорным компонентом, содержащим основу существительного *жила*. Названия *соба́чьи уши*, *соба́чий язык*, *соба́чий лист* указывают на морфологический признак растений. Фитонимы *соба́чьи уши* и *соба́чий язык* являются примерами совмещения двух способов номинации: создание составных наименований, которые одновременно представляют собой номинативную метафору. Название же *соба́чий лист* – результат только одного

способа номинации, соединения в составе словосочетания существительного с прилагательным.

Третья группа.

1. Для всех видов, принадлежащих роду *Plantāgo*: *коно́пка*, *коно́почка* [11, XIV, 268].

2. Для *Plantāgo major* и *Plantāgo media*: *коно́п* [11, XIV, 268].

Приведенные народные названия, мы считаем, можно объяснить особой «прилипчивостью» семян подорожника, в том числе к копытам лошадей (о чем уже говорилось выше). Другой вариант объяснения данных названий: одним из мест произрастания интересующих нас растений является луг [7, 618, 621], который, как известно, может служить пастбищем для лошадей. Следовательно, такие наименования могут отражать свойство растений («прилипчивость» их семян) или экологический признак (т. е. содержать косвенное указание на одно из мест обитания растений). Рассмотренные названия – это суффиксально-сложные существительные с опорным компонентом, содержащим основу глагола *топтать*.

Четвертая группа.

1. Для *Plantāgo lanceolāta*: *порéзник* [11, XXX, 55].

2. Для *Plantāgo media*: *опухольная трава* [11, XXIII, 317].

Не вызывает сомнения, что данные фитонимы указывают на принадлежность подорожника к лекарственным растениям. Так, приведенные в «Словаре русских народных говоров» примеры диалектной речи иллюстрируют применение подорожника при определенных недугах, в частности при порезах: «Придорожник – это-от у дороги растет, когда чо порежешь, им прикладывают» [11, XXXI, 194]. Кроме того, в словаре даются указания на использование подорожника в народной медицине со ссылкой на Н. И. Анненкова, известного русского ботаника, автора «Ботанического словаря»: «Листья конотопа считают хорошим средством от опухоли в виде припарки»; «В народной медицине употребляется от ран, нарывов, вередов, ушибов, рожи» [11, XIV, 268; XXIII, 317]. Интересующие нас три вида подорожника применяются и официальной медициной. Из многочисленных фармакологических свойств перечислим некоторые: галеновые препараты из листьев подорожника оказывают противовоспалительное, обезболивающее, кровоостанавливающее, ранозаживляющее действие; свежие листья прикладывают к язвам, ранам, фурункулам, ожогам, ушибам, порезам и нарывам [7, 619].

Таким образом, приведенные выше названия отражают лекарственные свойства растений. С точки зрения способов номинации данные наименования можно охарактеризовать следующим образом: название

порéзник является примером аффиксации (оно образовано суффиксальным способом от существительного *порез*); фитоним *опухольная трава* – результат создания составного наименования (мотивирующий компонент – лексема *опухоль*, от которой образовано прилагательное).

В русском литературном языке отмечены фитонимы *подорóжник*, *подорóжничек* и *придорóжник*, причем как обобщающие наименования – «многолетняя дикорастущая луговая трава с широкими листьями и мелкими цветками, собранными в колос» [12, X, 517; XI, 453].

Итак, проанализировав интересующие нас названия, мы сделали следующие выводы.

1. Народные названия рассмотренных растений, принадлежащих роду *Plantāgo*, необычны и отличаются метафоричностью. Признаки, положенные в основу этих названий, разнообразны; однако среди них не встретилось таких наименований, в основу которых было бы положено сравнение листа подорожника с подошвой стопы (как в латинском родовом названии). В то же время в диалектах русского языка представлены наименования, характеризующие лист растения путем иных сравнений – с ушами и языком собаки, с лопухом.

2. Входящие в структуру двухсловных латинских наименований родовое и видовые названия рассмотренных растений представляют собой результаты следующих способов номинации: аффиксальное словообразование и использование известных в латинском языке лексем. Среди проанализированных русских диалектных и литературных фитонимов самыми многочисленными оказались однословные названия (16), меньшее количество – составные названия (11). Для народных и литературных наименований представлены практически все возможные способы номинации: использование аффиксальных средств; переосмысление уже существующего в языке слова (или словосочетания); описательное обозначение – создание словосочетания; создание названия путем сложения основ.

Литература

1. Анненков, Н. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. Новое, исправленное, пополненное и расширенное издание / Н. Анненков. СПб., 1878.

2. Березникова, Р. Е. Истоки ботанической номенклатуры в трудах ученых античности, средних веков и эпохи возрождения / Р. Е. Березникова // Язык медицины: всерос. межвуз. сб. науч. тр. Самара, 2007. Вып. 2. С. 50–52.

3. Большой атлас природы России. М., 2005.
4. Булыко, А. Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 тысяч слов и словосочетаний / А. Н. Булыко. М., 2004.
5. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. 4-е изд., стер. М., 1996.
6. Животные и растения: иллюстрир. энциклопед. слов. М., 2007.
7. Лекарственные растения: самая полная энциклопедия / А. Ф. Лебеда [и др.]. М., 2004.
8. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Тра-
вы. Грибы. Ягоды / В. А. Меркулова. М., 1967.
9. Мурох, В. И. Наш зеленый исцеляющий друг / В. И. Мурох, Л. И. Стеколь-
ников. Минск, 1987.
10. Прохоров, В. П. Ботаническая латынь: учеб. для студ. биол. и пед. фак. высш.
учеб. заведений / В. П. Прохоров. М., 2004.
11. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23),
Ф. П. Сороколетов (вып. 24–40). М.; Л.; СПб., 1965–2006. Вып. 1–40.
12. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., 1948–1965.
17 т.
13. Способы номинации в современном русском языке / Д. Н. Шмелев [и др.];
отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1982.
14. Чухно, Т. Большая энциклопедия лекарственных растений / Т. Чухно. М.,
2007.
15. Ernout, A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots /
A. Ernout, A. Meillet. 4-eme edit., rev., corr. et augm. d'un index. Paris, 1959.
16. C. Plini Secundi. Naturalis Historiae Libri XXXVII. Vol. VIII. Gothae, 1858.
17. Oxford Latin dictionary. Oxford, 1968.
18. Walde, A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch / A. Walde. 3. neubearbeitete
Aufl. von Hofmann J. B. Bd. 1–2. Heidelberg, 1938–1954.

Т. П. Мокрицкая

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ НЕАДЕКВАТНОСТЬ В ЭКВИВАЛЕНТНЫХ АНАТОМИЧЕСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ НА РУССКОМ И ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В рамках современной анатомической терминологии мы обнаружили около 150 пар названий разнообразных структур, представленных латинским термином и его русским эквивалентом, которые в той или иной мере имеют несоответствие в структурном или семантическом отношении. Целью исследования является анализ структурного и семантического аспектов эквивалентных латинско-русских пар терминов, обнаружение возможных схем влияния семантического наполнения терминов на их грамматическую структуру, выявление случаев потери смысла при различных способах номинации одних и тех же анатомических структур на латинском и русском языках.

Целесообразно разделить все обнаруженные эквивалентные пары на несколько групп. Критерием для градации стало наличие структурных различий, семантическое несоответствие и наличие одновременно структурно-морфологических и семантических отклонений внутри латинско-русских пар терминов. Рассмотрим каждую группу подробно.

В первую группу отнесены двуязычные пары, имеющие структурно-морфологическую неадекватность. Среди составляющих ее компонентов преобладают те, у которых латинский термин представлен одной лексической единицей, а русский эквивалент – словосочетанием: *radius* ‘лучевая кость’, *mesenterium* ‘брыжейка тонкой кишки’ и пр. Реже встречается обратный процесс: *dens incisivus* ‘резец’. Основная масса таких терминов сосредоточена в остеологии, среди названий кишок и зубов.

При номинации остеологических объектов на русском языке обязательным является использование словосочетаний, состоящих из существительного *кость* и согласованного с ним прилагательного. Последнее, как правило, образованы от соответствующего русского существительного, являющегося переводом латинского термина. Это можно проследить на примере следующих названий: *radius* ‘луч’ → ‘лучевая кость’, *ulna* ‘локоть’ → ‘локтевая кость’, *humerus* ‘плечо’ → ‘плечевая кость’.

Однако термин *humerus* не всегда употребляется в значении ‘плечевая кость’, а иногда приобретает значение ‘плечо’ в более широком

смысле – ‘подвижное округлое возвышение, соответствующее верхне-наружной стороне груди’, т. е. не соотносится с узкоспециальным термином *плечевая кость*. На это указывает термин *articulatio humeri* ‘сустав плеча (плечевой сустав)’, где указывается не только принадлежность его к плечевой кости, но и нескольким другим костям, находящимся в определенной близости с ней. Согласно словарю Карузина слово *humerus* до Цельса использовалось в более широком значении, а после него – в значении ‘плечевая кость’ [5, 116].

Интересующее нас явление несоответствия русских и латинских названий при номинации кишок встречается в 6 терминах: *caecum* ‘слепая кишка’, *colon* ‘ободочная кишка’, *duodenum* ‘двенадцатиперстная кишка’, *ileum* ‘подвздошная кишка’, *jejunum* ‘тощая кишка’, *rectum* ‘прямая кишка’. У четырех из них прослеживается явный процесс субстантивации прилагательных *caecus*, *duodenus*, *ieiunus*, *rectus* в формах среднего рода, изначально согласованных с существительным *intestinum* ‘кишка’. На наличие именно этого слова указывают ныне существующие термины *intestinum crassum* ‘толстая кишка’ и *intestinum tenue* ‘тонкая кишка’. Вероятно, причиной отсутствия в анатомических терминах-названиях кишок слова *intestinum* является тот факт, что все вышеуказанные термины называют отделы толстой и тонкой кишок и не имеют аналогии и сходства с какими-либо другими анатомическими структурами человеческого организма.

Среди названий кишок присутствует уникальный термин *colon* ‘ободочная кишка’, который, в отличие от предыдущих наименований, представляет собой существительное *colon*, которое Карузин считает калькой греческого слова $\kappa\acute{\omicron}\lambda\omicron\nu$ (κόλον) ‘обод колеса’ и указывает на сходство формы и расположения этой кишки с данным объектом действительности [5, 68]. Этот латинский анатомический термин не содержит и никогда не содержал какого-либо дополнительного указания на принадлежность его к кишечнику.

Особый интерес с морфологической точки зрения представляет название *ileum* ‘подвздошная кишка’. Мы не можем считать данный термин образованным путем субстантивации прилагательного, т. к. в латинском языке не существует прилагательного *ileus* ‘подвздошный’. В случае возможного использования существующей лексемы *ilium* (*ileum*), происходящей от существительного *ile* ‘брюшная полость, живот, пах’ для номинации этой кишки, могла бы получиться гипотетическая форма **intestinum ilei*. Однако это не привело бы к удалению главного слова *intestinum* из термина, содержащего несогласованное определение. Карузин, однако, указывает на то, что термин *ileum* (от греч. $\epsilon\lambda\epsilon\zeta$) ис-

пользовался Галеном в роли существительного в значении ‘заворот кишок и совокупность симптомов при их непроходимости’. Для названия нижнего отдела тонкой кишки слово *ileum* встречается у авторов, писавших после Галена [5, 118]. По неизвестной причине клинический термин стал названием отдела кишечника (возможно, в связи с обозначением того места, где происходит данный процесс, и переносом значения с процесса на место его прохождения).

Среди названий зубов также представлены пары, обладающие структурно-морфологическими отличиями составляющих компонентов. Латинские термины, называющие зубы, всегда состоят из существительного *dens* ‘зуб’ и согласованного с ним прилагательного, несущего функциональную или позиционную характеристику этого анатомического объекта. Но при переходе в русскую терминосистему мы можем обнаружить параллельно существующие термины с использованием существительного *зуб* либо без него: *dentes incisivi* ‘резцы’, ‘резцовые зубы’. В современной анатомической терминологии предпочтительным является использование русского эквивалента *резцы*. Следует отметить, что согласно этимологическому словарю *incisivus* ‘резцовый’ происходит от глагола *incido* ‘вырезать, резать’ и включает в себе функциональную характеристику анатомической структуры, что отражено и в русском эквиваленте *резцовый* ← *резать*.

Вторая группа исследуемых лексических тандемов была сгруппирована по принципу семантического несоответствия между латинским и русским термином, называющим одну и ту же анатомическую структуру.

Названия зубов представлены термином *dentes serotini* ‘зубы мудрости’. Семантическое значение прилагательного *serotinus* ‘запоздалый, запаздывающий’ никак не связано с русским словом *мудрость*, выступающим в роли соответствия при переводе. Латинский эквивалент указывает на время появления этих зубов по отношению к остальным постоянным зубам, которые формируются у человека в период роста всего организма. В то время как русский вариант может быть связан с тем, что в период роста зубов мудрости человек уже является взрослым и обладает определенным жизненным опытом, который можно считать житейской мудростью.

Семантическое несоответствие также наблюдается при переводе терминов *carpus* ‘запястье’, *metacarpus* ‘пять’. Пясть – это отдел кисти, расположенный между запястьем и пальцами. Запястье находится между ладонью и предплечьем. Латинские эквиваленты представляют собой пару, где *metacarpus* является производным от *carpus* с помощью

префикса (*meta-* ‘после, за’ + *καρ3~* ‘кисть руки’). В то время как русский эквивалент термина *metacarpus* существительное *пясть* является простым словом, которое стало производящей основой для существительного *запястье*. Оно образовано с помощью приставки, идентичной по значению греческому префиксу.

Пара терминов *cilium* ‘ресница’, *supercilium* ‘бровь’ в латинском языке имеют четкую деривационную связь, которая представлена префиксальным образованием *supercilium* от *cilium* (приставка *super-* со значением ‘над’). Русский эквивалент слова *supercilium* в виде кальки отсутствует (**над ресницами*), вместо него используется существительное *бровь*, не имеющее никаких морфологических и семантических связей с лексемой *ресница*.

Наиболее многочисленной и разнообразной по составу оказалась третья группа эквивалентных наименований, у которых проявились и семантические и морфологические несоответствия. Рассмотрим тематические группы в порядке убывания количества исследуемых терминов.

Названия волос стали объектом анализа по причине обязательного наличия в их русском названии указания на их местоположение. Всего таких названий 6, среди которых одно представляет собой общий термин *pilus* ‘волос’. Остальные названия обязательно содержат уточнения о месте расположения волос: *tragi* ‘волосы уха’, *vibrissae* ‘волосы ноздрей’, *hirci* ‘волосы подмышки’, *pubes* ‘волосы лобка’, *capilli* ‘волосы головы’. Вышеуказанные лексемы существуют в терминологии достаточно давно. Особый интерес с точки зрения этимологии представляют *tragi* и *hirci*, которые происходят от *tragus* ‘козел’ и *hircus* ‘козел’ соответственно. Несмотря на их одинаковое значение, в медицинской терминологии существует определенная разница. Волосы уха получили свое название в связи с тем, что словом *tragus* изначально называли только возвышение на ушной раковине в виде клапана, расположенное впереди отверстия наружного слухового прохода. Иногда у пожилых людей в этом месте виден пучок волос, торчащий из слухового прохода. Таким образом, волосы получили название, идентичное названию места, где они расположены. В отличие от *tragi*, существительное *hirci* использовали для номинации волос подмышки в связи с тем, что острый запах пота в этом месте напоминает козлиный. Карузин утверждает, что термин *hirci* мог означать также и волосы уха [5, 115].

Не менее интересен термин *capilli* ‘волосы головы’, который Карузин считает созданным на основе словосочетания *capitis pilus* с тем же значением (путем сложения частей основ с удвоением согласного). В классической латыни данный термин обозначал не только волосы го-

ловы, но и волосы в других местах организма человека, и даже шерсть животных [4, 119].

Термин *pubes* ‘лобковые волосы лиц обоего пола’ в анатомической терминологии стал использоваться и в значении ‘лобок, лобковая кость’, что подтверждает тот факт, что анатомическая терминология неохотно включает в себя новые лексемы для обозначения возникающих структур, а использует уже известные названия в других ракурсах.

Рассмотрим лексему *vibrissae* ‘волосы ноздрей’ с этимологической точки зрения. Согласно словарю Карузина она является производной от глагола *vibro* ‘качаю, дрожу’, *vibrisso* ‘делаю трели’. Эти волосы так названы, возможно, потому, что при их вырывании вздрагивает голова. Однако существует еще одно предположение, согласно которому так изначально называли усы кошки, а позже перенесли это название на человека [5, 237].

Особый интерес для анализа представляют пары *fibula* ‘малоберцовая кость’ и *tibia* ‘большеберцовая кость’. В русском варианте оба названия характеризуют кости ног с точки зрения величины и принадлежности к бедру. В латинском же варианте данные названия имеют другую этимологию: *tibia* ‘дудка, которая изготавливалась из больших берцовых костей крупных домашних животных’, *fibula* ‘застежка, игла’; по внешнему сходству так были названы соответствующие кости животных, и названия перенесены на кости человека.

Не менее интересен термин *talus* ‘таранная кость’, который, как и в предыдущем случае, несколько отличается по семантическому составу в двух языках. Согласно словарю Дворецкого *talus* ‘особый вид игральной кости с четырьмя знаками, на которую по форме похожа одна из костей пятки’ [4, 759]. Русское прилагательное *таранный* явно происходит от существительного *таран* в значении ‘орудие для разрушения крепостных стен – бревно с наконечником, укрепленное на подвижной деревянной башне’ [6, 685]. Для названия данной кости в русском и латинском языках использовался принцип сходства по форме с предметом реальной действительности, но предметы при этом использовались разные.

В числе исследуемых названий рассмотрим также термин *os sacrum* ‘крестец’, в связи с отсутствием в русском варианте слова *кость* и некоторыми отличиями в семантике латинского и русского названий. В анатомической терминологии для обозначения данной структуры существует дублирующее название *vertebrae sacrales* ‘крестцовые позвонки’, которое содержит однокоренное с *sacer* прилагательное *sacralis* с идентичным значением ‘святой, священный’. Это название является

прямым переводом греческого термина $\kappa\rho\epsilon\varsigma\tau\eta\varsigma$. Русское слово *крестец* имеет деривационные связи с существительным *крест* и является его суффиксальным производным. Название крестца связано с тем, что он своими пятью сросшимися позвонками похож на маленький крест [7, 155].

Названия больших и малых коренных зубов – *dentes molares* и *dentes premolares* на русский язык обычно переводятся *моляры* и *премоляры* без участия слова *зубы*. Эти названия образовались путем транслитерации соответствующих латинских прилагательных. Однако данные зубы часто называют *большие коренные зубы* и *малые коренные зубы*, что семантически никак не связано со значением слова *molaris* в латинском языке: оно является производным от глагола *molo* ‘молоть, перемалывать’ и может использоваться в значении ‘мельничный’ в словосочетании *lapis molaris* ‘мельничный жернов’. Латинское прилагательное явно указывает на функцию данных зубов в процессе употребления пищи – пережевывание и максимальное измельчение перед проглатыванием. Русское же название указывает, прежде всего, на наличие корня у зуба (у всех зубов есть корни, но только эти характеризуются по такому признаку) и размер (большой – малый). В латинском эквиваленте отсутствует указание на величину зубов, вместо этого префиксальным способом, путем добавления приставки *pre-* со значением ‘перед, до’, достигается пространственная характеристика местоположения зубов (*premolares* ‘находящийся перед моляром в зубной дуге’).

Примечательно то, что и названия челюстей в русском и латинском языках существенно не совпадают по семантическим параметрам. В русском варианте названия челюстей различаются указаниями о расположении: *верхняя* и *нижняя*. В то же время в латинских эквивалентах в роли деривационных основ выступают разные слова: *mandibula* ‘нижняя челюсть’ происходит от глагола *mando* ‘жевать’; *maxilla* ‘верхняя челюсть’ является уменьшительным от *mala* ‘челюсть, щека’ [4, 467].

Рассмотрим термин *platysma* ‘подкожная мышца шеи’. Эта мышца является тонкой и широкой и находится в области шеи, но в латинском слове четко прослеживается этимологическая связь с греческим прилагательным $\pi\lambda\alpha\tau\upsilon\varsigma$ ‘плоский’ без всякого рода указаний на локализацию данной анатомической структуры. В то время как русский эквивалент дает более полное описание месторасположения объекта.

Приступая к характеристике лексического состава анатомической терминологии, необходимо учитывать тот факт, что она формировалась в течение длительного временного периода, что, в совокупности с су-

ществованием терминологии в билингвистическом измерении, оказало огромное влияние на морфологические и семантические особенности составляющих ее терминов. Следствием этого, несомненно, стало наличие неоднородных наименований в рамках одной тематической группы (названия зубов, кишок и пр.) как внутри латинской терминосистемы, так и в русском ее эквиваленте. Но не только это стало подоплекой возникновения полных или частичных несоответствий семантического и структурно-морфологического характера внутри латинско-русских пар эквивалентных анатомических обозначений. В первую очередь несоответствия связаны с лексико-грамматической структурой каждого языка, ибо большинство терминов ведет свое происхождение от общеупотребительного языка и его законы продолжают действовать и в случае перехода лексических единиц в какую-либо профессиональную систему терминов.

Мы установили, что структурно-морфологические отличия встречаются у большего числа пар, в то время как семантическое несоответствие затрагивает те термины, которые в общеупотребительном языке существуют достаточно давно, чтобы не быть замененными новыми лексико-грамматическими структурами, созданными с помощью калькирования или транслитерации. Это термины *ресница*, *челюсть*, *бровь* и пр. Однако зафиксированы случаи, когда производные от латинских наименований таких терминов переводятся путем транслитерации: *manus* – *рука*, но *manualis* – *мануальный*. Семантические отличия также могут быть связаны с принципом, послужившим основой для номинации в разных языках: некоторые наименования волос в латинской анатомической терминологии получили свои названия из-за сходства с качествами животных (*tragi*, *hirci*), в то время как русские эквиваленты дают четкие указания о месторасположении волос на теле человека (*волосы подмышки*, *волосы уха*).

В процессе анализа терминологических единиц мы снова находим подтверждение тому, что анатомическая терминология (латинская и русская) в процессе своего развития стремится к упрощению за счет усечения термина путем изъятия из него слов, не обладающих смыслоразличительной функцией: *duodenum* вместо *intestinum duodenum*, *резец* вместо *резцовый зуб*. Это не противоречит основным задачам анатомической терминологии (номинация и дифференциация), поскольку упрощение касается только терминов, которые не требуют дополнительных средств для дифференциации одних анатомических объектов от других по причине отсутствия схожих структур в разных частях организма.

Литература

1. *Walde, A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch / A. Walde. Heidelberg, 1938–1954.
2. *Арнаудов, Г.* Медицинская терминология / Г. Арнаудов. София, 1979.
3. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / И. Х. Дворецкий. М., 1958. 2 т.
4. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. М., 2000.
5. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. М.; Л., 1928.
6. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. М., 1985.
7. *Шанский, Н. М.* Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. М., 1994.
8. *Фениш, Х.* Карманный атлас анатомии человека на основе Международной номенклатуры / Х. Фениш, при участии В. Даубера; пер. с англ. С. Л. Кабак, В. В. Руденок; под ред. С. Д. Денисова. Минск, 1996.

О. Г. Прокопчук

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНА ΣΧΗΜΑ В АНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ РИТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Рассмотрим различные значения термина σχῆμα в античной и византийской риториках. Термин σχῆμα в античной риторике был многозначным, как и само это слово в обыденной речи и литературных памятниках¹.

1. Σχῆμα как ‘поза, жест’. Несомненно, самое обычное и широко распространенное значение термина античной риторики σχῆμα – ‘фигура’. Однако такое значение «это слово приобретает в риторике лишь гораздо позже» [10, 159]. Изначальное значение этого слова – ‘поза, жест’, т. е. положение тела, отличающееся от первоначального, спокойного, неподвижного состояния. Это значение уводит нас в область гимнастики, а «сравнение риторики с гимнастикой в литературе настолько обычно, что вероятно и этот, как и многие другие термины V века... является еще не стершейся, живой метафорой» [*ibid.*]. Рассмотрим основные значения данного термина и сферы его употребления в античной и византийской риторических традициях, а также в первом в ареале *Slavia Orthodoxa* трактате по семасиологии и теории тропов «Георгийга Хоу-ровьска о образѣхъ» в Изборнике Святослава 1073 г.

2. Σχῆμα как ‘предмет речи’. Термин σχῆμα как предмет речи во второй части античной риторической науки о расположении материала – *dispositio* – актуализировался, когда речь шла о вступлении. В зависимости от того, какая цель выдвигалась на первый план во вступлении (добиться от слушателей внимания, предварительного понимания или предварительного сочувствия), определялся и предмет речи:

- 1) ἀμφίδοξον σχῆμα = *genus dubium* = спорный предмет речи;
- 2) ἔνδοξον σχῆμα = *genus honestum* = бесспорный предмет речи;

¹ Слово «σχῆμα» в словарной статье древнегреческо-русского словаря Дворецкого имеет пятнадцать значений: 1) вид, внешность, фигура, наружность (Aesch., Eur. V–IV до н. э.); 2) осанка, статность (Her. V до н. э.); 3) воен. построение, строй (Xen. V–IV до н. э.); 4) форма (Plat., Arst. V–IV до н. э.); 5) лог. фигура силлогизма (Arst. IV до н. э.); 6) мат. фигура (Arst.); 7) грамматическая форма (Arst.); 8) (в пляске) фигура, поза, позиция, жест (Eur., Arph., Plat., Plut. V до н. э. – II н. э.); 9) схема, набросок, очерк, эскиз, план (Plat. V–IV до н. э.); 10) внешний вид, видимость (Plat., Plut. V до н. э. – II н. э.); 11) образ действий, поведение (Xen. V–IV до н. э.); 12) положение (Plat., Xen. V – IV до н. э.); 13) великолепие, пышность (Soph. V до н. э.); 14) наряд, одежда (Arph., Xen. V–IV до н. э.); 15) достоинство (Polyb., Plut. II до н. э. – II н. э.).

3) παράδοξον σχῆμα = *genus admirabile, turpe* = парадоксальный предмет речи;

4) ἄδοξον σχῆμα = *genus humile* = незначительный предмет речи;

5) δυσπαρακολούθητον σχῆμα = *genus obscurum* = темный предмет речи [1, 23–24].

3. Σχῆμα как ‘структура речи’. «У Аристотеля термин “схема” означает структуру речи» [10, 159]. В этом значении он часто употреблялся для обозначения солецизма («неправильный выбор форм для данного синтаксического построения» [5, 440])¹. О солецизме шла речь в третьем разделе античной риторики – *изложении (elocutio)*, а именно в учении об отборе слов (о «правильности» речи) и о сочетании слов (о «ясности» речи). Эта часть *elocutio* была не так заметна, как учение о фигурах, поскольку должна была действовать более тонкими приемами. К ней «больше относится популярный парадокс: “Искусство – в том, чтобы скрыть искусство” (Ars est celare artem)» [7, 459]. Учение об отборе и сочетании противопоставляло варваризмы и солецизмы. Варваризм² – неправильно взятое отдельное слово (если варваризмы были художественно мотивированы, их называли метаплазмами). Солецизм – неправильно построенное словосочетание. Сравните: «Nunquam ergo soloecismus excusari potest, si a nobis per imprudentiam fiat, vitium est; si a poetis vel oratoribus affectate dicatur, figura locutionis et appellatur Graece σχῆμα» («Итак, солецизм никак не может быть оправдан: если он нами допускается по незнанию (неумышленно), то это погрешность; если он поэтами или ораторами говорится по желанию (специально), то это фигура речи и называется она по-гречески σχῆμα»)³ (Mar. Victorin., gramm. frg., p. 35, 16); «Barbarismus nullo modo excusari potest, si a nobis per imprudentiam fiat, vitium est; si a poetis vel oratoribus affectate dicatur, virtus locutionis et appellatur Graece μεταπλάσμός» («Варваризм никоим образом не может быть оправдан: если он нами допускается по незнанию (неумышленно), то это погрешность; если он поэтами или ораторами говорится по желанию (специально), то это достоинство речи и называется оно по-гречески μεταπλάσμός») (*ibid.*, p. 37, 3 [1, 46]). У византийского филолога Георгия Хировоска в трактате «О поэтических тропях» (VI в.), который представляет собой краткий толковый словарь терми-

¹ Греч. соλοικισμόс, лат. soloecismus. Греческое слово образовано от названия города Σόλοι ‘Солы’, древней афинской колонии в Киликии, где вследствие национальной пестроты греческий язык утратил свою чистоту [9, 274].

² Греч. βαρβαρισμός, лат. barbarismus – ‘ошибка против родного языка, варваризм’ от βάρβαρος ‘варварский, не греческий, иноземный, чужой’.

³ Здесь и далее перевод сделан автором статьи.

нов поэтики, 26-я словарная статья озаглавлена как «*Σχῆμα*» [3, 255]. Речь в ней идет именно о солецизме. Таким образом, заглавие лучше всего перевести как «Структура речи». Примечательно, что церковнославянский переводчик данного трактата (статья «*Геоργѣга Хоуrowьска о образѣхъ*» в Изборнике Святослава 1073 г., 237 об. – 240 об.) переводит данный термин в начале статьи, когда идет перечисление всех категорий трактата, которые будут рассмотрены ниже, как **видѣ**, а затем, в основной части, при описании солецизма – как **образъ**. Следовательно, переводчик не был знаком с аристотелевской традицией употребления термина *σχῆμα* в значении ‘структура речи’ и взял для его перевода одно из первоначальных значений этого слова, не терминологическое и не связанное никоим образом с солецизмом. Интересен сам пример, который византиец Хировоск приводит для иллюстрации солецизма: «Ο κύριος Ἰωάννης, ὃν ὁ θεὸς ἐλέησει, καλὸς ἀνθρώπος ἐστίν» («Господин Иоанн, над которым Бог сжалится, – хороший человек») [3, 255]. В нем, с точки зрения греческого синтаксиса и грамматических норм, нет никакого нарушения. Фраза построена абсолютно правильно и поэтому не подтверждает теоретическую часть словарной статьи. Однако не следует забывать, что трактат, дошедший до нас, представляет собой студенческий конспект лекции Хировоска, записанный *ἀπὸ φωνῆς* ‘с голоса’. Возможно, этим и объясняется «неправильный» правильный пример. Церковнославянский же переводчик трактата, скорее всего, ощущая, что такой пример не отражает сущности солецизма, при его переводе опускает слово *ὁ θεὸς* ‘Бог’, а глагол, стоящий в 3-м лице единственного числа будущего времени в индикативе, переводит 2-м лицом единственного числа в императиве – именно для того, чтобы все-таки продемонстрировать солецизм: «**Гь Иwаннѣ, кго же помилюѣи, добръ чакѣ кѣтъ**».

4. *Σχῆμα* как ‘фигура’. В данном значении термин *σχῆμα* употребляется наиболее широко античными риториками, которые, проводя аналогии с первоначальным значением слова – ‘поза, позиция, жест, фигура’ (в пляске), т. е. любое отступление от спокойной неподвижности, – называли *σχῆματα* ‘фигурами’ «все выражения, отступавшие от той неопределенной нормы, которая считалась разговорной естественностью» [7, 446]. Противопоставлялись *ordo naturalis* ‘естественный порядок’ и *ordo artificialis* ‘искусственный порядок’. Любое отклонение от естественного порядка можно было назвать фигурой (греч. *σχῆμα* соответствует лат. *figura*). Квинтилиан в 1-й главе IX книги «Воспитания оратора» указывает на возможность трактовки фигуры как *qualiscumque forma sententiae* ‘всякая форма выражения мысли’ и уточняет, что

«*proprie schema dicitur in sensu vel sermone aliqua a vulgari et simplici specie cum ratione mutatio*» («в собственном смысле *schema* [‘фигурой’. – *О. П.*] называется сознательное отклонение в мысли или в каком-либо выражении от обыденной и простой формы») (IX, 1, 10 [2, 94]). В своих рассуждениях над тем, что есть фигура, Квинтилиан приходит к следующему выводу: «*Ergo figura sit arte aliqua novata forma dicendi*» («Таким образом, пусть фигурой считается обновленная с помощью некоего искусства форма речи») (IX, 1, 14 [2, 95]). Дефиниция весьма расплывчата. Квинтилиан также раскрывает понятие *schema* / *figura* ‘фигура’ через понятие *tropus* ‘троп’. Античные риторы рассматривали тропы в составе фигур, но признаки, различающие их, четко не были сформулированы. Из замечаний Квинтилиана видно, что не было единого мнения о том, какое из двух понятий является гиперонимом: «*Nam plerique has [figuras. – О. П.] tropos esse existimaverunt*» («Ведь большинство считало, что они [фигуры. – *О. П.*] есть тропы») (IX, 1, 1 [2, 93]); «*... nec desunt, qui tropis figurarum nomen imponant*» («...и хватает тех, которые дают тропам имя фигур») (IX, 1, 2 [2, 93]). Для Квинтилиана противопоставление «троп – фигура» весьма значимо. Он скрупулезно отмечает случаи, когда одно и то же явление одними авторами описывается как троп, а другими – как фигура. В начале IX книги Квинтилиан, рассуждая об общности их происхождения, указывает: «*Quo magis signanda est utriusque rei differentia*» («Тем более должно быть обозначено различие и той, и другой вещи») (IX, 1, 4 [2, 93]). После этого замечания он дает следующие определения данных категорий: «*Est igitur tropus sermo a naturali et principali significatione translatus ad aliam ornandae orationis gratia*» («Таким образом, троп – это высказывание, перенесенное с естественного и первоначального значения на другую [вещь. – *О. П.*] ради украшения речи») (IX, 1, 4 [2, 93]); «*... figura, sicut nomine ipso patet, conformatio quaedam orationis remota a communi et primum se offerente ratione*» («... фигура, как явствует из самого названия, – некое построение, отступающее от общей и представляющей себя первоначальной формы») (IX, 1, 4 [2, 93]). Из данных дефиниций сделаем вывод, что Квинтилиан подразумевал под тропом вариации значения (*significatio*), а под фигурой – вариации синтаксической структуры (*conformatio*).

В церковнославянском переводе трактата Георгия Хировоска и термин *τρόπος*, и термин *σχῆμα* переведены как **образъ**. Как полагает Н. П. Дворцова, «трактат Хировоска [его церковнославянский перевод. – *О. П.*] стоит у истоков (наряду с эстетикой Гегеля) терминологической традиции именовать образами тропы и фигуры» [8, 15]. Термин **образ** переводчик трактата употребляет для перевода слова *τρόπος*

‘троп’ в заглавии трактата («Γεωργίου Χιροβοσκοῦ περὶ τρόπων» – «**Георггия Хировоска о образѣхъ**») и в первом предложении, а также слова *σχῆμα* (‘фигура’, у Хировоска ‘структура речи’ – см. выше). С точки зрения Г. К. Вагнера, трактат назван «**О образѣхъ**» «не потому, что у переводчика не было в обиходе слова “троп” или “фигура”, а в силу произошедшего со временем семантического и гносеологического углубления таких категорий, как аллегория, метафора, олицетворение, наполнившихся образно-символическим значением» [6, 152]. Однако содержание трактата ставит под сомнение понимание тропов как образов-символов. На наш взгляд, важен тот факт, что во введении трактата употребляется не термин *образ*, а термин *творческий образ*: «Ποιητικὸὶ τρόποι εἶσιν κς» («Есть 27 поэтических тропов») – «**Творьчѣстни образи сжть. кз**». Греческое прилагательное *ποιητικός* (образовано от глагола *ποιέω* ‘делать, творить’) имело первичное значение ‘способный сделать что-либо, творческий’; затем у него возникло значение ‘способный к поэтическому творчеству, поэтический’. Сохраняя ту же мотивацию прилагательного, что и в греческом прототипе, переводчик трактата переводит *ποιητικὸὶ τρόποι* как **творьчѣстни образи**. Нам кажется верным утверждение Н. П. Дворцовой, что **творьчѣстни образи** и соответствующие *ποιητικὸὶ τρόποι* Хировоска могут быть истолкованы как **способы творения (творчества)**: «Косвенным доказательством верности понимания творческих образов как способов, говоря современным языком, творческой деятельности служит тот факт, что в русских риториках XVII – XVIII вв., которым предшествует трактат, “образ” употребляется именно в значении “способ создания, способ действия”. Так, “Риторика” Космы (XVII в.) содержит учение “о образех епистолии”, в “Риторике” Лихуда (XVII в.) говорится об образах распространения периода» [8, 17].

Выводы. Термин *σχῆμα* в античной и византийской риторике имеет значение: 1) ‘предмет речи’ по отношению к *dispositio*; 2) ‘структура речи’ по отношению к учению об отборе слов в *elocutio* (*schema* в области *verba conjuncta* оценивается в смысле солецизма); 3) ‘фигура’ по отношению к учению о фигурах в *elocutio* (фигуры как вариации значения (*significatio*) противопоставлялись тропам как вариациям синтаксической структуры (*conformatio*)).

Литература

1. Lausberg, H. Elemente der literarischen Rhetorik / H. Lausberg. München, [1963] 1987.
2. Quintilianus, M. Fabius. Institutiones oratoriae libri duodecim / M. Fabius Quintilianus; ed. M. Meisfer. Lipsiae, 1887.

3. [Γεωργίου Χοιροβοσκοῦ περὶ τρόπων ποιητικῶν //] Spengel L. (Ed.). *Rhetores Graeci*. Lipsiae, 1856. Vol. III.
4. [Геоργѣига Хоуrowьска о образѣхъ //] Изборник Святослава 1073 г. Факс. изд. М., 1983. Л. 237 об. – 240 об.
5. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. М., 1966.
6. Вагнер, Г. К. Статья Георгия Хировоска «О образех» в Изборнике Святослава 1073 г. и русское искусство XI в. / Г. К. Вагнер // Изборник Святослава 1073 г. : сб. ст. М., 1977.
7. Гаспаров, М. Л. Античная риторика как система / М. Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М. Л. Гаспаров. СПб., 2000.
8. Дворцова, Н. П. Художественный образ и тропы (к истории взаимоотношений) / Н. П. Дворцова // Литературные произведения XVIII–XX веков в историческом и культурном контексте. М., 1985.
9. Квятковский, А. П. Поэтический словарь. М., 1966.
10. Меликова-Толстая, С. Античные теории художественной речи / С. Меликова-Толстая // Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996.

Я. У. Прыстаўка

ТРАКТАТ МАЦЕЯ САРБЕЎСКАГА «DE ACUTO ET ARGUTO»
(«АБ ВАСТРЫНІ І ДОСЦІПЕ») (1619/1626):
ПЫТАННІ ЖАНРУ І КАМПАЗІЦЫІ ПОМНІКА

З гісторыі стварэння трактата «De acuto et arguto» («Аб вастрыні і досціпе»). Першапачатковая версія трактата, выкладзеная Сарбеўскім у 1619 г. у Полацкім езуіцкім калегіуме, да нашага часу не захавалася. Асноўныя палажэнні трактата былі істотна перагледжаны аўтарам і агучаны на публічнай лекцыі ў Рыме ў 1623 г. Лекцыя выклікала пэўны рэзананс у тагачасным навуковым свеце, стаўшы ўнёскам паэта ў дыскусію еўрапейскіх гуманістаў аб прыродзе дасціпнага. Паводле слоў Сарбеўскага, ён «старанна даследаваў гэтае пытанне, абмяркоўваючы яго ў прыватных сустрэчах і праз ліставанне з самымі адукаванымі людзьмі Італіі, Францыі і Германіі» [1, 14–16]¹. Версія трактата, якую мы маем сёння, была запісана са слоў Сарбеўскага падчас паўторнага выкладання ў Полацкім езуіцкім калегіуме ў 1626 г.

Кампазіцыя і логіка разгортвання зместу трактата «Аб вастрыні і досціпе». Помнік складаецца з прадмовы і сямі раздзелаў (назвы раздзелаў пададзены ў табліцы). Агульную схему разгортвання зместу трактата можна выявіць так: спачатку Сарбеўскі выкладае погляды папярэдніх даследчыкаў «вастрыні», пасля раскрывае свой погляд на дадзеную праблему, далей абвяргае папрокі сваіх апанентаў. Кампазіцыя трактата блізка кампазіцыі дыспутаў і іншых палемічных твораў.

Змест трактата «De acuto et arguto» па раздзелах

Назва раздзела ў полацкай версіі трактата (1626)	Змест	Імавернасць наяўнасці раздзела ў рымскай лекцыі (1623)
Маім слухачам	Прадмова	—
Раздзел I, дзе абвяргаюцца розныя погляды адукаваных людзей на сутнасць вастрыні	Разгляд пяці канцэпцый папярэднікаў	—
Раздзел II. Больш верагодны погляд на сутнасць вастрыні	Выкладанне аўтарскай канцэпцыі	+
Раздзел III, дзе паказаная сутнасць вастрыні ілюструецца прыкладамі	Спіс прыкладаў	—

¹ Трактат «De acuto et arguto» цытуецца па выданні [1]. Пераклад на беларускую мову аўтара артыкула.

Назва раздзела ў полацкай версіі трактата (1626)	Змест	Імавернасная ўнасьць раздзела ў рымскай лекцыі (1623)
Раздзел IV, дзе абвяргаюцца папрокі маёй тэорыі і сцісла выкладаюцца спосабы адшукання вастрыні	Адказ на довады апанентаў	—
Раздзел V, дзе прапануюцца тры спосабы адшукання вастрыні	Спосабы адшукання вастрыні	+
Раздзел VI, дзе абвяргаюцца іншыя папрокі маёй тэорыі і выкладаецца розніца паміж вастрынёй і досціпам	Размежаванне трох відаў «вастрыні»	—
Раздзел VII, дзе падаюцца спосабы адшукання досціпаў, якія палягаюць у гульні слоў	Разгляд 13 «спосабаў адшукання досціпу»; выкрыццё памылковых уяўленняў аб «вастрыні»	—

У прадмове М. Сарбеўскі тлумачыць прычыны і мэты паўторнага выкладу свайго трактата ў Полацку.

У раздзеле I аўтар трактата выкладае і абмяркоўвае пяць канцэпцый сваіх папярэднікаў. Кожны з пяці поглядаў Сарбеўскі ўважліва аналізуе, паказваючы памылкі і хібы ў разуменні «вастрыні». Паколькі погляды апанентаў зводзяцца да атаясамлення «вастрыні» з пэўнай рытарычнай з’явай, Сарбеўскі паказвае сутнасную розніцу паміж «вастрынёй» і шэрагам паняццяў рыторыкі і філасофіі, такіх як «сентэнцыя», «неспадзяванае», «рэдкае і яскравае метафара», «параўнанне», «сафізм».

Раздзел II трактата аўтар прысвячае выкладанню свайго погляду на «прыроду вастрыні». Сарбеўскі падае ўласную дэфініцыю «вастрыні» і тлумачыць гэтую дэфініцыю на аналогіі з «матэматычнай і матэрыяльнай вастрынёй» [1, 5, 25 радок]. Тамсама Сарбеўскі спрабуе акрэсліць «вастрыню» (*acutum*) праз яе «эфекты і ўласцівасці», якімі, на яго думку, з’яўляюцца «здзіўленне» (*admiratio*) і «задавальненне» (*delectatio*).

Раздзел III уяўляе сабой пералік антычных і новаляцінскіх аўтараў з указаннем канкрэтных твораў і ўрыўкаў, якія Сарбеўскі рэкамендуе прачытаць як ілюстрацыю сваёй тэорыі «вастрыні».

У раздзеле IV Сарбеўскі адказвае на довады сваіх апанентаў, якія папракаюць яго ў звяздзенні тэматыкі «вастрыні» адно толькі да рытарычнага месца супрацьлегласцяў. У адказ Сарбеўскі ўказвае, што вастрыня «палягае не на саміх двух супрацьстаўленых элементах — на неадпаведным і адпаведным — але хутчэй на іх нейкай згодзе» і таму «вастрыня ніяк не можа быць узятая з рытарычнага месца супрацьлегласцяў,

хутчэй з іншых рытарычных месцаў» [1, 11, 10–15 радкі]. Аўтар паказвае на прыкладах, як «спалучэнне адпаведнага і неадпаведнага» можа быць атрымана праз супастаўленне прадмета гаворкі з любым іншым рытарычным месцам.

У V раздзеле Сарбеўскі прапануе тры спосабы адшукання вастрынi, якія палягаюць на супастаўленні прадмета, «пра які трэба сказаць востра», з рытарычнымі месцамі. Разважанні аўтара ілюструе схема, якая мае назву «Трайны спосаб адшукання вастрынi праз трайное супастаўленне рытарычных месцаў». Напрыканцы раздзела Сарбеўскі абмяркоўвае пытанне патрэбнасці правілаў пры адшуканні вастрынi і неабходнасці ўсталявання прапорцыі паміж «талентам» (*ingenium*) і «правіламі» (*praecepta*).

Раздзел VI прысвечаны тлумачэнню розніцы паміж «вастрынёй» (*acumen*) і «досціпам» (*argutia*). На думку Сарбеўскага, існуюць тры разнавіднасці «вастрыні» (*acumen*): 1) «уласна вастрыня» (*proprie acumina*); 2) «вастрыня роўна як і досціп» (*acumina iuxta ac argutia*); 3) «вастрыня ў няўласным сэнсе» (*acumina improprie*).

У апошнім раздзеле трактата аўтар прыводзіць трынаццаць «спосабаў адшукання досціпу». Кожнаму спосабу Сарбеўскі дае азначэнне і адзін або некалькі прыкладаў (за выключэннем «рытарычнага» і «анаграматычнага» спосабаў, якія падаюцца без прыкладаў). Канец раздзела, аднак, не адпавядае тэме, што заяўлена ў назве раздзела. У апошніх двух абзацах, якія займаюць салідную частку трактата (5 % ад усяго аб'ёму), Сарбеўскі выкрывае памылковыя (у тым ліку свае ранейшыя) уяўленні аб «вастрыні».

Жанравая спецыфіка трактата «Аб вастрыні і досціпе». Як вынікае з тэксту помніка, лекцыі Сарбеўскага ў Полацку абодва разы адбываліся ў г. зв. «акадэміі»: «Тое, што я <...> выклаў аб вастрыні і досціпе сем гадоў таму ў гэтай акадэміі» [1, 9–11]. Гэта падцвярджаецца запісам у езуіцкіх актах, паводле якіх пасада Сарбеўскага ў той час – «professor academicus» [3, 15]. Дагэтуль даследчыкі трактата не звярталі ўвагі на гэтую акалічнасць стварэння помніка. Між тым, без тлумачэння паняцця «academia» не магчымае правільнае разуменне жанру, кампазіцыі і гісторыі напісання трактата.

Паводле «Ratio studiorum», дакумента, у якім рэгламентавалася дзейнасць езуіцкіх вучэльняў, «акадэміяй» або «нашай акадэміяй» (*academia postroium*) называлася суполка пры калегіуме, у якую ўваходзілі здольныя студэнты для паглыбленага вывучэння і ўдасканалення ў нейкім прадмеце [3, 103]. Адрозніваліся «акадэмія філосафаў і тэолагаў» (*Academia Theologorum et Philosophorum*), «акадэмія рытараў і гуманістаў»

(Academia Rhetorum et Humanistarum), «академія граматыкаў» (Academia Grammaticorum). «Академія рытараў і гуманістаў» збіралася раз на тыдзень, мела свае правілы і свайго настаўніка (moderator). Як напісана ў «Ratio studiorum», «moderator, prout opportunum iudicaverit, nunc lectiones seu quaestiones habebit de selecta aliqua materia vel auctore; nunc praecepta aliqua dicendi magis recondita ex Aristotele, Cicerone aliisque rhetoribus tradet; nunc aliquem auctorem percurrat et ab academicis exigit; nunc iisdem problemata solvenda proponet et alia huiusmodi» («мадэратару належыць, глядзячы па неабходнасці, ці правесці лекцыі або даследаванні па нейкай абранай тэме або аўтару, ці выкладзі нейкія правілы маўлення, заснаваныя пераважна на Арыстоцеле, Цыцэране і іншых рытарах, ці бегла прайсці нейкага аўтара і спытаць яго ў членаў акадэміі, ці прапанаваць ім да вырашэння <нейкую> праблему і штосьці іншае таго ж кшталту») [3, 110]. Падобна, што трактат «De acuto et arguto» быў тым праблематычным даследаваннем, якое Сарбеўскі прапанаваў членам Полацкай «акадэміі рытараў» спачатку ў 1619, а пасля ў 1626 г.

Прыналежнасць помніка да езуіцкай «акадэмічнай» лекцыі праяўляецца ў наступных рысах:

- *Дыскусійны стыль выкладання.* Пошукавы характар пытанняў, якія разглядаліся на пасяджэннях езуіцкіх «акадэміяў», сфармаваў логіку разгортвання зместу трактата. Спачатку Сарбеўскі выкладае погляды папярэдніх даследчыкаў разглядаймай праблемы (Раздзел I), пасля тлумачыць свой погляд на «вастрыню» (Раздзел II), далей абвяргае папрокі сваіх апанентаў (Раздзелы IV, VI).

- *Адносна невялікая колькасць дэфініцый.* У параўнанні з іншымі жанрамі рытарычных падручнікаў, у якіх звычайна дамінуюць азначэнні тэрмінаў, у творы Сарбеўскага дэфініцыі даюцца толькі для новых, не знаёмых чытачу тэрмінаў.

- *Яскрава выражаны дыдактычны пафас.* Раздзел III, у якім Сарбеўскі падае спіс месцаў з класічных і новаляцінскіх аўтараў, вельмі нагадвае заданне для самастойнага вывучэння. Пры гэтым Сарбеўскі ўжывае выказванні з імператыўнай мадальнасцю, кшталту «lege apud Martialem» («прачытай у Марцыяла»), «vide apud Bidermanum» («паглядзі ў Бідэрмана»). Можна меркаваць, што названым раздзелам падсумоўвалася першае паседжанне «акадэміі» езуітаў, напрыканцы якога Сарбеўскі хацеў даць своеасаблівае «хатняе заданне». У асобных месцах адчуваецца імкненне аўтара зрабіць сваю лекцыю максімальна даступнай для студэнтаў: «Спачатку я паспрабую растлумачыць сутнасць вастрыні праз матэрыяльнае падабенства, каб было больш зразумела пачаткоўцу» [1, 5, 23–24 радкі]. Для нагляднасці Сарбеўскі выкарыстоўвае

разнастайныя табліцы і схемы: «У цябе перад вачыма малюнкi і вобразы той і другой вастрыні» [1, 6, 12 радок].

• *Практычная скіраванасць асобных раздзелаў*. Раздзелы IV і VII змяшчаюць канкрэтныя спосабы адшукання «вастрыні» і «досціпу». Некаторыя рэкамендацыі Сарбеўскага выглядаюць як узоры, або мадэлі, гатовыя да выкарыстання: «Калі хочаш сказаць што-небудзь вострае пра ўбачанага бяспёрага пеўня, трэба суаднесці <паняцце> пеўня з рытарычнымі месцамі і ў кожным затрымацца, шукаючы элемент адпаведнага і супярэчнага, гармонія якіх можа знаходзіцца ў дадзеным прадмечце, г. зн. у “пеўні”» [1, 11, 26–29 радкі].

• *Рысы жывой гутаркі і імправізацыі*. Так, фінал раздзела VII не адпавядае тэме, заяўленай у назве раздзела. Часам Сарбеўскі прыводзіць прыклады са свайго ўласнага жыцця: «Аднойчы я падобна пажартаваў з чалавека, які папракаў, што я скарачаю і падаўжаю сярэдні склад слова “сатана”» [1, 17, 17–18 радкі].

Гіпотэза пра змест і кампазіцыйно рымскай версіі трактата «Аб вастрыні і досціпе». Ядро трактата складаюць раздзелы II, IV, V, у якіх Сарбеўскі выкладае сваё вучэнне «*de acuto*» («пра вастрыню»). Паводле нашай гіпотэзы, вучэнне пра «вастрыню» з’яўлялася асноўным зместам версіі трактата, агучанай у 1623 г. у Рыме. Тэзіс аб тым, што ранейшая версія трактата заканчвалася на V раздзеле, пацвярджаецца словамі самага Сарбеўскага: «Напрыканцы выкладу вучэння (*ad calcem doctrinae*) трэба спецыяльна адзначыць, што не трэба па-дзіцячы настойваць на гэтых правілах» [1, 14, 5–6 радкі].

Канчатковую версію трактата Сарбеўскі палічыў неабходным дапоўніць вучэннем «*de arguto*» («пра досціп»). Гэтай тэме прысвечаны раздзелы VI і VII. Можна меркаваць, што размежаванне «вастрыні» і «досціпу» спатрэбілася Сарбеўскаму для адказу на ўпікі апанентаў, сцвярджаючых, што «ёсць шмат вельмі дасціпных выказванняў (*argutissime dicta*), якія зусім не маюць прыкметы нязгоднай згоднасці. Такімі з’яўляюцца амаль усе вострыя выказванні (*omnia acumina*), утвораныя праз анамінацыю, традукцыю і пэўную гульню слоў» [1, 15, 5–7 радкі]. Сарбеўскі адказвае, што выказванні такога кшталту не з’яўляюцца «сапраўднымі вострымі выразамі (*vera acumina*)» [1, 15, 8 радок] і называе іх «досціпамі» (*argutia*).

У адпаведнасці з патрэбамі жанру «акадэмічнай» лекцыі канчатковая версія трактата была дапоўненая прадмовай, раздзеламі I, дзе выкладаліся погляды апанентаў, III, дзе падаваўся спіс прыкладаў і ілюстрацый, і VII, дзе прапаноўваліся практычныя спосабы стварэння «досціпу».

Гіпатэтычны склад раздзелаў у рымскай лекцыі Сарбеўскага (1626) паказаны ў табліцы.

Такім чынам, паводле жанру помнік можа быць аднесены да навукова-даследчага трактата, які мае форму лекцыі. Спалучэнне ў адным помніку навукова-даследчых і дыдактычных функцыі выглядае цалкам натуральна для сярэдніх вякоў, бо цалкам даследніцкіх і цалкам «навуковых» (не разлічаных на студэнтаў) сачыненняў не было. На кампазіцыю трактата паўплываў жанр «акадэмічнай» езуіцкай лекцыі, а таксама заўвагі апанентаў Сарбеўскага.

Літаратура

1. *Sarbiewski, M. K.* Wykłady poetyki (Praecepta poetica) / M. K. Sarbiewski ; przełożył i opracował Stanisław Skimina. Wrocław; Kraków, 1958.
2. *Stawecka, K.* Maciej Kazimierz Sarbiewski. Prozaik i poeta / K. Stawecka. Lublin, 1989.
3. The Jesuit Ratio Studiorum of 1599 / translated into English, with an introduction and explanatory notes by Allan P. Farrell. Detroit, 1970.

Е. В. Стрижевич

ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД С ВЕРШИНОЙ – ИМЕНЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ С КОРНЕВОЙ МОРФЕМОЙ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В центре нашего внимания – словообразовательные гнезда (СГ) с вершиной – именем прилагательным, которое является заимствованием из латинского языка. Причем нами рассматривались как прямые заимствования, непосредственно из латинского языка (*латеральный* из лат. *lateralis* ‘боковой’ [1; 6]; *сенсуальный* из лат. *sensualis* → *sensus* ‘чувство’ [1]), так и косвенные, появившиеся в русском языке через посредство других языков, чаще всего французского, немецкого, реже – польского, итальянского и английского (*назальный* через фр. *nasal* от лат. *nasus* ‘нос’; *активный* через нем. *aktiv* от лат. *activus* ‘деятельный’, ‘энергичный’ [1; 6]).

Отбор заимствованных прилагательных осуществлялся по «Сводному словарю современной русской лексики» [3] в соответствии с данными «Современного словаря иностранных слов» [6] и «Толкового словаря иноязычных слов» [1].

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова [7] мы обнаружили 145 СГ с исходным словом – именем прилагательным с корневой морфемой латинского происхождения.

Анализ данных СГ с точки зрения их словообразовательной активности на разных ступенях деривации показал, что наибольшее количество производных находится на первой (454) и на второй (302) ступенях деривации. На третьей ступени словообразовательная активность снижается (92 деривата), и четвертая представлена всего 10 производными. Производные пятой ступени отсутствуют.

По частеречному составу производные в отадективных СГ весьма разнородны. В них образуются существительные (432), прилагательные (174), глаголы (123), наречия (122), причастия (2) и причастия в значении прилагательных¹ (15).

На первой ступени деривации чаще всего образуются существительные (207), следующими по частотности идут прилагательные (107), затем наречия (75) и глаголы (55).

На второй ступени численность субстантивных (168), адъективных (28) и адverbиальных (40) производных значительно падает, чего не на-

¹ По определению А. Н. Тихонова [7].

блюдается у глаголов (54 производных). Кроме того, на второй ступени деривации мы обнаружили 2 причастия и 10 причастий в значении прилагательных.

На третьей ступени по-прежнему наиболее активно образуются существительные (44), реже – прилагательные (33). Наречия, глаголы и причастия в значении прилагательных образуются лишь в незначительном количестве (6, 4 и 5 производных соответственно).

На четвертой ступени деривации субстантивных производных всего 3, несколько больше адъективных производных (6) и одно адвербиальное производное.

Количественная характеристика частеречного состава отадъективных гнезд свидетельствует о том, что в их структуре самым многочисленным является субстантивный блок. Имена существительные представлены на всех ступенях словопроизводства, причем около 50 % всех субстантивов находятся на первой ступени деривации (это две трети всех производных первой ступени). То есть словообразовательный потенциал прилагательных с корневой морфемой латинского происхождения чаще всего реализуется в направлении субстантивных производных, исключением является лишь четвертая ступень деривации, где адъективных производных вдвое больше, чем субстантивных.

На всех ступенях деривации представлен также адъективный блок. 45 % производных прилагательных сосредоточено на первой ступени. Глаголы и наречия активно образуются лишь на первых двух ступенях словопроизводства, причастия появляются на второй и третьей ступенях деривации.

В парадигматическом отношении анализируемые СГ разнообразны по своему составу. Есть СГ с нулевыми словообразовательными парадигмами (СП). Мы нашли два таких гнезда (*сакральный II (крестцовый) (анат.)* и *мольный III (минорный)*¹).

Также мы насчитали 31 СГ, СП которых состоит из одного производного. Дериватами в этих гнездах чаще всего являются существительные (23). Самым продуктивным словообразовательным типом (14 производных) можно назвать образование отвлеченных существительных с помощью суффикса *-ость*. В качестве производящей базы здесь выступает полная основа исходного прилагательного (*трансцендентный* → *трансцендентн-ость*). От усеченной основы опорного прилагательного образуются существительные безаффиксным способом (2) (*абразив-*

¹ Здесь и далее примеры СГ даются по «Словообразовательному словарю русского языка» А. Н. Тихонова [7].

ный → абразив), с помощью суффикса **-изм** (4) (*сервильный* → *сервил-изм*) и с помощью суффикса **-изациј-а** (2) (*велярный* → *веляр-изациј-а*¹). Одно субстантивное производное образовано путем универбации. В этом случае сжатию подвергается целое словосочетание, но в качестве производящей базы используется только основа (или часть основы) мотивирующего прилагательного, так как в нем содержится основная информация о новом слове (*карболовый* → *карбол-к-а* [*карбол(овая кислота)-к-а*]). В другом словаре [3] мы обнаружили еще одно существительное (*карболовка*) с тем же значением и образованное тем же способом, но здесь в качестве производящей базы уже используется полная основа прилагательного *карболовый*.

Наречия в рассматриваемых СГ образуются по модели: основа исходного прилагательного + **-о** (*кардинальный* → *кардинальн-о*).

Прилагательные в данных СГ образуются или префиксальным способом (*анальный* → *при-анальный*), или путем осново- и словосложения. При этом исходные прилагательные с латинской корневой морфемой могут выступать как первым, так и вторым компонентом сложного слова (*церебральный* → *церебр-о-спинальный*; *сенсорный* (*физиол.*) → *псих-о-сенсорный*).

В результате сравнения данных «Словообразовательного словаря русского языка» [7] с данными других словарей [1; 3; 6] мы установили, что СП, состоящие из одного производного, имеют тенденцию к расширению и прежде всего это происходит за счет образования отвлеченных существительных с суффиксом **-ость** (*сакральный I* (*ритуальный*) → *сакральн-ость*; *негативный II* (*отрицательный*) → *негативн-ость*; *сервильный* → *сервильн-ость*). Интересно, что последний дериват по своему лексическому значению полностью совпадает с уже имеющимся в гнезде производным, при образовании которого использовался другой словообразовательный формант **-изм** (*сервизм* – ‘раболепство’, ‘прислужничество’, ‘рабская угодливость’ [1, 635]). Таким образом, более позднее образование с исконным суффиксом (*сервильность*) вступает в синонимические отношения с уже имеющимся дериватом с иноязычным суффиксом (*сервизм*).

Также мы обратили внимание на СГ с исходным прилагательным *приватный*, СП которого состоит из одного адвербиального производного. Несмотря на пометку *устар.*, в настоящее время наблюдается

¹ Обычно [2, 268] такие существительные рассматриваются как отглагольные, а не отадективные производные, поэтому здесь может идти речь и о чересступенчатом словообразовании: *велярный* → (**веляр-изова-ть* / *веляр-изирова-ть*) → *веляриз-ациј-а*.

переход этого прилагательного из пассивного словарного запаса в активный, и, естественно, словообразовательный потенциал данной лексемы расширяется. По данным более поздних изданий [1; 3; 6], у прилагательного *приватный* появились следующие производные:

приватный → *приват-изирова-ть* → *приватиз-ацй-а* → *ре-приватизация*
→ *приватизаци-онн-ый*

Большое количество новообразований от этого прилагательного можно объяснить и наличием глагольного производного, так как известно, что появление глагола в именных гнездах обычно активизирует процесс словопроизводства, ибо глаголы имеют самые большие и разветвленные СГ благодаря своим богатым (по сравнению с другими частями речи) синтаксическим возможностям [4, 86–87].

Далее рассмотрим СГ, СП которых равняется двум производным (32 гнезда). Абсолютное большинство таких парадигм включает в себя адвербиальное производное с суффиксом *-о* и субстантивное производное с суффиксом *-ость*:

экспансивн(ый) → *экспансивн-о*
→ *экспансивн-ость*
адекватн(ый) → *адекватн-о*
→ *адекватн-ость*

Исключениями являются лишь некоторые СГ с исходными прилагательными, относящимися к медицинским и анатомическим терминам или имеющими пометку *устар.* В таких СГ существительные образуются:

- суффиксальным способом:

унитарный → *унитар-ии*
→ *унитар-изм*
салициловый (хим.) → *салицил-ат*

- путем субстантивации (*циви́льный I (устар.)* → *циви́льн-ый II (сущ.)*) и универбации (*салициловый (хим.)* → *салицил-к-а* [*салицил(овый натрий)-к-а*] (*разг.*)).

Прилагательные образуются путем осново- и словосложения:

медиа́льный (анат.) → *верхн-е-медиа́льный*
→ *нижн-е-медиа́льный*
вируле́нтн(ый) (мед.) → *мал-о-вируле́нтный*

Анализ производных, найденных нами в других словарях [1; 3; 6], показал, что состав СГ, СП которых равняется двум производным, так-

же постоянно увеличивается. От основ рассматриваемых прилагательных активно образуются существительные путем субстантивации (*имманентный* (филос.) → *имманентн-ое*), сложения (в СГ «салициловый»: *салицилат* → *фенил/салицилат*), суффиксации (*дискретный* (спец.) → (**дискрет-изова-ть* / *дискрет-изирова-ть*) → *дискретиз-ациj-а*; *унитарный* → *унитарн-ость*; *авторитарный* → *авторитар-изм*), нулевой суффиксации (*перманентный* → *перманент*). Адъективные производные образуются путем сложения (*вирулентный* → *высок-о-вирулентный*; *салициловый* → *ацетил/салициловый*), префиксальным способом (*тривиальный* → *не-тривиальный*) и суффиксальным (в СГ «унитарный»: *унитаризм* → *унитар-ист/ск-кий*; *глобальный* → (**глобал-изова-ть* / *глобал-изирова-ть*) → *глобализ-ациj-а* → *глобализаци-онн-ый*). Таким образом, здесь мы наблюдаем уже не просто увеличение численности кодериватов в рамках одной СП. Отадъективные производные сами становятся производящими базами для образования новых слов и возглавляют уже свои собственные СП.

В СГ, где СП состоит из трех производных (таких гнезд 14), существительные и наречия образуются по тем же словообразовательным моделям, которые мы уже описывали. Отличительной чертой можно считать наличие в двух СГ глагольных производных, образованных суффиксальным способом от усеченной или полной основы исходного прилагательного (*толерантный* → *толер-ирова-ть*; *фривольный* → → *фривольн-ича-ть*). При образовании прилагательных префиксальным способом в качестве словообразовательных формантов выступают уже не только исконные, но и заимствованные префиксы (*дентальный* (лингв.) → *интер-дентальный*; *вербальный* → *де-вербальный*).

Также мы нашли пять гнезд, СП которых состоит из 4–8 производных. Кодериватами в данных СП являются в основном наречия (с суффиксом **-о**) и существительные, которые образованы суффиксальным способом (с помощью суффиксов **-ость**, **-изм**, **-ист**, **-щин-а**), безаффиксным способом, путем сложения и сложения в сочетании с аффиксацией:

<i>примитивный</i>	→ <i>примитивн-о</i>
	→ <i>примитивн-ость</i>
	→ <i>примитив-изм</i>
	→ <i>примитив-щин-а</i>
	→ <i>примитив</i>
<i>моторный</i> (физиол.) II	→ <i>мото/терапия</i>
	→ <i>псих-о-мотор-ик-а</i>

Расширение СП идет и за счет сложных прилагательных:

вокальный → *вокальн-о-инструментальный*
 → *вокальн-о-оперный*
 → *вокальн-о-сценический*
 → *инструментальн-о-вокальный*

Остальные СГ с вершиной – прилагательным с латинской корневой морфемой представляют собой гнезда с двумя и более СП (57 гнезд). Чаще всего встречаются СГ с двумя, тремя и четырьмя СП (15, 13 и 11 гнезд соответственно), реже – СГ с пятью СП (7 СГ), шестью СП (6 СГ) и восьмью СП (5 СГ). Кроме того, мы обнаружили по одному СГ, которые включают в себя девять СП (*стабильный*), тринадцать СП (*рациональный*), семнадцать СП (*активный*), и восемнадцать СП (*реальный*). Бесспорно, что самые разветвленные гнезда имеют прилагательные, которые уже давно попали в русский язык, являются наиболее освоенными и стилистически нейтральными. А те прилагательные, которые входят в число специальных терминов и имеют пометки *анат.*, *мед.*, *лингв.*, *физ.*, *физиол.* и т. д., имеют более простые и немногочленные СГ.

СП в составе СГ с вершиной – именем прилагательным с корневой морфемой латинского происхождения на разных ступенях словопроизводства также отличаются друг от друга количеством дериватов в своем составе. За исключением СГ с нулевыми СП, в остальных СГ число кодериватов в СП колеблется от 1 (СП прилагательных *окультурный*, *каузальный* и т. д.) до 20 (СП первой ступени деривации прилагательного *специальный*).

Самое большое количество СП (138) организуется с одной словообразовательной парой (*фрикативный* (лингв.) → *фрикатив*; *стабильность* → *не-стабильность*). Но такие СП более характерны для 2–4 ступеней деривации, на первой ступени их всего 37. Таким образом, на первой ступени словопроизводства преобладают СП с большим количеством кодериватов: 40 СП (из 107) с двумя производными, 23 СП (из 48) с тремя производными, 5 СП (из 11) с четырьмя производными. СП с пятью и более производными (таких СП 28) представлены только на первой ступени. Исключением является СП с исходным существительным *реализм* (в СГ «*реальный*»), от которого на третьей ступени деривации образованы семь производных. Увеличение СП в данном случае происходит за счет сложных существительных:

реализм → *псевдо-реализм*
 → *сюр-реализм*
 → *идеал/реализм*
 → *нео/реализм*

Относительно многочисленные СП на второй и третьей ступенях деривации образуют глагол. Глагольные основы являются мотивирующими для многочисленных субстантивных производных, образованных суффиксальным способом. Для образования существительных в качестве словообразовательных формантов выступают суффиксы **-ациј-а** (*активировать* → *актив-ациј-а*), **-ниј-е/-н'ј-е** (*популяризовать* → *популяризованиј-е*), **-атор** (*активизировать* → *активиз-атор*). Глаголы в таких СП образуются постфиксальным (*активизировать* → *активизировать-ся*), префиксальным (*активировать* → *дез-активировать*) и префиксально-постфиксальным способами (*фамильярничать* → *рас-фамильярничать-ся*).

В отсубстантивных СП на второй и третьей ступенях деривации чаще всего образуются существительные, т. е. производящие лексемы в основном воспроизводят именно ту часть речи, к которой относятся сами. СП из 2–3 производных образуют:

- агентивные существительные с суффиксами **-ист**, **-атор**:

в СГ «рациональный»: *рационализатор* → *рационализатор-ств-о*
→ *рационализатор-ск-ий*

в СГ «активный»: *активист* → *активист-к-а*
→ *активист-ск-ий*
→ *проф/активист*

- сложные существительные:

в СГ «активный»: *радиоактивность* → *рад II*
→ *бета-радиоактивность*
→ *гамма-радиоактивность*

- существительные, обозначающие специальные физические термины с суффиксами **-он**, **-ин-о**:

в СГ «нейтральный»: *нейтрон* → *нейтрон-н-ый*
→ *анти-нейтрон*
→ *нейтрон-о-графия*

Отглагольные существительные с суффиксом **-ациј-а** могут возглавлять одно- и двучленные СП:

в СГ «стерильный»: *стерилизация* → *стерилизаци-онн-ый*
→ *терм-о-стерилизация*

Однако подобных СП мы нашли очень мало. Основная масса таких существительных завершает собой словообразовательную цепочку и характеризуется нулевой словообразовательной активностью.

Самые разнообразные СП на последующих ступенях деривации образуют существительные с суффиксом **-изм**, которые имеют значение «признак, названный мотивирующим прилагательным, как общественно-политическое, научное или эстетическое направление, склонность» [2, 180]. Такие субстантивные производные могут быть либо с нулевой словообразовательной активностью, либо с производными, количество которых колеблется от одного до семи дериватов. При образовании новых слов суффиксальным способом в качестве производящей используется усеченная основа (без суффикса **-изм**):

плюрал(изм) → плюрал-ист
→ плюрал-ист/ическ-ий

От наречий на последующих ступенях деривации образуются только адverbиальные производные префиксальным способом (*конкретно* → *не-конкретно*).

От прилагательных на второй и третьей ступенях словопроизводства, так же как и на первой, могут образовываться существительные, наречия, прилагательные и глаголы, однако количество указанных производных значительно уменьшается. Например, на второй ступени словопроизводства мы нашли только одно отадективное глагольное производное (*иммобильный* → *иммобил-изова-ть*). Что касается существительных, прилагательных и наречий, то они образуются теми же способами, что и на первой ступени деривации. Отличительной чертой можно считать образование наречий с помощью суффикса **-и**, мотивированных прилагательными с финалью **-ский** (*реалистический* → *реалистическ-и*). Прилагательные образуются путем сложения и префиксальным способом: с помощью префикса **наи-**, который присоединяется к синтетической форме превосходной степени прилагательного и привносит значение высшей, предельной степени качества [5, 247] (*вульгарнейший* → *наи-вульгарнейший*).

На третьей ступени деривации мы обнаружили производные и от причастий в значении прилагательных (*лабиализованный* → *лабиализованн-ость*; *локализованный* → *не-локализованный*). Причем образование новых слов в данных словообразовательных парах происходит по моделям, характерным для отадективных производных.

В зависимости от характера словообразовательного значения, производные в рассматриваемых СГ можно распределить по словообразовательным типам, в которых реализуются транспозиционное, модификационное, мутационное и соединительное значения.

Транспозиционное словообразовательное значение у существительных, называющих непроецессуальный признак и мотивированных при-

лагательными [2, 268], выражается суффиксами **-ость** (133) (*адекватный* → *адекватн-ость*), **-итет** (2) (*нейтральный* → *нейтрал-итет*), **-ств-о** (1) (*фамиллярный* → *фамилляр-ств-о*) и нулевым суффиксом в словах мужского рода I склонения (14) (*вокальный* → *вокал*). По данным «Русской грамматики» [2, 269] в отдельных словообразовательных типах наблюдаются некоторые модификации транспозиционного значения непроецессуального признака. Это касается существительных с суффиксом **-щин-а** (2) со значением «признак как отрицательно оцениваемое явление» (*нелегальный* → *нелегаль-щин-а*) и существительных с суффиксом **-изм** (36) со значением «признак как определенное направление, течение» (*консервативный* → *консерват-изм*). Многие производные данного типа могут вступать в синонимические отношения друг с другом:

<i>фамиллярный</i>	→ <i>фамиллярн-ость</i>
	→ <i>фамилляр-ств-о</i>
<i>универсальный</i>	→ <i>универсальн-ость</i>
	→ <i>универсал-изм</i>
<i>официозный</i>	→ <i>официозн-ость</i>
	→ <i>официоз</i>

Транспозиционное словообразовательное значение у существительных, называющих процессуальный признак (действие или состояние) и мотивированных глаголом [2, 267], выражается суффиксами **-ацй-а** (46) (*локализовать* → *локализ-ацй-а*), **-ниј-е** (14) (*актуализировать* → *актуализирова-ниј-е*), **-н'ј-е** (1) (*популярничать* → *популярнича-н'ј-е*). Сюда же можно отнести и отадективные субстантивы с суффиксом **-изациј-а** (7), которые являются продуктом чересступенчатого словообразования с пропущенным звеном – глаголом (*вербальный* → (**вербал-изова-ть* / *вербал-изирова-ть*) → *вербал-изациј-а*).

При образовании адвербиальных производных от адъективных основ с помощью суффикса **-о** (89) (*адекватный* → *адекватн-о*) или **-и** (4) (*релятивистский* → *релятивистск-и*) также реализуется транспозиционное значение.

Модификационные словообразовательные значения выражаются в производных любой части речи, которые образуются префиксальным способом, так как «присоединение к слову приставки обычно не меняет значения слова коренным образом, а лишь добавляет к нему некоторый оттенок значения» [4, 36]. В роли префиксов выступают как исконные словообразовательные форманты (**за-**, **наи-**, **не-**, **пре-** и т. д.), так и иноязычные (**анти-**, **де-**(**дез-**), **ин-**(**ил-**, **им-**, **ир-**) и т. д.). Префиксальный способ чаще всего используется при образовании прилагательных (35)

(*плозивный* → *экс-плозивный*) и существительных (25) (*активация* → *ин-активация*), реже – наречий (16) (*легально* → *не-легально*). Глагольных префиксальных производных мы нашли всего 7 (*локализовать* → *с-локализовать*), причастий в значении прилагательных – 4 (*муниципализирова-нн-ый* → *де-муниципализированный*).

Некоторые производные с исконными и заимствованными префиксами являются словообразовательными синонимами:

легальный → *ил-легальный*
→ *не-легальный*

Среди суффиксальных способов, выражающих модификационные значения, можно отметить образование отадъективных прилагательных с помощью субъективно-оценочного суффикса **-ньк-** (1) (*аккуратный* → *аккуратн-еньк-ий*) и с помощью суффикса **-ейш-** (2) со значением высшей степени проявления признака (*вульгарный* → *вульгран-ейш-ий*). Отсубстантивные существительные выражают модификационные значения с помощью суффикса субъективной оценки **-ик** (1) (*реалист* (*ученик реального училища*) → *реалист-ик*) и с помощью суффикса **-к-а** при образовании существительных – наименований лиц женского пола (13) (*романист* → *романист-к-а*).

Согласно определению из «Русской грамматики» [2, 267], по своей функции в словообразовательной системе модификационным значениям подобна стилистическая модификация. Такая модификация представлена существительными, которые являются стилистически окрашенными синонимами мотивирующих слов. Примером может служить производное, образованное способом аббревиатурного усечения основы мотивирующего слова (*специалист* → *спец*).

Мутационные словообразовательные значения реализуются в процессе образования различных частей речи суффиксальным способом. Отадъективные существительные с общим значением «носитель непроецессуального признака» [2, 257] образуются путем добавления к усеченной основе исходного прилагательного суффиксов **-еск-а** (1) (*романский* → *роман-еск-а*), **-иј-а** (2) (*имплозивный* → *имплоз-иј-а*), **-истик-а** (2) (*ориентальный* → *ориентал-истик-а*). Производные, относящиеся к области физической и химической терминологии, образуются с помощью формантов **-ат**, **-он**, **-ин**, **-ин-о** (*стерильный* → *стерил-ин*; *салициловый* → *салицил-ат*). Существительные со значением «лицо – носитель непроецессуального признака» [2, 257] оформляются с помощью суффиксов **-ист** (4) (*вокальный* → *вокал-ист*), **-ик** (1) (*аграрный* → *аграрн-ик* (*разг.*)).

Отсубстантивные существительные со значением «лицо – носитель предметного признака» [2, 259] образуются с помощью суффиксов **-ист** (30) (*экзистенциализм* → *экзистенциал-ист*; *романистика* → *романист*; *генштаб* → *генштаб-ист*) и **-чик** (1) (*генсовет* → *генсовет-чик*). Значение «направление, сфера занятий, свойство характера, склонность, болезненное состояние – носитель предметного признака» [2, 260] представлено у субстантивных производных с суффиксами **-ств-о** (3) (*рационализатор* → *рационализатор-ств-о*), **-ик-а** (*компаративист* → *компаративист-ик-а*), **-оз**, **-ом-а**:

ретикулоэндотелий → *ретикулоэндотели-оз*
→ *ретикулоэндотели-ом-а*

Отглагольные существительные со значением «предмет (одушевленный или неодушевленный), производящий действие или предназначенный для его выполнения» [2, 261] образуются путем добавления к усеченной основе исходного глагола форманта **-атор** (12) (*активировать* → *актив-атор*).

Мутационное словообразовательное значение выражают и глаголы со значением «действие, имеющее отношение к признаку, названному мотивирующим прилагательным» [2, 339]. Они образуются от усеченной основы исходных адъективов путем добавления суффиксов **-изирова-** (21) (*стабильный* → *стабил-изирова-ть*), **-изова-** (16) (*палатальный* → *палатал-изова-ть*), **-ирова-** (10); (*легитимный* → *легитим-ирова-ть*). Глаголы, обозначающие занятия или поступки, которые имеют отношение к признаку, названному мотивирующим прилагательным [2, 342] образуются с помощью суффикса **-ича-** (7) (*солидный* → *солидн-ича-ть*); глаголы со значением «приобретать (или приобрести) признак, названный мотивирующим словом» [2, 393] – префиксально-суффиксальным способом (2) (*серьезный* → *по-серьезн-е-ть*). В последних двух типах в процессе деривации основа мотивирующего прилагательного не усекается.

Мутационные значения в отсубстантивных прилагательных, обозначающих «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» [2, 272], выражаются с помощью суффиксальных морфов **-н-** (3) (*нейтрон* → *нейтрон-н-ый*), **-онн-** (4) (*легитимация* → *легитимаци-онн-ый*), **-альн-** (1) (*ретикулоэндотелий* → *ретикулоэндотели-альн-ый*), **-ичн-** (4) (*релятивизм* → *релятив-ист/ичн-ый*). Адъективные производные с общим значением «относящийся или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» [2, 281] оформляются суффиксальными морфами **-ск-** (17) (*активист* → *активист-ск-ий*), **-еск-** (1) (*романистика* → *романистич-еск-ий*), **-ическ-** (15) (*гуманист* → *гуманист-ическ-ий*).

Среди словообразовательных типов, реализующих мутационное словообразовательное значение, можно также выделить субстантивацию (переход прилагательных в имена существительные) (5) (*релятивный* → *релятивн-ое*) и универбацию (образование существительных на базе устойчивых словосочетаний) (6) (*нейтральный* → *нейтрал-к-а* [*нейтрал(ьная территория, зона)-к-а*]). В результате субстантивации чаще всего образуются существительные среднего рода со значением «явление, обобщенно характеризующееся непроцессуальным признаком» [2, 258] и (намного реже) существительные мужского рода со значением лица.

Соединительное словообразовательное значение сводится к объединению значений двух и более основ в одном сложном значении [2, 269]. Это значение представлено в чистых сложениях (95) и аббревиатурах (30). Аббревиатуры в рассматриваемых СГ образуются из сочетания начальной части исходного прилагательного с целым существительным (*рационализаторский* → *рац/предложение* [*рац(ионализаторское) предложение*]), из сочетания начальных частей всех мотивирующих слов («слововые» аббревиатуры) (*универсальный* → *универ/маг* [*универ(сальный) маг(азин)*]) или из сочетания начального звука первого слова и начальной части второго слова (*социальный* → *с/обес* [*с(оциальное) обес(печение)*]).

Рабочими моделями при образовании сложных существительных и прилагательных являются: **основа слова** (полная или усеченная) + ***i*** + **слово** и (реже) **слово** + ***i*** + **слово**, где *i* – интерфикс [4, 100]. Интерфиксальные морфемы могут быть как материально выраженными (**-е-, -у-, -и-, -о-**) (*интенсивный* → *интенс-и-метр*), так и нулевыми (*специалист* → *квази/специалист*).

В рассматриваемых СГ чаще встречаются сложные слова с подчинительными отношениями. Второй компонент в таких сложениях является опорным, а компонент, ему предшествующий, уточняет и конкретизирует содержание опорного слова. В качестве первого компонента в подчинительных сложениях активно используются основы типа *полу-, само-* (*фертильный* → *сам-о-фертильный*), основы несклоняемых существительных (*радио-*), усеченные основы существительных или прилагательных (*авиа-, мото-, стерео-, термо-* и др.) и связанные компоненты интернационального характера (*аудио-, аэро-, псевдо-, ретро-* и др.).

В качестве второго, опорного компонента у сложных прилагательных выступают немотивированные прилагательные (*гуманный* → *высок-о-гуманный*) и относительные прилагательные с суффиксами **-н-** и **-ск-** (с разными их морфами) [2, 319] (*реалистический* → *псевдо/реалистический; активационный* → *ради-о-активационный*).

Среди субстантивных сложений наиболее продуктивными типами являются образования со связанными опорными компонентами (-лог, -грамм(а), -графия, -метр и др.) (сенситивный → сенсит-о-грамма).

Кроме того, мы обнаружили одно сложносuffixальное существительное, которое образовано по модели: **основа слова + i + основа слова + s + f**, где *s* – суффикс, *a f* – флексия [4, 101]. В данном производном соединительное значение представлено в сочетании с мутационным значением, вносимым суффиксом (*моторный (физиол.) II*) → *псих-о-мотор-ик-а*).

Таким образом, проанализировав количественную и качественную характеристики СП в составе СГ с вершиной – именем прилагательным с корневой морфемой латинского происхождения, мы пришли к следующим выводам.

Производные в указанных гнездах возможны на четырех ступенях деривации, из них более 50 % – это производные первой ступени.

СП в составе СГ различаются по количеству дериватов. За исключением двух прилагательных с нулевыми СП, мы выделили и рассмотрели СГ, СП которых включает в себя от одного до восьми производных. Преобладают СП, равные одному производному, и СП, равные двум производным.

В результате подсчетов оказалось, что СГ, состоящие из одной СП, составляют более 60 % всех отадъективных гнезд. Остальные 40 % – это СГ, в составе которых от двух до восемнадцати СП. СГ с двумя, тремя и четырьмя СП в своем составе преобладают.

По количеству кодериватов на первой ступени возможны СП, состоящие из 1–20 производных, но чаще всего встречаются двух- и трехчленные СП.

На второй – четвертой ступенях деривации мы обнаружили СП, включающие в себя от одного до пяти производных и одну СП из семи производных. Однако основная масса СП последующих ступеней деривации состоят из одного – двух кодериватов.

По частеречному составу рассматриваемые СГ также весьма разнообразны. От исходных прилагательных образуются существительные (50 %), прилагательные (20 %), наречия (15 %), глаголы (15 %), причастия (менее 1 %) и причастия в значении прилагательных (2 %). Преобладание в отадъективных СГ имен существительных позволяет сделать вывод о том, что прилагательные с корневой морфемой латинского происхождения в основном специализируются на мотивации существительных.

Проанализировав производные по характеру реализующихся в них словообразовательных значений, мы обнаружили, что в отадъективных

СГ чаще всего появляются новые слова, которые выражают транспозиционное словообразовательное значение (48 %). Среди лексических дериватов преобладают производные с мутационным словообразовательным значением (24 %). Реже встречаются производные, в которых реализуется модификационное значение (15 %). И 12 % составляют сложения и аббревиатуры, выражающие соединительное словообразовательное значение.

Кроме того, в результате исследования данных, полученных нами из других источников [1; 3; 6], мы пришли к выводу, что большинство СГ с вершиной – именем прилагательным с корневой морфемой латинского происхождения постоянно развиваются. Состав отаждективных производных увеличивается в основном за счет образования отвлеченных имен существительных. В процессе деривации используются как собственные словообразовательные средства, так и иноязычные морфемы, в результате чего можно наблюдать явление внутрignetздовой синонимии словообразовательных типов. Достаточно активно образуются новые слова и путем сложения, аббревиации и универбации.

Литература

1. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. М., 1998.
2. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1982. Т. 1.
3. Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. Р. П. Рогожниковой. М., 1991.
4. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е. А. Земская. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.
5. Современный русский язык. Ч. 2: Словообразование. Морфонология. Морфология / под ред. П. П. Шубы. 2-е изд., испр. и доп. Минск, 1998.
6. Современный словарь иностранных слов. 2-е изд., стер. М., 1999.
7. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А. Н. Тихонов. М., 1985.

А. З. Цисык

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Пополнение лексического состава любого языка за счет иноязычных заимствований – объективный процесс, который происходит на протяжении всей истории существования языка и служит предметом пристального внимания лингвистов. В 70-х годах Институтом русского языка был задуман периодический – раз в 6–8 лет – выпуск словарей-справочников под названием «Новые слова и значения», в которых планировалось регистрировать и толковать новые лексемы, возникающие как внутри самого русского языка, так и путем заимствований. Всего вышло два таких сборника – в 1968 и 1984 гг. [5; 6]. Такого рода издания, несомненно, оказали большую помощь всем исследователям неологизмов и заимствований. Однако с прекращением их выпуска каждому, кто интересуется новой лексикой, приходится самому по крупицам выискивать интересующий его материал и вести свою личную картотеку.

Анализ газетных и журнальных публикаций Республики Беларусь и Российской Федерации показывает, что пополнение лексического состава русского языка иноязычными заимствованиями за последние десятилетия проходило в основном двумя путями. Первый – это адаптация лексики из германских и романских языков, причем основная масса слов здесь принадлежит, несомненно, английскому языку. Второй путь – это продолжение многовековой традиции лексико-морфологических заимствований из классических языков – древнегреческого (далее всюду греческого. – *А. Ц.*) и латыни. Наиболее последовательно эта традиция соблюдается в биологических и медицинских науках: в 80-х годах прошлого века, согласно данным М. Н. Чернявского [9, III, 420], в этих науках ежегодно появлялось до тысячи новых терминов, создаваемых на основе лексических и морфологических элементов, заимствованных из классических языков. Есть все основания считать, что данная тенденция сохраняется и в наши дни: это подтверждает лексический состав современных публикаций в любом медицинском издании, где чуть ли не в каждом предложении встречаются специальные термины типа *наркозо-респираторная аппаратура, онко-профилактика, коррекция иммунного баланса, антибиотико-резистентность, антиоксидантный комплекс, крибриоформно-морулярный вариант* и т. п., которых еще не было в публикациях 70–80 гг. XX в. Все эти термины, как и многие дру-

гие, созданы на основе греческих и латинских лексико-морфологических элементов.

Интересно отметить, что профессиональные медицинские термины в последнее время нередко переходят в разряд обыденной разговорной лексики. Это происходит из-за роста встречаемости тех или иных явлений медицинского характера в повседневной реальности и соответственно расширения сферы употребления соответствующей лексики. Так, например, расхожими стали выражения типа «Ты меня до *инфаркта* доведешь!»; «Это же настоящая *шизофрения*!»; «Ребенок получил большую *психическую травму*»; слова *аллергик*, *астматик*, *гипертоник*, *диабетик*, *инсульт*, *наркоман*, *невроз*, *психоз* и др. Слово *аллергия*, например, стало обозначать особую реакцию организма не только на конкретный аллергенный фактор (пыльцу, холод, шерсть животных и др.), но и на любые вещи, например: «У нее аллергия на детский сад», – говорит мать о своей дочке, или: «У меня аллергия на эту программу», – говорит муж жене. Следует отметить, что термин *аллергия* (от греч. ἄλλος ‘другой’, ‘иной’ и -εργία от τέλεον ‘действие’, ‘деятельность’) за последние десятилетия практически вытеснил термин *идиосинкразия* (от греч. ἰδίος ‘особый’ и ² σύγκρασις ‘смешение’), обозначающий практически то же понятие, что и *аллергия*, т. е. повышенную или особую реакцию организма на определенные вещества или воздействия. В связи с этим вспомним сцену из культового, как сейчас говорят, фильма «Семнадцать мгновений весны», где Штирлиц на предложение Мюллера выпить водки отвечает, что у него на водку идиосинкразия. Штирлицу наших дней, несомненно, пришлось бы сказать: «У меня на водку аллергия».

За последние десятилетия появилось немало заимствований греко-латинского происхождения и в области общественно-бытовой лексики. Однако далеко не всегда такие слова, уже не один год встречающиеся в прессе и электронных средствах массовой информации, находят своевременное отражение в словарно-справочной литературе. Например, в таком авторитетном московском издании 2001 г., как «Толковый словарь иностранных слов» [4], еще не представлены многие частотные слова последних десятилетий: *конфискат*, *нанотехнология*, *нострификация*, *политкорректность*, *транспарентный*, *харизма* и др. Учитывая то, что перечисленная лексика не представлена и во многих других современных словарях, считаем целесообразным дать ее этимологический анализ.

Слово *конфискат* представляет собой транслитерат латинского существительного *confiscātum*, субстантивированного причастия прошедшего времени страдательного залога *confiscātus* от глагола *confisco*

‘конфисковывать’, ‘изымать имущество в пользу государства’ (лат. *fiscus* ‘государственная казна’). По аналогичной модели образованы от латинских глагольных основ и затем ассимилированы в русском языке транслитераты *аттестат*, *конгломерат*, *концентрат*, *фальсификат* и т. д.

Слово *нанотехнология* образовано путем сложения основ греческих существительных *ὁ νᾶνος* ‘карлик’, ² *τέχνη* ‘искусство’, ‘мастерство’ и *ὁ λόγος* ‘наука’, ‘раздел науки’. В современной науке словообразовательный элемент *нано-* обозначает миллиардную часть какой-либо единицы измерения: *наносекунда* ‘миллиардная часть секунды’, *нанограмм* ‘миллиардная часть грамма’. Под *нанотехнологиями* понимают прежде всего технологии работы с микроскопическими объектами с помощью *нанороботов*, о чем, между прочим, не только составлены сюжеты многих фантастических фильмов, – по *нанотехнологиям* в прошлом году в Российской Федерации, например, принята вполне реальная и конкретная программа научно-исследовательской деятельности.

Существительное *нострификация* составлено из латинских компонента *nostrī* (от *nostrum* ‘наше’) и конечного словообразовательного элемента *-ficatio*, производного от глагола *-fīco*, употребляющегося только в роли финали сложносоставных глаголов и семантически эквивалентного глаголу *facio* ‘делать’ (ср. *purifīco* ‘очищать’, *sacrifīco* ‘приносить в жертву’ и т. п.). Слово *нострификация* буквально значит ‘делание нашего’ и обозначает процедуру признания Высшей аттестационной комиссией одной страны диплома о защите диссертации, выданного ВАКом другой страны. Это существительное образовано по словообразовательной модели, известной уже в античное время (*purificatio* ‘очищение’, *sacrificatio* ‘жертвоприношение’ и т. п.), а также достаточно распространенной в постантичной латыни (*classificatio*, *falsificatio*, *qualificatio*, *stratificatio* и др.).

Слово *политкорректность*, которое употребляется главным образом в СМИ, имеет значение не ‘политическая корректность’, как кажется на первый взгляд, исходя из наших привычных понятий *политрук*, *политинформация*, *политология* или даже недавно появившихся понятий *политтехнология* и *политтехнолог*. Данный термин обозначает способ поведения, при котором стремятся избегать всего, что может быть оскорбительным для тех или иных лиц по признаку расы, пола, религии, возраста и других отличительных свойств личности. Значение морфемы *полит-* в данном случае, казалось бы, не адекватно смыслу, заключенному в понятии *политика* (греч. *πολιτικός* ‘гражданский’, ‘государственный’, ‘общественный’) и представленного в привычных заимствованиях, приведенных выше, и что в слове *политкорректность*

эту морфему этимологически, может быть, следует связать с английским прилагательным *polite* ‘вежливый’, ‘обходительный’ и выводить ее от греческого прилагательного *πολίτης* ‘городской’, ‘образованный’ (сравним латинское прилагательное *urbānus*, имеющее значение не только ‘городской’, но и ‘вежливый’, ‘культурный’). Однако сходные лексические параллели не всегда родственны генетически: английское *polite* ‘вежливый’, ‘обходительный’, оказывается, происходит не от греческого *πολίτης*, а от латинского *polītus* ‘отшлифованный’, ‘утонченный’ [16]. В современном английском есть также слова *politic* ‘разумный’, ‘обдуманый’ и *political* ‘политический’. Поэтому при столь значительном диапазоне семантики заимствований, связанных этимологически с греческой морфемой *πολίτικ-*, следует прежде всего присмотреться, в форме какой лексемы или морфемы выступает греческий этимон в английском эквиваленте слова *политкорректность*. Здесь, по данным последнего издания англо-русского словаря В. К. Мюллера [11], возможны два варианта: 1) *political correctness*; 2) *politically correct*. И неожиданно выясняется, что в английском тексте просматривается тот греческий этимон (*πολίτικός*), которому семантически нет места в русском эквиваленте, но который в английском изменил свою семантику в составе интересующего нас сочетания и приобрел этический смысл. Таковы, как видим, бывают лингвистические лабиринты, сквозь которые необходимо пробираться исследователю, чтобы проследить пути античных заимствований в современных языках. К счастью, этот путь не всегда столь сложен: и в английских, и в русском эквивалентах без особых затруднений определяются латинские истоки слов *correct*, *correctness* и *корректность*: это причастие прошедшего времени *correctus* от глагола *corrigo* ‘исправлять’.

Прилагательное *транспарентный* в наши дни обычно связывают со словом *выборы*. Это слово восходит к средневековой латыни, где встречается причастие *transpārens* от глагола *transpareo* ‘быть прозрачным’. Затем через французский язык (*transparent*) оно было заимствовано в русский в форме существительного *транспарант* и только сравнительно недавно, уже через английский (*transparent*), – в форме прилагательного *транспарентный*.

Существительное *харизма* и производное от него прилагательное *харизматический* (*харизматичный*) пришли к нам из греческого языка, где существительное τῆ χάρισμα значит ‘дар’, ‘милость’. В наши дни слово *харизма* употребляется в значении ‘исключительная одаренность и привлекательность’ и употребляется по отношению к лицам, претендующим на лидерство в общественной деятельности. Например, для

политика быть *харизматическим* лидером или обладать *харизмой* – значит обладать суммой внутренних и внешних качеств, которыми можно легко привлекать массы.

Немало слов, полузабытых в советский период нашей истории, возвращаются в последние десятилетия в общеупотребительный лексикон. Среди них, например, такие слова, как *апатриды*, *инаугурация*, *ипотека*, *мартиролог*, *субсидии*.

Апатридами (греч. приставка $\hat{A}$ -, $\hat{A}v$ - ‘отсутствие’ + ² $\mu\alpha\tau\rho\acute{\iota}\varsigma$, $\mu\alpha\tau\rho\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ ‘родина’) в наше время называют лиц без гражданства. К такому, например, относятся многие лица некоренной национальности, оставшиеся жить после распада Советского Союза в странах Балтии.

Инаугурация – это торжественная церемония вступления в должность нового президента страны. Данное слово происходит от латинского существительного *inauguratio*, первоначально обозначавшего церемонию присвоения римскому царю (до республиканского периода) полномочий жреца-авгура, название которого восходит к словам *aves gerere* ‘вести птиц’, т. е. начинать какое-то событие гаданием по полету птиц [1, 443].

Ипотека (от греч. ² $\dot{\iota}\rho\omicron\tau\theta\acute{\eta}\kappa\eta$ ‘залог’, ‘заклад’) – денежная ссуда, выдаваемая банком под залог недвижимого имущества. Общий греческий корень *-тека* (² $\theta^{\circ}\kappa\eta$ – букв. ‘вместилище’, ‘хранилище’) четко просматривается в таких, казалось бы, далеких друг от друга по времени и в смыслу словах, как *аптека*, *дискотека*, *пинаотека*, *ипотека*.

Слово *мартиролог* (от греч. $\omicron\ \mu\acute{\alpha}\rho\tau\upsilon\varsigma$, $\mu\acute{\alpha}\rho\tau\upsilon\rho\omicron\varsigma$ ‘мученик’ и $\omicron\ \lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ ‘слово’) в средние века имело значение ‘список христианских мучеников’. В прошлом веке его стали понимать как список (перечень) лиц, погибших в результате репрессий сталинского и фашистского режимов.

Словом *субсидия* или чаще во множественном числе – субсидии (от латинского *subsidiium* ‘поддержка’) называется денежная или иная помощь государства каким-то лицам или учреждениям.

Интересно отметить, что в разговорном языке нередко возникают своеобразные гибриды из основ русских и греческих слов. Например, в ряду достаточно серьезных по смыслу понятий *криотрон*, *плазмотрон*, *синхрофазотрон* (финаль *-трон* рассматривают или как часть слова *электрон*, или выводят от греч. $\omicron\ \theta\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ ‘кресло’, ‘установка’) появляется слово *лохотрон*, т. е. установка или способ облапошить недалекого и простодушного человека (*homo bonus semper tiro!*). Среди слов *аргонавт*, *акванавт*, *космонавт* появляется иронический неологизм *алконавт* с понятным всем значением. Среди огромного количества слов с конечным элементом *-логия* обнаруживается презрительно-ироническое

трепология, то есть пустая болтовня, рядящаяся в тогу наукообразности.

Продолжается процесс перехода прилагательных с некоторыми продуктивными в словообразовательном отношении латинскими суффиксами в разряд существительных. В процессе такой субстантивации, в частности, активно участвуют заимствованные через французский язык или непосредственно из латыни прилагательные с суффиксом *-al-*, причем в существительном могут появляться и морфологические приращения в виде отрицательной частицы *не-*, ср.:

<i>bisexualis</i>	→ бисексуальный	→ бисексуал
<i>marginalis</i>	→ маргинальный	→ маргинал
<i>legalis</i>	→ легальный	→ нелегал
<i>formalis</i>	→ формальный	→ неформал

Обращает на себя внимание семантическая и морфологическая продуктивность данной суффиксальной модели заимствований. Если в начале 70-х годов в словарно-справочной литературе фиксировалось около 60 подобных заимствований [5, 444–445], то в наши дни таковых во много раз больше. При этом внутри данной группы заимствований дифференцируются несколько семантических подгрупп: 1) названия лиц с какими-то характерными особенностями (*либерал*, *маргинал*, *провинциал*, *профессионал*); 2) названия терминов различных наук (*ареал*, *астрал*, *дифференциал*, *номинал*); 3) названия объектов (*минерал*, *квартал*, *материал*, *мемориал*); 4) названия собирательного свойства (*криминал*, *официал*, *персонал*, *трибунал*). Интересно отметить, что наблюдаются случаи расслоения морфологии и семантики существительных, свидетельствующие о продуктивности данной модели словообразования, ср.: «Оригинал этого издания стал библиографической редкостью» и «Он – большой оригинал»; «Этот человек – универсал» и «Этот универсал Стефана Батория можно найти в отделе рукописей». Или сравним употребление слова *радикал* в математике, химии и социально-политической сфере. Бывают случаи, когда субстантивированное прилагательное выступает в форме и женского, и мужского рода (например, *финал* ‘конец действия’ и *финаль* ‘конечный элемент слова’), или только в форме женского рода (*вертикаль*, *магистраль*, *спираль*, *фестиваль*, *электроцентраль*).

Отмечается и такое интересное явление, когда некоторые суффиксы, восходящие к латинским или греческим прототипам, присоединяются к исконно русским корням. Например, в ряду латинизмов *аспирант*, *конкурсант*, *лаборант*, *симулянт*, *фигурант* и т. п. появляются слова *отмечант*, *подписант*, *покупант*, *продавант*, *пресмыкант*. Или

же в ряду слов, содержащих латинский модифицированный суффикс *-бель-* (из лат. *-bilis*) – *комфортабельный, операбельный, респектабельный* – начинают встречаться такие слова, как *носибельный, продавабельный, читабельный* и др. Больше всего в этом плане можно сказать о суффиксе греческого происхождения *-ист-*, который через посредство латинского и французского языков вошел в состав заимствований в русский язык, не только сохранив свою первичную семантику *nominis agentis* (*беллетрист, маринист, планерист*), но в сотни раз превзойдя свои античные этимоны по количеству лексем [8, 360–363]. Он прекрасно прижился в русском языке, расширил свою семантику, и теперь с его участием рождаются все новые и новые слова: наряду с официально-нейтральными названиями (*особист, протоколист, финалист*), обозначениями рода занятия (*программист, таксист, шахматист*) или принадлежности к какой-то социальной группе (*антиглобалист, рецидивист, социалист*) появляется много эмоционально окрашенной лексики типа *аккуратист, дофенист, пофигист, приколист* и др.

Нередко в словах иностранного происхождения так называемая народная этимология усматривает какой-то знакомый элемент, привязывая к нему смысл всего слова. Так, список платежей за коммунальные услуги называется *жировка*, и многие граждане увязывают данный термин со словом *жир*, не особенно вникая в его структуру. А между тем слово *жировка* – обрусевший вариант итальянского финансового термина *giro*, обозначающего ‘денежный оборот или обращение’ и восходящего к греч. $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\rho\omicron\varsigma$ ‘круг’, ‘окружность’, ‘извилина’ [12, 653].

К сожалению, иногда и в словарно-справочной литературе встречаются ошибочные толкования этимологии заимствованных слов. Например, в упомянутом выше «Толковом словаре иноязычных слов» при толковании слова *симпозион* говорится, что это слово значит буквально ‘соположение’ [4, 640]. Однако автор толкования ошибается, так как греческое слово $\sigma\upsilon\mu\pi\omicron\sigma\iota\omicron\nu$ переводится ‘совместная выпивка’, ‘попойка’: приставка $\sigma\upsilon\mu-$ имеет значение ‘совместное действие’, а вторая часть этого слова $-\pi\omicron\sigma\iota\omicron\nu$ этимологически идентична существительному 2 $\pi\acute{o}\sigma\iota\varsigma$ ‘питье’, ‘попойка’ [13, 1658]. Очевидно, что при толковании вместо греческого этимона используют слегка похожую на него по форме и смыслу латинскую лексему *positio* ‘расположение’, ‘положение’.

В «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией Н. М. Шанского при толковании слова *авгур* вторую часть его *-гур* связывают с морфемой *-gur*, подразумевая слово *gurgulio* ‘горло’, ‘глотка’, ‘гортань’ [10, I, 27]. Однако, учитывая семантику всего слова, ее, несомненно, предпочтительнее связать с *gerĕre*, тем более что имеются сви-

детельства того, что первоначально латинское слово имело вид *auger* [1, 443].

И если ошибки этимологического плана допускают авторы таких солидных лингвистических изданий, то в публикациях научно-популярного или учебно-справочного характера подобного рода ошибок можно встретить намного больше. Вот перед нами книга А. Г. Ильяхова «Античные корни русского языка. Этимологический словарь», изданная в Ростове известным издательством «Феникс» [3], которая пестрит ошибками культурно-исторического и лингво-этимологического характера. Например, на странице 21 нам сообщают, что «в Древней Греции *altaria* означал “возвышение, используемое для жертвоприношений”», хотя это чисто латинское слово (от *altus* ‘высокий’) [15, 110]. На странице 23 утверждается, что «название первой буквы греческого алфавита *альфа* в переводе с греческого означает “честь”», хотя этому противоречат данные всех лексиконов древнегреческого языка. На странице 29 читаем, что «происхождение слова *апелляция* своими корнями уходит в Древнюю Спарту, где существовал высший орган судебно-исполнительной власти *Apella*, или ‘Народный возглас’ (*sic!*)», хотя слово это чисто латинское (*apellatio* ‘обращение с речью’), а в Спарте слово ² Ἀπέλλα обозначало то же, что в Афинах ² βῆκκλησία, то есть ‘народное собрание’ [14, I, 120].

На первый взгляд, вышедший недавно в свет «Краткий толковый словарь медицинских терминов» [7] претендует на роль авторитетного учебно-справочного издания хотя бы внушительным списком использованной литературы и теми действительно актуальными задачами, которые декларируются во «Введении» к этому словарю. Но, как говорится, дьявол кроется в деталях, а именно в них авторы данного издания неоднократно демонстрируют ошибочность своих утверждений. Уже во «Введении» на странице 6 нам сообщают о римских врачах Тиберии и Нероне, хотя в историю под этими названиями вошли только римские императоры I века нашей эры, но не врачи. Затем на странице 13 читаем, что слово *ассистент* (*assistens*) происходит от латинской приставки *as-* (вариант приставки *ad-*) со значением ‘около, возле’ и глагола *sum* ‘быть’, ‘присутствовать’. На самом же деле вторая часть (*-sistens*) – это причастие настоящего времени от глагола *sisto* ‘становиться’, и в целом *assistens* обозначает буквально ‘стоящий (находящийся) рядом’. На странице 28 читаем, что слово *манипуляция* (*manipulatio*) произошло от латинского *manus* ‘рука’ (точнее, ‘кисть руки’. – А. Ц.) и греческого (!) *pello* ‘толкать’. Однако на самом деле слово *manipulatio* – производное от *manipulus* (варианты *manipulus*, *manuplus*, *manipellus*), вторую часть которого составляет морфема, производная от латинского глагола *pleo*

‘наполнять’ [15, 1073–1074]. Или же на странице 36 находим, что слово *теория* произошло от греческого *theos* ‘бог’ + *ia*. Но согласно данным этимологических словарей, греческое ² θεωρία связано со словами ¹ θεωρός ‘наблюдатель’ и θεωρέω ‘смотреть’, ‘рассматривать’ (ср. θέατρον – букв. ‘зрелище’) [14, I, 669].

Давно подмечено: получить объективные комментарии об античном мире можно только в том случае, если комментатор – филолог-классик, а не дилетант, получающий информацию из вторых, а то и из третьих рук. Для Беларуси, имеющей уже более 15 лет отечественный центр подготовки филологов-классиков, пора получать научно-популярные и одновременно научно достоверные источники информации об античности от своих специалистов, не полагаясь на сомнительные подделки вроде опуса А. Г. Ильяхова. И первым шагом в этом направлении должна стать подготовка к печати работы, посвященной античному наследию в нашей речи, – работы, которая стала бы настольной книгой для лингвистов, журналистов и представителей многих других специальностей. В частности, это мог бы быть, например, словарь-справочник, подобный книге «Латинское наследие в русском языке», изданный в Москве в 2002 г. [2]. Этимология слов интересует практически каждого, кто умеет читать, поэтому выход в свет уже не статьи, не брошюры, а весомой книги станет важной вехой в творческой деятельности наших отечественных филологов-классиков.

Литература

1. Велишский, Ф. Ф. Быт греков и римлян / Ф. Ф. Велишский; пер. с чеш. И. Я. Ростовцева. Прага, 1878.
2. Воронков, А. И. Латинское наследие в русском языке: словарь-справочник / А. И. Воронков, Л. П. Поняева, Л. М. Попова. М., 2002.
3. Ильяхов, А. Г. Античные корни русского языка: этимол. справочник / А. Г. Ильяхов. Ростов н/Д, 2006.
4. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. М., 2001.
5. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. Н. З. Котеловой [и др.]. М., 1973.
6. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н. З. Котеловой [и др.]. М., 1984.
7. Радзевич, А. Э. Краткий толковый словарь медицинских терминов / А. Э. Радзевич, Ю. А. Куликов, Е. В. Гостева. М., 2004.
8. Раевская, Н. Л. Древнегреческий суффикс -ιστ- в историко-лингвистической диахронии / Н. Л. Раевская, А. З. Цисык // Сб. науч. тр. «ΣΤΕΦΑΝΟΣ». М., 2005.

-
9. Чернявский, М. Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / М. Н. Чернявский // Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. Т. 3. М., 1984.
 10. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / под ред. Н. М. Шанского. М., 1963–1987.
 11. Мюллер, В. К. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер. М., 2007.
 12. Nuovo Campanini Carboni Vocabolario Latino Italiano, Italiano Latino. Paravia; Torino, 1993.
 13. A Greek-English Lexicon / completed by H. G. Liddell and R. Scott. Oxford, 1996.
 14. Frisk, Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache: bd. 1–3 / Hj. Frisk. Heidelberg, 1957–1972.
 15. Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.
 16. Online Etymology Dictionary [Electronic resource] / ed. D. Harper. 2001. Mode of access: <http://www.etymonline.com>. Date of access: 28.09.2008.

Г. И. Шевченко

АДВЕРБИАЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ПЕРЕДАЧА НА РУССКИЙ

Большую группу латинских словосочетаний, от которых образованы русские кальки, составляют единицы адвербиального характера. Адвербиальные сочетания объединены общим значением характеристики действия и выполняют в предложении обстоятельственную функцию. В их состав входят знаменательные (существительное, прилагательное, причастие и др.) и служебные части речи (предлоги, союзы). Обстоятельные латинские конструкции бывают двух типов: беспредложные и предложные. В их образовании большую роль играет аблатив, а в образовании предложных сочетаний – также винительный падеж. Латинский аблатив (*Ablativus*) характеризуется сложной структурой значения. Семантическая емкость этого падежа определяется тем, что в нем слились значения трех древних падежей: 1) собственно *Ablativus*, который отвечает на вопрос «откуда?» (удаления, отделительный); в русском языке эту функцию взял на себя родительный падеж; 2) *Instrumentalis*, равный русскому творительному (орудия, орудийный); 3) *Locativus*, т. е. местный, соответствующий русскому предложному.

Многообразие значения аблатива очень рано потребовало его конкретизации и уточнения с помощью предлогов. Последние развились в латыни сравнительно поздно, первоначально в этой функции употреблялись застывшие формы существительных (*causa, gratia*), причастия (*versus, trans*), наречия (*usque*). Древние предлоги имели конкретные (преимущественно пространственные и временные) значения, возможность отвлеченной семантики появилась значительно позже. С развитием предлогов возникают формы предложного управления, а связь между частями выражается аналитическим путем. Поэтому начиная с классической эпохи наблюдается колебание в употреблении беспредложных и предложных оборотов. Подобное явление вполне естественно, если принять во внимание, что конструкции с предлогами и без них по своему основному значению часто совпадают – примеров их параллельного употребления в нашем материале много. Более экспрессивными являются предложные сочетания, которые обладают широкими возможностями выражения не только основных, но и более частных значений. Классическая латынь, тем не менее, ориентировалась на усложнение и дальнейшее развитие падежных значений [6, 94 и др.].

Среди адвербиальных сочетаний мы выделили следующие структурные модели.

1. Существительное (абл.) + прилагательное (Sub. Abl. + Adj.): *bono sensu* ‘в хорошем смысле’;

2. Существительное (абл.) + причастие (Sub. Abl. + Part.): *loco laudato* ‘в рекомендованном месте’;

3. Предлог + прилагательное + существительное (абл., вин.) (Praep. + Adj. + Sub. Abl., Acc.): *ad usum proprium* ‘для личного использования’;

4. Предлог + существительное (абл., вин.) + существительное (род.) (Praep. + Sub. Abl., Acc. + Sub. G.): *cum grano salis* ‘с крупинкой соли’;

5. Предлог + существительное (абл., вин.) (Praep. + Sub. Abl., Acc.): *ad modum* ‘по образцу’;

6. Предлог + прилагательное (абл., вин.) (Praep. + Adj. Abl., Acc.): *ad maximum* ‘до наибольшего’.

Количественный состав выражений разных подтипов неодинаков. Самыми многочисленными являются сочетания модели «предлог + существительное» – в [1] 112 единиц (т. е. более 12 % от общего числа словосочетаний). Второе место занимают выражения моделей 1, 3 и 5 – примерно по 25 единиц (т. е. 2,7 %) каждая; еще малочисленнее выражения моделей 2 и 6 (10–15 единиц). В [1] отмечены и другие виды адвербиальных сочетаний, каждый из которых насчитывает менее десятка единиц. Они представляют интерес только потому, что иллюстрируют разнообразие латинских адвербиальных сочетаний. Вот несколько примеров:

1. Предлог + причастие (Praep. + Part.): *post scriptum* ‘после написанного’.

2. Предлог + местоимение (Praep. + Pron.): *inter nos* ‘между нами’.

3. Предлог + существительное + предлог + существительное (Praep. + Sub. + Praep. + Sub.): *ab equis ad asinos* ‘из коней в ослы’.

4. Предлог + герундий (Praep. + Ger.): *ad disputandum* ‘для обсуждения’.

5. Существительное + союз + существительное (Sub. + Conj. + Sub.): *igni et ferro* ‘огнем и железом’ и др.

1. Модель «существительное (абл.) + прилагательное».

Одну из наиболее типичных разновидностей адвербиальных сочетаний латинского языка представляют выражения, состоящие из беспредложного аблатива и согласованного зависимого слова: «существительное (абл.) + прилагательное», а например: *sensu stricto* ‘в узком смысле’. К ним примыкают сочетания с определяющим словом – причастием (*januis clausis* ‘при закрытых дверях’) и реже – местоимением

(*ipso facto* ‘самим фактом’) или числительным (*prima facie* ‘на первый взгляд’).

Беспредложные конструкции в аблативе – это особое и системное явление латинского языка. Об этом отчасти говорит тот факт, что славянские кальки обстоятельственных выражений часто образуют различные предложные модели¹. Подобные примеры (соотносительность: беспредложная – предложная конструкция) хорошо иллюстрируют различие языков в средствах формального выражения того или иного значения. Только сочетания, в которых аблатив выражает значение творительного, могут передаваться идентичными с латинскими беспредложными образованиями (см. ниже).

В латинских сочетаниях несколько преобладает препозиция имени существительного, а так как подобный порядок слов для славянских языков нетипичен, то во всех этих случаях при калькировании происходит перестановка компонентов. Ср.: *manu armata* ‘рукой вооруженной’ и рус. *вооруженной рукой*, укр. *озброєною рукою*, польск. *zbrojną ręką*; *loco citato* ‘в месте цитированном’, рус. *в цитированном месте*, чеш. *na citovaném místě*. В отличие от других моделей здесь достаточно часто наблюдается и иная последовательность компонентов, тогда отмеченного различия в исконных сочетаниях и кальках нет. Ср.: *mea memoria*, рус. *на моей памяти*, бел. *за маю памяць*, укр. *за моєї пам’яті*, польск. *za mojej pamięci*. Во многих случаях порядок слов не является, видимо, строго закрепленным, о чем свидетельствует отсутствие единого принципа в подаче выражений данной модели в разных словарях, а иногда и в одном словаре, например: *manu propria*, *propria manu* – рус. *рукой собственной, собственной рукой* [1, 432, 630]. В соответствии с большим семантическим потенциалом аблатива и неоднородностью значений латинских словосочетаний (которые выступают в разнообразных обстоятельственных функциях) имеется несколько способов их перевода на русский (и другие языки). Отдельные приемы представим в последовательности, которая отражает частотность применения данного метода.

Чаще всего латинский аблатив передается в форме творительного падежа без предлога. Ср.:

expressis verbis – отчетливыми словами

manu militari – воинской рукой

largo manu – щедрой рукой

¹ В славянских языках, как писал А. В. Исаченко [4, 8], беспредложный местный был заменен новым «предложным» падежом.

Вторым распространенным способом передачи аблатива является конструкция в предложном падеже. Например:

sensu stricto – в узком смысле

omni casu – во всяком случае, в любом случае

avisibus bonis – при хороших предзнаменованиях

В некоторых кальках на месте существительного в аблативе находим дательный падеж с предлогом. Например:

jure humano – по человеческому закону

proprio motu – по собственному побуждению (почину)

tacito consensu – по молчаливому согласию

Следующий способ перевода – это творительный падеж с предлогом. Ср.:

manibus puris – с чистыми руками

optima fide – с полным доверием

bona mente – с добрыми намерениями

И лишь в отдельных случаях аблативу соответствует при переводе винительный с предлогом. Например:

toto caelo – на целое небо

Для сочетаний, в которых определение выражено причастием, самыми характерными способами перевода являются следующие:

1) передача аблатива творительным падежом (с предлогом или без него), например:

currente calamo – беглым пером

viribus unitis – объединенными усилиями

2) передача аблатива в форме предложного падежа, например:

janius clausis – при закрытых дверях

loco citato – в цитированном месте

При помощи таких же приемов передаются сочетания с определяющим словом-местоимением. Ср.: 1) *ea tempestate* – рус. в ту пору (винительный падеж с предлогом); 2) *hac via* – рус. этим путем (творительный падеж без предлога); 3) *sponte sua* – рус. по собственному почину (дательный падеж с предлогом).

Итак, латинский аблатив передается в славянских языках не только идентичными падежами – творительным и предложным, но и при помощи других форм (родительного, дательного, винительного). Сходство некоторых латинских и славянских падежных форм – это сходство их отдельных значений. Из приведенных примеров следует, что существительное во всех случаях передается именем существительным, а при-

лагательное – обычно также адекватным образом. Лишь в немногих сочетаниях произошла замена прилагательного другими частями речи, например местоимением (*omnibus rebus* – рус. *обо всех вещах*). Прилагательное может заменяться причастием и наоборот. Ср.: *manu intrepida* – рус. *недрогнувшей рукой* (прилагательное *intrepidus* переводится на русский ‘бестрепетный, неустрашимый, бесстрашный’) [3, 550] или *currente calamo* – рус. *беглым пером* (букв. ‘бегущим пером’).

При калькировании изредка допускаются незначительные неточности в форме выражения отдельных грамматических категорий. К примеру, в латинском выражении *omni casu* существительное (а следовательно, все выражение) имеет форму единственного числа, а в переводе [1, 554] в одном из вариантов употреблено множественное число: *при всех случаях*. Можно отметить, что в [2, т. 2, 960] существительное передано точно (*во всяком случае*); при подаче сочетания *bonis auspiciis* имеет место противоположный случай – идентичную с латинским форму существительного (т. е. множественное число: *при хороших предзнаменованиях*) находим в [1, 104] и менее точную (*с хорошим предзнаменованием*) в [2, т. 1, 170]. Несоответствие категории числа может мотивироваться значением одного из компонентов. Этот случай наблюдается в сочетании *omni modo*, которое передается формой множественного числа (рус. *всеми способами*, польск. *wszelkimi sposobami*); вариант *всем способом* здесь невозможен, хотя возможен другой – *любым способом*. Еще пример. Прилагательное *optima* имеет значение *наилучшая*; в соответствии с этим выражение *optima forma* в словаре «Крилаті латинські вислови» [7, 125] передано как *в наилучшей форме* (ср. укр. *у найкращій формі*, польск. *w najlepszej postaci*), но иногда превосходная степень заменяется сравнительной, например: рус. *в лучшей форме* [1, 557] (последнее выражение является, как нам кажется, более благозвучным).

Некоторые различия в форме передачи (например, предложного управления) обнаруживаются при сравнении калек разных славянских языков, что объясняется несовпадением в них отдельных грамматических категорий. Так, лат. *motu proprio* в рус. имеет форму *по собственному желанию* (дательный падеж), в укр. *з власної охоти*, в польск. *z własnej woli* (родительный падеж). Различия формы могут касаться структурной модели в целом. Ср.: *suo tempore* – рус. *в свое время*, бел. *у свой час* (предложная конструкция с винительным падежом), укр. *свого часу*, польск. *swego czasu* (родительный падеж без предлога), чеш. *svůj časem* (творительный падеж без предлога).

В результате анализа структурных особенностей латинских сочетаний и русских калек мы пришли к выводу, что, если отвлечься от неко-

торых формальных расхождений, те и другие можно считать адекватными друг другу. Кальки, по большей части, полностью соответствуют своим прототипам, и вместе с тем не нарушены правила построения словосочетаний в принимающем языке.

Выше мы рассматривали кальки-словосочетания. Но обстоятельные выражения в ряде случаев можно заменить наречием. Наибольшую близость обнаруживают сложные наречия, мотивированные семантикой обоих компонентов сочетания (полное смысловое тождество, функциональная адекватность, одинаковый строительный материал), ср.: *manu propria* – рус. *собственной рукой* – ***собственноручно*** (польск. *własnoręcznie*) от *manus* ‘рука’ и *proprius* ‘собственный’. По способу передачи (словосочетанием или словом) языки могут различаться между собой, образуя своеобразные варианты. Ср.: лат. *manu brevi*, рус. *на скорую руку*, бел. *на борздую (скорую) руку*, укр. *нашвидкуруч*. В соответствии с тем, что для славянских языков характерна иная сочетаемость слов, здесь имеет место единичный перевод прилагательного: ‘скорый’ вместо ‘короткий’ (*brevis*). Буквальная передача (‘короткой рукой’) представлена в [2, т. 1, 178], однако эта калька, как известно, не употребительна.

Отмечены случаи, когда передача наречием является единственно возможным способом точной передачи. Ср.: лат. *bona fide* и рус. эквивалент *добросовестно*, при невозможности сказать *с доброй совестью* (ср. с *чистой совестью*), от *bonus* ‘хороший, добрый’ и *fides* ‘вера, доверие, верность, добросовестность, честность’. (По-иному передано это значение в западнославянских языках, ср. чеш. *v dobré věře* и польск. *w dobrej wierze*.)

Что касается смысловой структуры калек, то в целом и в этой модели выявлены отмеченные выше закономерности передачи – чаще всего используются прямые лексические эквиваленты. Несмотря на главенствующую тенденцию к точному копированию, избежать некоторых различий не представляется возможным. И это вполне естественно. Смысловые различия могут быть, в частности, следствием того, что разные языки исходили при калькировании из различных значений латинского слова, как это произошло при переводе сочетания *bona fide*. Здесь могли сыграть роль различные контексты употребления словосочетания и образования по аналогии. Факты семантического несоответствия эквивалентов наблюдаются и в одном языке. Скажем, многозначное существительное *motus* [3, 650] в выражении *motu proprio* передано на русский язык при помощи разных приемов (ср. *собственным движением* – *по собственному побуждению (желанию, почину)*). Существи-

тельные соответствуют отдельным значениям латинского слова ('движение', 'побуждение'), но эти значения неблизкие, поэтому выражения не синонимичны. Носитель русского языка отдаст предпочтение сочетанию *по собственному побуждению*, а выражение *собственным движением* отнесет к области терминологии. Менее точные образования (*по собственному почину (желанию)*) возникли, возможно, на основе ассоциативных связей (побуждение – желание – почин).

Семантическая неадекватность между отдельными компонентами сочетаний возникает и тогда, когда не совпадают их синтагматические связи. Ср.: *prima facie* – *по первому виду* (буквальный перевод) и общепотребительные рус. *на первый взгляд*, бел. *на першы погляд*, польск. *na pierwszy rzut oka* и т. д.

Если посмотреть на наши примеры со стороны смысловой связи между определяемым и определяющим, то окажется, что зависимый компонент во многих случаях не является обязательным. Ср. *omni casu* – рус. *во всяком случае / в случае*. Реже имеет место другой случай, когда определенная форма главенствующего слова без наличия зависимого неинформативна. Ср. *manibus puris* – рус. *с чистыми руками / с руками (?)*. Тесная связь компонентов особенно отчетлива в сочетаниях, которые переводятся творительным беспредложным падежом. Здесь обратим внимание на особенности некоторых идиом. Сочетание *pode claudo* имеет в [1, 583] буквальный перевод *хромую стопою*, т. е. 'медленно'. Исходя из значения прилагательного *claudus* 'хромой', воссоздать значение этой идиомы (как оно дается в [3, 193]: 'хромая, ковыляя'), видимо, можно, но в целом точный перевод вряд ли необходим, так как подобное сочетание для русского языка нетипично. Другой пример. Без отступления передано на русский выражение *viva voce*, т. е. *живым голосом* [3, 867]. В этом случае калька страдает, как нам кажется, другим недостатком: она может вызвать довольно разнообразные представления, например: *быстро, громко, с оживлением (говорить)*, тогда как значение сочетания – *в устном разговоре*. К разряду калек, основанных на нетипичных для носителя русского языка представлениях, относятся и фразеологизм *ore rotundo* (букв. 'ртом округленным') [2, т. 2, 970], т. е. *складно, стройно, живым языком (говорить)* [1, 561].

2. Модель «предлог + прилагательное + существительное (абл., вин.)».

Представленная здесь модель является, по существу, разновидностью предыдущей. Несмотря на небольшое количество примеров (30 единиц в [1]), она, как можно судить на основе других словарей, была довольно продуктивной. Предложные словосочетания конкурировали с беспред-

ложными. В этом проявилось стремление литературной латыни сохранить флективные формы, несмотря на все возрастающую роль предлогов в народно-разговорной речи. О параллельном функционировании тех и других образований, их смысловой тождественности говорят многочисленные примеры. Ср.: *in imo pectore* // *imo pectore* ‘в глубине души’, *ad usum proprium* // *usum proprium* ‘для собственного использования’ и др.

В аналогичных выражениях русского языка порядок компонентов постоянный (предлог – прилагательное – существительное). В латинских словосочетаниях зависимое слово также обычно предшествует главному (*ad meliora tempora* ‘до лучших времен’), но имеет место и обратное явление (*ad Calendas Graecas* ‘до календ греческих’) и обычное в таких случаях варьирование порядка слов, чему немало способствует наличие третьего компонента – предлога. Особенность системы латинского языка проявляется в том, что предлог по традиции (которая восходит к периоду, когда в этой функции выступали полнозначные слова) может занимать не только первое место. Односложные предлоги нередко располагаются между определением и определяемым существительным, например: *magna ex parte* ‘по большей части’, *certis de causis* ‘по известной причине’ и т. п. В отдельных случаях наблюдаются колебания: *magna cum laude* // *cum magna laude*.

Таким образом, при калькировании иногда возникает противоречие между неустойчивым порядком слов в латинском языке и стабильным – в славянских языках, отсюда неизбежные формальные расхождения. Ср.: *in tempore opportuno* (букв. ‘во **время** удобное’) и рус. *в удобное время*, укр. *у зручний час*. Исключение среди славянских калек представляют в ряде случаев польские переводы, где, как говорилось ранее, постпозиция определяющего члена обычна. Ср.: *pro bono publico*, рус. *ради общего блага*, укр. *для загального добра*, чеш. *k obecnému dobru*, польск. *dla dobra ogólnego*.

В роли определения, кроме прилагательного, изредка выступают другие части речи, например: *in prima instantia* ‘в **первой** инстанции’, *ea de causa* ‘по **этой** причине’ и т. п. (выделять подобные примеры мы в дальнейшем не будем). Имя существительное (в единственном или множественном числе) имеет форму либо аблатива, либо винительного падежа, который в этом случае выступает в периферийном для него обстоятельстве значения (т. н. *accusativus adverbialis*). Конструкции с аблативом переводятся на русский в основном теми же, что и в латыни, частями речи, но при помощи более разнообразных грамматических форм: наряду с предложным и творительным здесь выступает также

родительный падеж. При этом, в отличие от сочетаний предыдущей модели, кальки (за редкими исключениями) являются предложными сочетаниями. Приведем примеры:

1) аблатив передается конструкцией в предложном падеже. В анализируемой модели это наиболее распространенный вид передачи. Ср.:

in sancta simplicitate – в святой простоте

sub alia forma – в иной форме

2) латинскому аблативу соответствует творительный падеж:

cum eximia laude – с особой похвалой

sub alia specie – под другим углом зрения

3) аблатив переведен родительным падежом:

absque omni exceptione – без всякого исключения

pro bono publico – ради общего блага

Адвербиальные сочетания, в которых существительное закреплено в форме винительного падежа, передаются обычно родительным. Ср.:

ad Calendas Graecas – до греческих календ

ad meliora tempora – до лучших времен

Можно отметить, что есть сочетания, калькирование которых (в связи с многозначностью имени существительного или прилагательного) осуществляется при помощи разных лексем и даже в неодинаковой грамматической форме. Так, выражение *ob turpem causam* имеет в русском языке эквиваленты: *по постыдному поводу*, *из-за постыдной причины*. В первом варианте в соответствии с предложным управлением (по ... чему) использован дательный падеж, во втором по той же причине – родительный падеж (из-за ... чего). Разные способы выражения одного содержания могут определяться и многозначностью служебного слова. Например, предлог *pro* имеет несколько переносных значений ('в защиту кого, в интересах кого, за кого' и др.). Как следствие этого, латинское выражение *pro domo mea* имеет в русском форму *в защиту моего дома*, а в чешском – *pro svůj dom* ('для своего дома').

Прилагательные в сравнительной или превосходной степени переводятся адекватно – синтетическим или аналитическим путем. Ср. *in optima forma* – в **наилучшей** форме, *in sensu strictiori* – в **более узком** смысле. В последнем случае калька не соответствует латинскому сочетанию по количеству компонентов, однако это совершенно несущественное различие.

Среди наших примеров имеется несколько калек, которые только частично соответствуют данному структурному образцу, они образова-

ны по модели «предлог + существительное + существительное (род.)». Ср.:

ex providentia majorum – по предвидению предков
in imo pectore – в глубине души
in medias gentes – в гущу народов
in medias res – в середину вещей
per argumentum baculinum – при помощи палочного аргумента

Рассмотрим причины происшедших замен. В первом случае латинское сочетание, переданное буквально, означает ‘по предвидению старших’. В связи с тем, что прилагательное *major* в определенном лексическом окружении может принимать значения ‘старый, старший, старик, пожилой’ и т. п. [3, 612], в сочетании на основе близости ассоциаций произошла подмена (ср.: *предвидение старших, стариков* и т. д. – *предвидение предков*), вполне оправданная содержанием целого. Интересно отметить и другой вариант перевода этого сочетания: *по высшей предусмотрительности* [2, 460]. Существительное *providentia* включает и такое значение, а семантика прилагательного настолько широка, что допускает в известном контексте подобное понимание.

Выражение *in imo pectore* состоит из предлога *in* ‘в’, прилагательного (*infimus* (превосходная степень от *in-ferus*) и существительного *pectus* ‘душа’, ‘сердце’. При калькировании сыграли роль два фактора: а) близость представлений (ср.: самый низ (души) – глубина (души)), б) законы сочетаемости русского языка (это же прилагательное в соединении с другими словами получает другие единичные переводы, например: *ima maris* ‘дно моря’).

Несколько фразеологически связанных значений имеет в зависимости от конкретного лексического окружения прилагательное *medius* (включающее такие семы: ‘находящийся посреди, средний, центральный, существенный, относящийся к сущности’ и др.) [3, 625]. В сочетании с существительными, называющими людей, и некоторыми другими оно передается существительным *гуща*, ср.: *in medias gentes* – в гущу народов (*gens* ‘племя, народность, народ’), *in medios hostes* – в гущу неприятеля.

Сочетание *in medias res* имеет перевод *в середину вещей* (ср. чеш. *v prostřed věci*, польск. *w środek rzeczy*) и переносные значения: *в самую суть (вопроса, дела)*, *к самому важному (главному) (переходить)* и т. п. В обоих приведенных случаях предложная форма существительных (*в гущу, в середину ... чего*) определяет наличие существительного в родительном падеже.

Аналогичный случай имеет место и в последнем из приведенных словосочетаний: необходимость родительного падежа вызвана тем, что предлог *per* употребляется не в основном своем значении (определение места, времени): ‘посредством чего, при помощи чего’ и т. п.

Кальки разных славянских языков в большей части адекватны. Ср. еще: *contra bonos mores* – рус. *против добрых нравов*, чеш. *proti dobrým mravům*, польск. *przeciwko dobrym obyczajom*; *ad multos annos* – рус. *на долгие годы*, укр. *на багато років*, польск. *do wielu lat*. Существенную роль играет при этом, несомненно, аналогия (особенно внутри каждой группы языков). Кальки возникали в разное время, и при их создании образцом служил не только латинский язык, но и имеющиеся в наличии образования родственных языков (а также западноевропейских). Не следует сомневаться и в возможности посредственного заимствования, но исследовать этот вопрос следует отдельно.

В заключение сделаем вывод: латинские сочетания по модели «предлог + прилагательное + существительное (абл., вин.)» передаются в славянских языках как: 1) «предлог + прилагательное + существительное (предл., твор., род.)», 2) «предлог + существительное + существительное (род.)».

3. Модель «предлог + существительное».

Как было показано выше, синтаксические отношения выражались в латинском языке и с помощью служебных слов, в том числе – предлогов. В результате этого в системе фразеологии образовалась значительная группа устойчивых предложно-падежных сочетаний («предлог + существительное», «предлог + прилагательное», «предлог + причастие» и др.). Наиболее многочисленными являются сочетания, образованные по модели «предлог + существительное» (*ad modum* ‘по образцу’, *ex jure* ‘по праву’, *cum deo* ‘с богом’ и др.). Подобные выражения представлены в [1] в количестве 110 единиц (несколько более 12 % сочетаний), однако анализ других сборников, из которых извлечены десятки новых примеров, свидетельствует о том, что данная модель принадлежит к числу самых продуктивных¹. Отчасти это объясняется тем, что немалое количество предложно-падежных сочетаний возникло в результате редукции более распространенных единиц. Ср.: *ad absurdum* / *reductio ad absurdum* ‘сведение к абсурду’; *ad hominem* / *argumentum ad hominem* ‘аргумент к человеку’; *coram populo* / *coram populo, senatu et patribus* ‘в присутствии народа, сената и патрициев’ и т. п.

¹ Большая продуктивность отличает эту модель и в русском языке. Так, по предварительным подсчетам А. Н. Тихонова [5, 261], число предложно-падежных сочетаний превышает 2 тыс. единиц.

Устойчивые образования «предлог + существительное» ограничиваются в латыни двумя падежными формами (вин. и абл.). Исторически это обусловлено тем, что названные падежи выражали первичные смысловые отношения (пространственные и временные), характерные для архаической латыни. Исключения из этого правила единичны: сочетания с предлогами *causa*, *gratia* (первоначально – имена) имеют форму родительного падежа.

В состав сочетаний, которые стали устойчивыми, входят далеко не все предлоги. Наибольшую активность выказывают такие, как *ad*, *ex*, *in*, *per*, *post*, *pro*, *sub*, менее употребительны – *ab*, *ante*, *sine* и др. Отдельные предлоги выступают как взаимозаменяемые. Ср.: *ex jure* / *de jure* ‘по праву’; *exempli causa* / *exempli gratia* ‘ради примера’ и т. п.

Вопрос о месте предложно-падежных сочетаний в системе языка в отечественном языкознании являлся долгое время спорным. Одни исследователи (А. М. Бабкин, А. И. Молотков, Л. И. Ройзензон и др.) причисляли подобные образования к фразеологизмам, другие (А. В. Кунин, Н. М. Шанский, И. И. Чернышева) – к лексике. В последнее время стала преобладать первая точка зрения.

Каковы же объективные возможности эквивалентной передачи предложно-именных сочетаний, своеобразие которых заключается в том, что они состоят из одного полнозначительного и одного служебного слова? Изучение процесса калькирования позволило нам сделать вывод о том, что его результативность находится в прямой связи с таким фактором, как количество компонентов. Предложно-именные сочетания минимальны по числу составляющих и в качестве таких поддаются переводу легче, чем многокомпонентные образования. Следует тут же оговориться, что сказанное касается, главным образом, лишь формы выражения: предложно-падежные сочетания передаются в большинстве случаев идентичным образом, т. е. как группа «предлог + существительное». Ср.: *ad manum* – рус. *под рукой*, бел. *пад рукой*, польск. *pod ręką*; *ex animo* – рус. *от души*, бел. *ад душы* (*ад сэрца*), польск. *z duszy* (*z serca*); *in absentia* – рус. *в отсутствие*, чеш. *v nepřítomnosti*, польск. *podczas nieobecności* и др.

При калькировании имеются, разумеется, некоторые отступления от оригинала. Отметим наиболее типичные факты:

1) латинские простые предлоги переводятся в определенных значениях славянскими составными именными предлогами, например: *per appositionem* – рус. *с помощью приложения*; *per exclusionem* – рус. *в виде исключения*; *per obitum* – польск. *z powodu śmierci*; *per procura* – польск. *na mocy pełnomocnictwa*, *coram populo* – рус. *в присутствии*

naroda, польск. *wobec ludu*; *ex voto* – рус. *по обету*, польск. *na zasadzie ślubowania*;

2) одной латинской лексеме соответствует в том или ином языке сочетание слов, например: *contra rationem* – рус. *вопреки здравому смыслу*, *in naturalibus* – рус. *в естественном состоянии*, польск. *w stanie naturalnym*; *in pleno* – рус. *в полном составе*, польск. *w pełnej liczbie*.

Менее закономерны (хотя также в известной степени мотивированы) другие случаи несоблюдения формального тождества с прототипами. Скажем, при передаче латинского выражения наблюдается тенденция уточнить значение знаменательного слова, полнее раскрыть его, что достигается, например, введением нового компонента. Кроме того, немалую роль играет и такой фактор, как благозвучность калькированного выражения. Например, латинское *in minus* имеет в русском языке стилистически более обработанную форму, чем в польском (ср.: рус. *в сторону понижения* – польск. *na niżkę*).

Поскольку анализируемые выражения являются обстоятельствами, на месте предложных сочетаний может выступать наречие – в качестве единственного эквивалента или же как синоним к предложно-падежному обороту. Ср.: *ad oculos* – рус. *наглядно, воочию*, польск. *naocznie* и чеш. *před oči*; *ex abrupto* – рус. *внезапно, сразу, без (предварительной) подготовки*, чеш. *spatrá, bez přípravy*, польск. *nagle, niespodziewanie, bez przygotowania*. Переводы наречием не являются фразеологическими кальками и нами не рассматриваются.

В связи с неадекватностью предложного управления в разных языках, латинские винительный и аблатив передаются при помощи большего числа падежных форм, причем эти формы в славянских языках нередко различаются.

Что касается степени семантической слитности компонентов предложно-падежных сочетаний, то она неодинакова, и в этом отношении данные выражения не отличаются от сочетаний других моделей. Рассмотрим для примера калькирование идиом. Ср.:

a capite – *от головы* (т. е. от начала)

ab incunabulis – *с пеленок, с колыбели* (т. е. с самого начала, с момента возникновения)

ab ovo – *от яйца* (т. е. от того, что было в самом начале)

ad patres – *к (пра)отцам, к предкам* (т. е. на тот свет)

extra muros – *вне стен* (т. е. за пределами чего-либо)

Как явствует из приведенных примеров, в значении кальки сосуществуют два смысловых плана – прямой и обобщенно-переносный. Если учесть при этом, что предлоги в таком употреблении в большей или

меньшей степени утрачивают свои первичные конкретные значения, то есть основание говорить о переосмыслении как лексических, так и грамматических значений.

Среди исследованных выражений заметное место занимают термины с разной степенью фразеологизации, например: *absque nota* – без пометы, *ad valorem* – по стоимости, *in vitro* – в стекле (т. е. в пробирке), *sine anno* – без (обозначения) года и др. К терминам близки различные устойчивые штампы – ситуативно используемые формулы. Например: *ad acta* – в дело (т. е. в архив), *ad notam* – для заметки (т. е. к сведению), *ad usum* – для употребления (т. е. для использования), *honoris causa* – ради почета, *ad locum* – к (данному) месту (помета, вводящая цитату) и т. п.

Идиоматические значения возникают, как правило, на основе закономерного и логического обобщения и абстрагирования наблюдаемых фактов. Противоположные случаи сравнительно редки: они имеют место, когда латинское выражение отражает незнакомую славянам реалию римского или средневекового западноевропейского быта. В анализируемой группе такие сочетания, например: *ad bestias* – к зверям (т. е. на растерзание хищным зверям в римском цирке); *sub corona* – под венком (венки надевались на продаваемых в рабство военнопленных); *in effigie* – в изображении (выражение возникло в средние века на основе обычая сжигать изображение преступника в случае его недостижимости) и др. Понимание устойчивых сочетаний, образный план которых воспроизводит национально ограниченные реалии, невозможно без соответствующей подготовки, определенных фоновых знаний.

Восприятие идиомы затрудняется и тогда, когда она представляет собой часть («осколок») другого фразеологизма и может быть осмыслена лишь на его фоне. Так, неинформативно само по себе выражение *sine linea* – без штриха (черточки, линии), оно приобретает смысл как часть крылатого выражения *Nulla dies sine linea* – Ни дня без штриха (черточки, линии). То же самое можно сказать по поводу сочетания *ultra crepidam* – выше сапога, произведенное от выражения *Ne sutor ultra crepidam* – Сапожник, (суди) не выше сапога¹. Оба приведенных сочетания в дальнейшем переосмыслились, расширили свое значение.

Корректная апперцепция иноязычного сочетания невозможна в ряде случаев без конкретного контекста. К примеру, буквальная передача латинской идиомы *in pice*, т. е. ‘в орехе’, ничего не говорит об ее значении, оно выявляется из текста Плиния – ‘в зародыше’, в расширенном смысле: ‘в самом главном, в самом существенном’.

¹ Оба выражения основаны на рассказах Плиния Старшего о древнегреческом живописце Апеллесе [1, 530 и 492].

Исследование латинских фразеологизмов, их славянских калек подтверждает известное положение о том, что типовые значения одного языка выражаются в другом также типовыми моделями. С течением времени выработались определенные приемы передачи, и латинские синтаксические конструкции имеют постоянную и узаконенную практикой форму выражения в каждом языке.

В ходе анализа отдельных структурных моделей было установлено, что значительная часть славянских калек представляет собой достаточно точные эквиваленты латинских фразеологизмов. Утверждая это, мы имеем в виду прежде всего внешнюю сторону, т. е. форму выражения, так как тождество плана содержания является заданным и подразумевается само собой (в той мере, в какой это возможно между разными языками).

Литература

1. *Бабичев, Н. Т.* Словарь латинских крылатых слов / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. М., 1982.
2. *Бабкин, А. М.* Словарь иноязычных выражений и слов / А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Т. I, 2-е изд. М., 1981; т. II, 1-е изд. М.; Л., 1966.
3. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. 2-е изд. М., 1976.
4. *Исаченко, А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология / А. В. Исаченко. Братислава, 1965.
5. *Тихонов, А. Н.* Наречные слова и выражения в русском языке (В связи с проблемой «Фразеологизм и слово») / А. Н. Тихонов // Труды СамГУ, вып. 178. Вопросы фразеологии III: сб. науч. ст. Самарканд, 1970.
6. *Тронский, И. М.* Очерки из истории латинского языка / И. М. Тронский. М.; Л., 1953.
7. *Цимбалюк, Ю. В.* Крилаті латинські вислови / Ю. В. Цимбалюк, Г. О. Краковецька. Київ, 1976.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В. С. Забродская

АГЛЯД САФІСЦКА-КАТУЛЬЯНСКІХ ЭПІТАЛАМ

Першыя літаратурныя эпіталамы, напісаныя грэчаскай паэткай Сафо і рымскім паэтам Катулам, італьянскі даследчык Марэлі акрэсліў як сафісцка-катульянскія (цытуецца па [4, 71]). Кожны з гэтых твораў з'яўляецца адметным і арыгінальным, аднак яны маюць шмат агульных рысаў.

На пачатку гэтага артыкула мы параўнаем правядзенне вясельных абрадаў у старажытай Грэцыі і Рыме, пасля зробім агульную характарыстыку вясельных твораў (урыўкаў з песняў Сафо і твораў Катула LXI, LXII, LXIV), а таксама ў параўнаўчай табліцы адзначым іх агульныя рысы.

Звесткі аб тым, што ўяўляў сабой абрад вяселляў у народаў старажытнай Грэцыі і Рыма, дзе нарадзіўся з абрадавых песень, развіваўся і квітнеў жанр эпіталамы, мы знаходзім у кнігах аб іх культуры і гісторыі. Штодзённы побыт гэтых народаў цікава і змястоўна апісала ў сваёй кнізе польская даследчыца Лідзія Віннічук [1, 138–183]. Для зручнасці параўнання асаблівасці правядзення гэтага абраду будучь прадстаўлены ў табл. 1.

Табліца 1

Старажытная Грэцыя	Рым
І. Правядзенне ўрачыстасці ў доме бацькі: 1) упрыгожванне маладой кветкамі; 2) святочнае рытуальнае купанне; 3) апрананне маладой; 4) прыход гасцей; 5) прынашэнне ахвяраў (Зеўсу, Гестыі, Артэмідзе, Мойрам); 6) рэлігійна-прававы акт – прамова рытуальнай формулы бацькам аб перадачы дачкі ў рукі мужа; 7) святочная гутарка	І. Правядзенне ўрачыстасці ў доме бацькі: 1) выкананне аўспіцый – ахвяраванняў багам зямлі і плоднасці (Тэллос, Цэрэры, пазней Юноне і Геры); 2) варажба; 3) святочная гутарка

Заканчэнне табл. 1

Старажытная Грэцыя	Рым
II. Праводзіны маладой да дому маладога: 1) праводзіны маладой на святочна ўпрыгожаным возе ў суправаджэнні маладога ў яго дом; 2) трыманне паходні маці маладой (гэтае дзеянне сімвалізуе перанясенне агня Гестыі. Так праводзіўся абрад яднання дзвюх сем'яў); 3) выкананне гіменя – гімна ў гонар бога шлюбаў Гімена; 4) перанясенне маладой над парогам, каб яна не дакранулася да яго нагой; 5) катахісма – сыпанне арэхаў, фінікаў, манет	II. Праводзіны маладой да дому маладога: 1) нясенне хлопчыкам паходні; 2) вядзенне маладой хлопчыкамі; 3) шэсце гасцей, флейцістаў, спевакоў, выкананне песняў, жартаў; 4) сыпанне арэхаў; 5) сустрэча на парозе дома маладой маладым «вадой і агнём» (сутнасць дзеяння, на жаль, цяпер невядома), прамаўленне рытуальнай формулы «Дзе ты – Гай, там і я – Гая!» 6) упрыгожванне маладой дзверэй стужкамі, змазванне іх тлушчам вепра; 7) перанясенне маладой хлопчыкамі над парогам
III. Правядзенне ўрачыстасці ў доме маладога: 1) ахвяраванні багам, продкам; 2) раскладанне і запальванне агню маладой; 3) сумесная гутарка з асноўнымі галоўнымі прадуктамі (хлебам і садавінай); 4) перадача гасцямі падарункаў, выказванне зычэнняў маладым; 5) праводзіны маладых у талам (шлюбны пакой), падчас якога спяваліся эпіталамы і жартоўныя песні	III. Правядзенне ўрачыстасці ў доме маладога: 1) увядзенне маладой пранубай (маці маладой) у атрыт дома маладога; 2) кленчанне маладой да боскага генія (ахоўніка сям'і) аб абароне, дапамозе ў сямейных справах, аб здаровых нашчадках
IV. Анакаліптэры – працяг свята на наступны дзень: 1) перадача падарункаў; 2) гутарка; 3) з'яўленне маладой без каліптры	IV. Працяг свята на наступны дзень: 1) выкананне ахвяраванняў на хатнім алтары; 2) сяданне маладой за пралку (такім чынам яна паказвала сябе гаспадыняй у гэтым доме)

Абрадавыя моманты вяселля звычайна суправаджаліся адпаведнымі песнямі:

- 1) *orthicon* выконваўся падчас ранішняга купання;
- 2) *deductio* – падчас праводзінаў маладой да дому маладога;
- 3) *hymenaios* – падчас прыбыцця вясельнага возу да дому маладога для заклікання бога шлюбу Гімена;
- 4) *epithalamion* – перад уваходжаннем у шлюбны пакой (*thalam*);
- 5) *katakoimetikon* – песня, што выконвалася ўвечары.

Далей будзе дадзена агульная характарыстыка вясельных твораў Катула і фрагментаў з вясельных песняў Сафо, адзначаны іх асаблівасці,

призначэнне і метрычны памер. У параўнаўчай табліцы будуць адзначаны іх агульныя рысы.

Дадзім некаторыя заўвагі да наступнай часткі артыкула. Нумерацыя фрагментаў Сафо падаецца паводле выдання Sappho i Alcaeus. Fragmenta, od E.-M. Voigt, Amsterdam, 1971. Урыўкі з твораў Катула (LXI – «На шлюб Манлія Тарквата і Аўрункулеі», LXII – «Эпіталама-ідылія», LXIV – «Эпіталама Пелею і Фетыдзе») падаюцца ў перакладзе С. В. Шэрвінскага [2], а фрагменты Сафо – В. В. Верасаева [3]. Цытаты з лацінскіх тэкстаў Катула пададзены паводле выдання «Epitalamia antyczne czyli antyczne pieśni weselne» [5], цытаты з твораў Сафо – па выданні «Liryka Grecka» [6].

Пачнём з разгляду фрагментаў **Сафо**.

44 фрагмент уяўляе сабой міфалагічна-эпічную эпіталаму, якая апавядае пра вяселле Гектара і Андрамахі.

110 фрагмент (ферыкратэй, пашыраны дактылем) – урывак з эпіталамы, адрасаваны сябру маладога (thyrogos), які падчас першай шлюбнай ночы стаяў на варце ля дзвярэй шлюбнага пакоя.

111 фрагмент (напісаны ферыкратэем) уяўляе сабой гіменей з характэрным рэфрэнам ((Um1naov!)), які прамаўляецца хорам. Твор пабудаваны паводле міметычнай кампазіцыі, г. зн. у яго ўключаны святочныя элементы сцэнарыя вяселля.

112 фрагмент (арыстафанейскі верш) – рэканструяваная эпіталама, якая праслаўляе незвычайную, незямную прыгажосць маладой.

115 фрагмент (ферыкратэй з дактылічным пашырэннем) – пахвальная эпіталама, напісаная ў форме пытання аўтаркі да самой сябе, змяшчае разгорнутае параўнанне маладога. Некаторыя даследчыкі адзначаюць, што песні з параўнаннямі (e>k9n) маглі выконвацца падчас святочнай вячэры [6, 201].

130 фрагмент (пашыраны дактылем гліканей) дае дзве дэфініцыі кахання.

Выдатны рымскі паэт **Катул**, безумоўна, абапіраўся на творы Сафо [4, 69] і ў сваіх творах спалучаў некалькі відаў вясельных песняў. Так, «Эпіталама на шлюб Вініі і Манлія Тарквата» (LXI) напісана гліканейска-ферыкратэйскім вершам і ўяўляе сабой спалучэнне наступных абрадавых песняў, якія суправаджалі маладых падчас іх святочнай урачыстасці:

1) 1–75 радкі – «Гіменей» з яго неад’емным заклікам «О Нуменае, Nymen ades»;

2) 75–120 – песня-заахвочванне маладой да выхаду з дома;

3) 121–190 – *deductio* – праводзіны маладой да дома маладога;

4) 190–235 – сама эпіталама, пажаданні шчасця і шматлікіх нашчадкаў маладым перад уваходам у шлюбны пакой [3, 35–38].

LXII твор Катула, які ўмоўна называюць эпіталама-ідылія [2, 247], напісаны дактылічным гекзаметрам. Ён уяўляе сабой стылізаваную народную песню (дыялог хораў дзяўчат і юнакоў), строфы якой завяршае своеасаблівы рэфрэн (Io Hymen Hymenaeae io!) – зварот да Гіменея.

LXIV твор – «Эпіталама Пелею і Фетыдзе» – эпіліон, які мае наступны сіметрычны план:

1–30 радкі апавядаюць пра нараджэнне кахання Пелея і Фетыды;

31–45 – прысвечаны фесалійскім гасцям на іх вяселлі;

45–49 – апісанне паладу і покрыва;

50–266 – змяшчаюць дадатковыя апавяданні – асобны эпіліон пра гісторыю Арыядны і Тэзея (апісанне покрыва);

267–302 – прысвечаны багам – гасцям на вяселлі;

303–304 радкі каротка апавядаюць пра вячэру;

305–380 – Паркі выконваюць эпіталаму з зычэннямі для маладых;

381–407 – заключная частка.

У табл. 2 прадстаўлены агульныя матывы, якія сустракаюцца ў вясельных творах Сафо і эпіталамах Катула.

Табліца 2

Матыў	Сафо	Катул
Рэфрэн-заклік Гіменея	111 {Υμήναον! Гіменей!	LXI Io Hymen Hymenaeae io! Io Hymen Hymenaeae io! О Гименей! Ио Гименею, Гимену! LXII О Hymenaeae, Hymen ades o Hymenaeae! К нам, о Гимен, Гименей, Хвала Гименею, Гимену!
Энкомій маладой	112 ὄλβιε γάμψε, σοὶ μὲν νύ γάμος ὥς ἄρα οὐ ἐκτετέλεσται, ἔχῃς δὲ παρθενὸν ἂν ἄραο ... σοὶ χάριεν μὲν νύ ἐστις, ὄλπατα δ' ... μέλλιχ', ἔρος δ' ἐπ' ἱμέρῳ κέχρηται πρὸς ὅσῳ ... τετίμακ' ἔξοχα σ' Ἀφροδίτα В мире девы подобной, жених, не было... Стоит лишь взглянуть на тебя, – такую Кто же станет сравнивать с Гермией! Нет, тебя с Еленой сравнить не стыдно злотокудой. Если можно смертных равнять с богиней.	LXI, 193–195 Ore floridulo nitens, Alba parthenice uelut Luteumue parauer. Молодое лицо цветет словно белая лилия, словно мак огнецветный.

Матыў	Сафо	Катул
Пахвала маладога	115 τίοι σ*, ὦ φίλε γάμβρε, κάλως εἰκάσδω; ὄρπακι βροδίνωι σε μάλιστα* εἰκάσδω. С чем тебя бы, жених, дорогой, я срав- нила бы? Со стройной веткой, скорей бы всего, я сравнила б. 111 ἴψοι δὴ τὸ μέλαθρον, ὕμῃναον ἀέρρετε τέκτονες ἄνδρες ὕμῃναον. γάμβρος εἰσέρχεται ἴσος Ἄρευι, ὕμῃναον. ἄνδρος μεγάλῳ πόλῳ μέζων. ὕμῃναον. Эй потолок поднимайте, – О Гименей!.. Входит жених, подобный Арею, Выше самых высоких мужей.	Ужыванне эпітэтаў на працягу твораў.
Звесткі пра Геспера	104 Ἔσπερε πάντα φέρων ὅσα φαίνολις ἐσκέδασ* Αὔως, φέρεις οἶν, φέρεις α γα, φέρεις ἅπυ μάτερι παῖδα. Все, что рассеет заря, собираешь ты, Геспер, обратно. Коз собираешь, овец, а у матери дочь отнимаешь.	LXII, 1–2 Vesper adest, iuvenes, consurgite: Vesper Olympo Expectata diu uix tandem lumine tollit. Юноши! Веспер взошел. По- дымайтесь! Жданный нами давно, наконец, свой факел возносит.
Зычэнні- заклікі для маладой пары	116 χαῖρε, νύμφα, χαῖρε, τίμιε γάμβρε, πόλλα... Радуйся, о невеста! Радуйся много, жених почтенный. (113) 117 χαίροις ἃ νύμφα, χαίρέτω δ* ὁ γάμβρος Невеста рада, пусть жених ликует. (111)	LXIV, 373 Qure agite optatos animi coniungite amores. Будьте же смелы, в желанной любви сочетайтесь!
Вершы- жарты	110 θυρώρωι πόδες ἐπτορόγνιοι, τὰ δ σάμβαλα πεμπεβόηα, πίσσυγγοι δ δέκ* ἐξεπόναισαν В семь сажен у привратника ноги, На ступнях пятерная подошва, В двадцать рук их башмачники шили.	LXI, 126–127 Fescenina iocatio Nec nuces pueris neget. Фесценинские шутки пусть раздаются – чего молчать?

Заканчэнне табл. 2

Матыў	Сафо	Катул
Узгад- ванне пра вы- кананне вечаро- вай песні	44 ... ως δ' ἄρα πάρθενοι ἄειδον μέλος ἄγνον ἵκανε δ' ἐς αἶθερα... ...сразу же девушки песнь завели, что летела к самому небу... (переклад наш. – В. З.)	LXII, 3–4 Surgere iam tempus, iam pingius linquere mensas, Iam uenit uirgo, iam dicitur hymenaeus. Стало быть время вставать, отхо- дить от столов изобильных. Скоро невеста придет, и славить начнут Гименея.
Апісанне- дэфіні- цыя ка- ханья	130 Ἔρος δῆυτέ μ' ὁ λυσιμέλης δόνει, γλυκύπικρον ἀμάχανον ὄρετον Эрос вновь меня мучит истомчивый – Горько-сладостный, необоримый змей.	LXIV, 334–335 Nulla domus tales umquam contextit amores, Nullus amor tali conjunxit foedere amantes. Дом ни один никогда любви подобной не видел, Также любовь никогда не скре- плялась подобным союзом. LXI, 177–179 Pectore uritur intimo Flamma, sed penite magis. Нет, не менее чем в моем, Тайно в сердце его горит Пламя – глубже горит оно!

Як бачым, першыя захаваныя вясельныя літаратурныя творы Сафо і Катула маюць агульныя рысы і носяць выразны лірычны пачатак, хаця некаторыя творы з'яўляюцца і эпічнымі аповедамі (эпіталамы міфалагічнага характару), яны цесна звязаны з момантамі вясельнага абраду (усхваляюць маладых, заклікаюць багоў і г. д.) і нават змяшчаюць у тэкстах сцэнары іх правядзення. Гэтыя асаблівасці вясельных песень будуць шырока выкарыстоўвацца ў творах пазнейшых аўтараў, якія будуць звяртацца да выдатных тэкстаў паэткі са старажытнай Грэцыі Сафо і паэта з Вероны Катула.

Літаратура

1. Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук. М., 1988.

2. *Катулл, Г. Валерий*. Книга стихотворений / Г. Валерий Катулл; пер. с лат. С. В. Шервинского. М., 1986.
3. *Сафо*. Лира, лира священная / Сафо; пер. с др.-греч. В. В. Вересаева. М., 2000.
4. *Cichocka, H. Zarys Historii rytoryki* / H. Cichocka, J. Lichański. Warszawa, 1994.
5. Epitalamia antyczne czyli antyczne pieśni weselne / M. Brożek [i in.]; pad red. J. Danilewicza. W.; P., 1999.
6. Liryka Grecka: u 3 t. / redkal.: J. Danilewicz (gł. red.) [i in.]. W.; P., 1999. T. 2: Melika / J. Danilewicz [i in.]. 1999.

Л. Н. Мушнина

ИОНИЙСКАЯ ЯМБОГРАФИЯ В АНТИЧНОЙ ЭПИГРАММЕ

Вопрос о традиции текста Гиппонакта, ионийского ямбографа VI в. до н. э., особенно важен, поскольку до нашего времени сохранились лишь фрагменты его произведений: в основном, они дошли в косвенной традиции и лишь отчасти тексты поэта сохранили папирусы. В связи с этим для нас остается важным вопрос о том, насколько широко был известен Гиппонакт в древности и какое влияние ионийская ямбография оказала на тех или иных античных авторов. Хотя точных данных о традиции текста эти сведения нам не дадут, из них можно получить не менее ценные косвенные представления о знакомстве древних авторов с творчеством ионийского поэта.

Известно, что интерес к творчеству Гиппонакта не угасал в течение многих веков после его смерти, а тематика его произведений была долгое время актуальной для целого ряда поэтов античности. Древних авторов привлекал также уникальный размер его поэзии – холиямб (ямбический триметр со спондеем в пятой стопе), изобретение которого античность единодушно приписывает этому ионийскому поэту. Например, римские грамматик Марий Викторин (GLVI.81 Keil) и Цезий Басс (GLVI.257 Keil) называют его изобретателем этого размера: «Metri cho-liambici repertor Hipponax», а римский грамматик Диомед называет холиямб «гиппонактовым» стихом: «Iambicus scazon idem Hipponacteus ab auctore dicitur» (Diom. (GLVI.507 Keil)). Этой же традиции придерживается словарь «Суда» (s. v. Ἰππῶναξ). Изобретенный и широко использовавшийся Гиппонактом размер холиямб оказал большое влияние на творчество древнегреческих эпиграмматистов. На их творчество повлиял не только размер, но и характер гиппонактовой поэзии: культовая обшность и язвительность его стиля.

Существует несколько эпиграмм разных авторов, сохранившихся в Палатинской антологии, в которых речь идет о силе воздействия ямбов Гиппонакта. Самая язвительная из всех – та, которую приписывают поэту I в. н. э. Филиппу Фессалоникийскому (AP VII. 405)¹:

᾽Ω ξεῖνε, φεῦγε τὸν χαλαζεπῆ τάφον
τὸν φρικτὸν Ἰππῶνακτος, οὗ τε τὰ τέφρα

¹ Здесь и далее эпиграммы греческих авторов цитируются по изданию: Anthologia Palatina cum Planudea: Anthologia Graeca 2. Auflage griechisch-deutsch / ed. H. Beckby. München, 1965–70. Bd. 1–4.

ἰαμβιάζει Βουπάλειον ἐς στύγος,
μή πως ἐγείρης σφῆκα τὸν κοιμώμενον,
ὃς οὐδ' ἐν Αἰδῇ νῦν κεκοίμικεν χόλον
σκάζουσι μέτροις ὀρθά τοξεύσας ἔπη.

«О странник, избегай ужасной могилы Гиппонакта, / сыплющей слова, словно град; ведь даже его прах / высмеивает Бупала в ямбах, доводя до отчаяния. / Ни в коем случае не буди уснувшую осу, которая даже теперь, в Аиде, не усыпила гнев, / хромыми размерами обстреляв правильную речь»¹.

Другая эпиграмма, которую атрибутируют Феокриту (III в. до н. э.), составлена в холиямбах (AP XIII. 3):

Ὁ μουσοποιὸς ἐνθάδ' Ἰππῶναξ κεῖται.
Εἰ μὲν πονηρὸς, μὴ ποτέρχεν τῷ τύμβῳ.
εἰ δ' ἐσσι κρήγυός τε καὶ παρὰ χρηστῶν,
θαρσέων καθίζεν κτῆν θέλης, ἀπόβριζον.

«Здесь лежит поэт Гиппонакт. / Если ты злой человек, то не приближайся к могиле. / Если же добрый и от хороших людей, / то смело садись и, если хочешь, отдохни».

Автор третьей эпиграммы (ее размер – элегический дистих), которая, возможно, впоследствии стала образцом для рассмотренной ранее эпиграммы Филиппа Фессалоникийского, – эллинистический поэт III в. до н. э. Леонид Тарентский (AP VII. 408):

Ἀτρέμα τὸν τύμβον παραμείβετε, μὴ τὸν ἐν ὕπνῳ
πικρὸν ἐγείρητε σφῆκ' ἀναπαυόμενον.
Ἄρτι γὰρ Ἰππώνακτος ὁ γὰρ τοκεῶνε βαῦξας
ἄρτι κεκοίμηται θυμὸς ἐν ἡσυχίῃ.
Ἀλλὰ προμηθήσασθε· τὰ γὰρ πεπυρωμένα κείνου
ρήματα πημαίνειν οἶδε καὶ ἐν Αἰδῇ.

«Проходите тихо мимо могилы, чтобы не разбудить злую уснувшую здесь осу. / Гнев Гиппонакта, даже против родителей гремющий, только что успокоился в тишине. / Поэтому вы заранее обратите внимание: ведь и в Аиде его жгучие слова умеют вредить».

Наконец, последняя эпиграмма, особенно интересная своей лексикой, приписывается автору II в. до н. э. Алкею Мессенскому (AP VII. 536):

Οὐδὲ θανὼν ὁ πρέσβυς ἐῷ ἐπιτέτροφε τύμβῳ
βότρυν ἀπ' οἰνάνθης ἡμερον, ἀλλὰ βάτον
καὶ πνιγέσσαν ἄχερδον ἀποστύφουσιν ὀδυτῶν
χείλεα καὶ διψεῖ καρδαλέον φάρυγα.

¹ Перевод с древнегреческого сделан автором статьи.

Ἀλλὰ τις Ἰππώνακτος ἐπὶ τὴν παρὰ σῆμα νέηται
εὐχέσθω κνώσσειν εὐμένεοντα νέκυν·

«Старец даже после смерти стал на своей могиле питать / не возделанную гроздь виноградной лозы, но терновник / и дикую терпкую грушу, стягивающую губы путников / и сухую от жажды глотку. / Но если кто-нибудь однажды пройдет мимо могилы Гиппонакта, / пусть пожелает крепко спать благосклонному мертвецу».

Подражание этой эпиграмме Алкея сочинил в XII в. Иоанн Цец, использовавший почти одинаковую с Алкеем лексику (Anecd. Ox.3.339.20 Cr.):

Οὐτερ παρεισέγραφέ τις τύμβῳ τάδε·
οὐ βότρυν, ἀλλ' ἄχερδον ἐν τάφῳ φέρει
στύφοντα, πικραίνοντα πικρία λόγων,
ἀλλὰ τις Ἰππώνακτος ἐλθὼς εἰς τάφον
τὸν ἄνδρα κνώσσειν εὐμένῳς εὐχου κάτω.

«Там, на могиле, кто-то приписал следующее: / «У того, кто говорил с горечью горькие слова, растет / на могиле не виноград, а вяжущая на вкус дикая груша. / Но если кто-то подойдет к могиле Гиппонакта, / то пусть он молит, чтобы тот спокойно спал в царстве мертвых».

Все рассмотренные эпиграммы отличает общая особенность лексики: почти во всех употреблены слова низкого лексического слоя, которые были характерны для поэзии Гиппонакта. Так, человек, который может подвергнуться инвективе ямбографа, характеризуется словом, относящимся к лексике низкого слоя – ρονήρ3~ ‘дурной’ (AP XIII.3.2). Филипп Фессалоникийский характеризует ямбическую поэзию глаголом >ambi=zw ‘высмеивать в ямбах’ (AP VII.405.3). Этот глагол связан с аграрным культом Деметры и с культом мифологической героини Ямбы, с обценностью и ритуальной бранью на праздниках плодородия. Леонид Тарентский называет Гиппонакта πικρ4ν... σφ|κ} #ναπαυ3μενον ‘злая уснувшая оса’ (AP VII.408.2), а Филипп Фессалоникийский – ‘спящей осой’ (σφ|κα τ4ν κοπ9μενον) (AP VII.405.3). Оба эти автора характеризуют ионийского поэта не как пчелу, известную трудолюбием, а словом-антиподом – «оса», которая жалит, не принося пользы.

Леонид Тарентский, характеризуя силу ямбов Гиппонакта, употребляет экспрессивный звукоподражательный глагол βα1ξω ‘лаять’: τοκε^νε βα1ξας ‘лая на родителей’ (AP VII.408.3). Употребление звукоподражательных глаголов – одна из особенностей ямбической поэзии.

Интересно использовано противопоставление лексики разных стилей в эпиграмме Алкея. Умерший Гиппонакт питает на своей могиле не «садовый виноград» (β3τρυν #π} ο>v=vθης ὀμερον), а «дикую терпкую грушу, стягивающую губы путников» (β=τον καJ πνιγ3εσσαν Ἀχερδον

#ποστνφουσαν ἰδὺν χεῖλεα) (AP VII.536.2). Здесь налицо противопоставление: β3τρυν ὄμερον – β=τον καὶ πνιγ3εσσαν Ἀχερδον. При этом под выражением «садовый виноград» подразумевается поэзия «высокого» стиля, а под сочетанием «дикая терпкая груша» – поэзия «низкого» стиля, то есть ямбы Гиппонакта. Ионийский поэт, будучи даже мертвым, предпочитает питать не культурный виноград, а терновник и дикую грушу. Подтверждение того, что здесь противопоставлены два вида поэзии, имеется также в эпиграмме Ионна Цеца, который подражал эпиграмматисту Алкею Мессенскому: «Дикая груша, а не садовый виноград растет на могиле того, кто говорил горькие слова с горечью» (πικραῖνοντα πικρῆ λ3γον). (Anecd. Oхon. 3.339.20.3). Под словами πικραῖνοντα πικρῆ Иоанн Цец подразумевает ямбическую поэзию Гиппонакта.

Анализ лексического состава приведенных эпиграмм показывает, что прямые цитаты из корпуса фрагментов ионийского ямбографа у рассмотренных эпиграмматистов отсутствуют. Следует отметить лишь косвенный намек в эпиграмме Алкея Мессенского (AP VII 536.2) на фрагмент За Гиппонакта, где речь идет о Гермесе – душителе собак.

Таким образом, нами установлено, что эпиграмматисты, посвятившие Гиппонакту свои стихи, пользовались лексикой того же «низкого» слоя, что и сам поэт. Это свидетельствует о том, что характер творчества ионийского поэта был известен авторам эпиграмм, а произведения поэта – ямбографа знали и читали не только в эпоху эллинизма, но и в последующие века вплоть до XII в.

С. Нарбутас, Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая

АГЛЯД ГІСТОРЫІ ВЫВУЧЭННЯ
ЛАЦІНАМОЎНАЙ ЛІТАРАТУРЫ Вялікага
Княства Літоўскага ў Беларусі і Літве

Мінула ўжо дзвесце трыццаць год з часу з'яўлення выдатнай бібліяграфічнай працы польскага бібліёграфа Яна Даніэля Яноцкага «Розныя звесткі пра славуных і выдатных аўтараў ды мецэнатаў Польшчы» [79], дзе была прадстаўлена інфармацыя пра лацінамоўных паэтаў Польскай Кароны і Вялікага княства Літоўскага. Імёны некаторых аўтараў – Basilius Hyacinthius, Ioannes Rakwicz, Martinus Gradovicius – суправаджаліся азначэннем «Lituanus» (Марцін Градоўскі названы яшчэ дакладней – «Caunensis Lituanus»). Нават гэтая прыватная акалічнасць выяўляе слушнасць таго, што **даследаванне творчасці лацінамоўных аўтараў Вялікага княства Літоўскага стала важным чыннікам развіцця гістарычнага літаратуразнаўства ў Літве ў XX ст.** Працэс актыўнага вывучэння адпаведных помнікаў у сучаснай літоўскай філалагічнай навуцы пачаўся пасля Другой сусветнай вайны і хутка набіраў тэмпы ў наступныя дзесяцігоддзі.

Яшчэ ў навуковых артыкулах канца 50-х гг. [65; 86] імёны лацінамоўных аўтараў займаюць пачэснае месца. Выданне сачыненняў аўтараў Вялікага княства Літоўскага, якія пісалі не толькі на літоўскай, але таксама на лацінскай, польскай, нямецкай, старабеларускай і іншых мовах, што ўжываліся тады ў дзяржаве, на працягу двух апошніх дзесяцігоддзяў мінулага стагоддзя стала працэсам, у якім пачалі ўдзельнічаць адразу некалькі інтэлектуальных цэнтраў Літвы. Гэта былі некаторыя літоўскія выдавецтвы («Vaga», «Mintis», «Aidai», «Baltos lankos», «Pradai»), філалагічны і гістарычны факультэты Вільнюскага ўніверсітэта, Інстытут гісторыі Літвы, Інстытут літоўскай мовы, а таксама Інстытут літоўскай літаратуры і фальклору. Выдавецкую дзейнасць у гэтых цэнтрах каардынавалі рэдакцыйныя рады, якія курыравалі адпаведныя серыі, а таксама дзейнасць іншых навуковых супольнасцяў, якія працавалі больш або менш трывала. З іх найперш варта згадаць семінар па старажытнай літаратуры, які збіраўся ў Інстытуце літоўскай літаратуры і фальклору з красавіка 1990 па лістапад 1996 г. Выданне літаратурных помнікаў і навуковых даследаванняў падлягала пэўнай сістэматызацыі, ажыццяўлялася ў выглядзе выдавецкіх серый. Сярод іх трэба згадаць наступныя: «Lituanistinė biblioteka», «Lietuvos mokslo paminklai», «Bibliotheca baltica», «Fontes ecclesiastici historiae Lithuaniae», «Fontes historiae Universitatis Vilnensis», «Ištakos».

Першыя значныя працы па *апублікаванню лацінскіх тэкстаў* з’явіліся ў Літве яшчэ ў 60-х гг. XX ст. У 1966 г. быў выдадзены трактат Міхала (Міхалона) Літвіна «Пра звычаі татар, літвінаў і маскоўцаў» (які быў напісаны ў сярэдзіне XVI ст. і апублікаваны ў Базелі ў 1615 г.) у перакладзе Ігнаса Ёнінаса (разам з фатакопіяй арыгінала) [85]. У 1969 г. выйшаў з друку трактат Яна Ласіцкага «Пра багоў жамойтаў, іншых сарматаў і несапраўдных хрысціян» (першадрук – Базель, 1615) у перакладзе Леонаса Валкунаса [83]. Паэма «Песня пра постаць, лютасць зубра і паляванне на яго» Мікалая Гусоўскага ў перакладзе Бенедзіктаса Казлаўскаса выйшла асобным выданнем у 1977 г. [75], а ўпершыню гэты пераклад быў апублікаваны ў 1963 г. [74].

У 80-х гг. колькасць лацінамоўных помнікаў Вялікага княства Літоўскага, апублікаваных літоўскімі вучонымі, значна пашыраецца. У 1981 г. у Вільні з’явіўся пераклад на літоўскую мову гераічнай паэмы «Караламахія» (першадрук – Вільня, 1606; аўтар пераклада – Б. Казлаўскас) [69], а ў 1991 г. было падрыхтавана паралельнае (з факсімільным тэкстам) выданне гэтага помніка [70]. У перакладзе Л. Валкунаса ў 1985 г. выходзіць «Хроніка Прускай зямлі» Пятра з Дузбурга (Франкфурт-на-Майне, 1679) [72], а ў 1988 г. – «Гісторыя Літвы» Альберта Віюка-Каяловіча, гістарычны трактат XVII ст. (ч. 1: Гданьск, 1650; ч. 2: Антверпен, 1659) [121]. Пачынаючы з 1983 г., выйшла некалькі выданняў, прысвечаных Першаму Статуту Вялікага княства Літоўскага; трэцяе выданне ўтрымлівае тэксты Статута на старабеларускай, лацінскай і старапольскай мовах [94].

У 1995 г. выйшла дзвюхмоўнае выданне выбраных твораў М. К. Сарбеўскага [103]. Трохмоўнае выданне выбраных твораў Андрэя Валана (на лацінскай, польскай і літоўскай мовах) пабачыла свет у 1996 г. [125]. У 1997 г. была апублікавана паэма Яна Вісліцкага «Пруская вайна» (першадрук – Кракаў, 1516) у перакладзе Яўгеніі Ўльчынайтэ разам з тэкстам арыгінала [124]; з’явілася паралельнае выданне паэмы Яна Радвана «Радзівіліяда» (першадрук – Вільня, 1592): факсімільны лацінскі тэкст і пераклад Сігітаса Нарбутаса [95]. У 1999 г. апублікаваны трактат Эрхарда Вагнера «Жыццё і звычаі літоўцаў у Прусіі...» (Кёнігсберг, 1621) у перакладзе Арвідаса Баронаса [127]. У тым жа годзе выйшла з друку «Хроніка Прусіі» нямецкага аўтара XIV ст. Віганда з Марбурга ў перакладзе на літоўскую мову Рымаса Ясаса [126], а таксама «Жыццё вялікага князя Маскоўскага Івана Васільевіча...» Пауля Одэрборна (Вітэнберг, 1585) у перакладзе С. Нарбутаса [92].

Асобна варта адзначыць публікацыі крыніц па гісторыі Віленскага ўніверсітэта. У 1987 г. Я. Ульчынайтэ і А. Шыдлаўскас выдалі зборнік

матэрыялаў, прысвечаных навучэнцам і выкладчыкам Віленскай акадэміі, дзе былі апублікаваны адпаведныя лацінамоўныя крыніцы ў перакладзе Я. Ульчынайтэ [122]. Пазней былі падрыхтаваныя зборы дакументаў [66], а таксама дзвухмоўныя (па-лацінску і ў перакладзе на літоўскую мову) выданні прац вядомых выкладчыкаў Віленскай акадэміі – Арона Аляксандра Алізароўскага і Сігізмунда Лаўксміна [93; 84].

Вялікая колькасць лацінскіх тэкстаў з перакладамі была апублікавана на працягу апошняга дзесяцігоддзя. Зборнік матэрыялаў, які падрыхтавалі В. Урбан і С. Лужыс, прэзентуе Кракаў XIV–XVI ст. як адзін з культурных цэнтраў Вялікага княства Літоўскага [107]. У 2000 г. С. Нарбутас апублікаваў збор твораў Саламона Рысінскага («*Rerum ab Illustrissimo Principe Christophoro Radivilo <...> praeclare gestarum epitome*», Любча, 1614) у перакладзе на літоўскую мову і на лаціне, з дадаткам рукапісных твораў Саламона Рысінскага, якія захоўваюцца ў розных архівах (у прыватнасці, у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі) [96]. У тым жа 2000 г. былі апублікаваны творы пісьменніка XVI ст. Аўгусціна Ратундуса разам з перакладамі на літоўскую мову і даследаваннямі, прысвечанымі яго творчасці [105]. У 2001 г. пабачыў свет збор выбраных твораў XVI–XVIII ст. пад назваю «Прывітанне Вільні», падрыхтаваны Я. Ульчынайтэ [73]. У 2003–2004 гг. выйшла з друку новае перавыданне «Гісторыі» А. Віюка-Каяловіча [119; 120], а таксама з’явіўся шэраг прац з серыі «*Fontes ecclesiastici historiae Lithuaniae*». Гэта, прынамсі, публікацыя крыніц і даследаванне, прысвечанае тром віленскім пакутнікам XIV ст. [68], матэрыялы пра жыццё і ўшанаванне Святога Казіміра [106; 67], матэрыялы, датычныя місіі Святога Бруна Кверфурцкага [64]. Адно з апошніх выданняў, падрыхтаванае ў Інстытуце літаратуры і фальклору, – поўны збор твораў Мікалая Гусоўскага [76]. Гэтая кніга ўключае факсімільныя тэксты яго вершаў і паэм, а таксама іх пераклады на літоўскую мову.

Гісторыка-літаратуразнаўчыя працы ў галіне вывучэння лацінамоўных помнікаў Вялікага княства Літоўскага пачалі з’яўляцца ў Літве з канца 50-х гг. мінулага стагоддзя. У 60-х – пачатку 70-х гг. пераважалі публікацыі ў выглядзе артыкулаў: у часопісе «Literatūra», а таксама ў разнастайных навуковых зборніках. Першыя навуковыя працы Б. Казлаўскаса, М. Рочкі былі прысвечаны Мікалаю Гусоўскаму, Яну Радвану [81; 82], Пятру Раізію, Венцлаву Агрыпу [99; 102] і іншым аўтарам. Значна пашыраецца дыяпазон даследаванняў лацінамоўнай літаратуры ў літоўскім літаратуразнаўстве ў 70-80-х гг. Пісьмовую спадчыну Мацея Казіміра Сарбеўскага даследавалі М. Рочка і Я. Ульчынайтэ [97; 116]. Я. Ульчынайтэ публікуе шэраг прац з галіны даследавання рыторыкі

[117; 111; 118]. У 1988 г. М. Рочка выдае кнігу, прысвечаную Міхалу Літвіну [101].

У постсавецкай Літве даследаванне помнікаў лацінамоўнай літаратуры развіваецца актыўна і плённа. Я. Ульчынайтэ працягвае свае даследаванні ў галіне гісторыі рыторыкі [109; 112], друкуе працы, прысвечаныя літаратуры эпохі Барока ў Літве [110], выдае анталогію літоўскай паэзіі XVI–XVII ст. [71]. У 1998 г. з’яўляецца манаграфічнае даследаванне Р. Юргеленайтэ, прысвечанае элегічнай і фунеральнай паэзіі [80], а таксама С. Нарбутаса, прысвечанае «Радзівіліядзе» Яна Радвана [90]. У 1998 г. выйшаў з друку зборнік матэрыялаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі, якая праходзіла ў Віленскім універсітэце і была прысвечана 400-годдзю з дня нараджэння Мацея Казіміра Сарбеўскага [87].

Шматгадовыя *бібліяграфічныя даследаванні* літоўскіх вучоных далі значны плён. Так, яшчэ ў 80-х гг. Марцалінас Рочка апублікаваў вынікі сваёй карпатлівай працы па вывучэнню лацінскіх кніг Вялікага княства Літоўскага XVI–XVII ст. [98; 100]. У 1998 г. выйшла кніга «Index librorum Latinorum Lithuaniae saeculi septimi decimi», а ў 2002 г. – «Index librorum Latinorum Lituaniae saeculi quinti decimi et sexti decimi» [77; 78]. Яны падрыхтаваныя Дайвай Нарбуцэнай і Сігітасам Нарбутасам і ўяўляюць сабою найбольш поўны бібліяграфічны даведнік па лацінскіх кнігах Вялікага княства Літоўскага. Юозас Тумяліс падрыхтаваў бібліяграфію кніг Літвы XVI ст. на ўсіх мовах (рукапіс захоўваецца ў Нацыянальнай бібліятэцы імя Марцінаса Мажвідаса ў Вільнюсе). Да гэтых фундаментальных бібліяграфічных выданняў след дадаць каталог палеаэтыпаў Бібліятэкі Вільнюскага універсітэта [123], каталог выданняў XV–XVI ст. з бібліятэк г. Каўнаса [128], а таксама каталог кніг XVI–XVII ст., якія захоўваюцца ў Бібліятэцы Акадэміі навук Літвы [129]. Асобнае бібліяграфічнае даследаванне, прысвечанае лацінскім кнігам, напісала Д. Нарбуцэна [91]. Нарэшце, літоўскія медыявісты пачалі бібліяграфічную працу па складанню зводнага каталога лацінскіх кніг Літвы XVIII ст.

Многія з названых прац, шматлікія лацінамоўныя тэксты і іх пераклады былі апублікаваныя ў серыі выданняў «Старажытная літаратура Літвы» («Senoji Lietuvos literatūra»), якія рыхтуюцца ў Інстытуце літаратуры і фальклору. Першы том гэтай серыі пабачыў свет у 1992 г. і быў прысвечаны жанрам старажытнай літаратуры. Апошні (22) том надрукаваны ў 2006 г. і прысвечаны памяці выдатнага літоўскага вучонага Альбінаса Йовайшы. У гэтым томе С. Нарбутас прэзентаваў праект энцыклапедычнага слоўніка «Літаратурныя помнікі старажытнай Літвы», які задуманы як своеасаблівы навуковы кампендыум, прысвечаны літаратуры XIII–XIX ст. [88]. На жаль, у межах гэтага агляду немагчыма

назваць не толькі ўсіх, але нават большай часткі прац літоўскіх вучоных, у якіх, сярод іншага, разглядаецца творчасць лацінамоўных аўтараў. Гэта тычыцца даследаванняў Я. Ульчынайтэ, С. Нарбутаса, Д. Куоліса ды іншых вучоных, якія прысвечаны літоўскай літаратуры эпохі Рэнесансу і Барока [гл., напр., 113]. Літоўскія літаратуразнаўцы-медыявісты даказалі сваімі працамі, што «старажытналітоўская літаратура не можа быць даследавана асобна, без сувязі з тэкстамі, напісанымі на іншых мовах» [108, 56], і што *Latinitas* была надзвычай важным фактарам развіцця слоўнай культуры Вялікага княства Літоўскага на працягу ўсяго гістарычнага перыяду існавання дзяржавы [89; 114; 115].

Зусім па-іншаму развівалася **гісторыя вывучэння лацінамоўнай пісьмовай спадчыны ў Беларусі**. Сто дваццаць год мінула з таго часу, калі Артур Лейст, першы перакладчык на нямецкую мову «Віцязя ў тыгровай скуры» Шата Руставелі, прыгадаў у сваім артыкуле «славян-беларусаў, старажытная культура якіх пакуль яшчэ вельмі мала вядомая адукаванаму свету, але якія яшчэ ў межах сумеснай сваёй феадальнай дзяржавы з Літвой мелі такога буйнога паэта, як Мікалай Гусавіян з яго “Песняй пра зубра”», напісанай на старажытнай латыні» [19, 83]. А ў 1963 г. вядомы расійскі даследчык Ілля Галіянішчаў-Кутузаў заўважаў: «Даводзіцца здзіўляцца таму, што спадчына буржуазнай навукі не жывыта ў навейшы час, спараджаючы прадурзатыя погляды, якія зусім не садзейнічаюць узаемапаразуменню паміж брацкімі народамі. <...> З украінскага і беларускага асяроддзя выключаюцца пісьменнікі XVI стагоддзя, якія выбралі лацінскую мову» [5, 133]. Аднак, нягледзячы на тое, што праблема вывучэння помнікаў лацінскага пісьменства Беларусі не раз ставілася на Міжнародных з’ездах славістаў, у навуковых працах вядомых вучоных, далёка не заўсёды адпаведныя даследаванні атрымлівалі «зьялёную вуліцу» у беларускай медыявістыцы савецкага перыяду. Яшчэ ў пачатку XX ст. пра вялікае значэнне лацінскай адукаванасці ў культурным жыцці беларусаў XVI–XVII ст. пісаў Вацлаў Ластоўскі [33, 346–349], аднак у 1937 г. ён быў асуджаны і ў 1938 г. расстраляны. Надуманае абвінавачванне гвалтоўна перарвала ў 1974 г. творчы шлях таленавітага беларускага вучонага Міколы Прашковіча, які ўпершыню ўключыў імёны Яна Вісліцкага і Мікалая Гусоўскага ў акадэмічную «Гісторыю беларускай літаратуры» і зрабіў важную заўвагу, што «іменна першыя вершаваныя творы Беларусі былі напісаны на лацінскай мове» [гл.: 52, 355].

У савецкія часы першасным фактарам непрызнання лацінамоўнай літаратуры як беларускай было тое, што ў той перыяд «іншамоўнасць літаратуры не заўсёды атаясамлівалася з нацыянальным, нацыянальнае разглядалася праз прызму бачання дэмаса» [29]. Вялікі ўплыў на куль-

турную свядомасць беларускай інтэлігенцыі зрабіла таксама пазіцыя некаторых дзеячаў беларускага нацыянальнага адраджэння пачатку XX ст. – Яўхіма Карскага, Максіма Гарэцкага і інш. Яны не лічылі мэтазгодным уключаць лацінамоўныя творы ў кантэкст гісторыі беларускай літаратуры. Аднак пасля з’яўлення ў канцы XX – пачатку XXI ст. прац Алеся Жлуткі, Сяргея Кавалёва, Уладзіміра Кароткага, Адама Мальдзіса, Уладзіміра Мархеля, Міколы Хаўстовіча адбываецца паступовая «рэабілітацыя» некірылічных помнікаў, прызнаецца іх прыналежнасць да беларускай літаратуры. Тым не менш, нігілістычнае або адмоўнае стаўленне да літаратуры на лацінскай мове час ад часу можна сустрэць нават у працах беларускіх даследчыкаў канца XX ст. [гл., напр., 35, 417].

Сярод беларускіх «першаадкрывальнікаў» лацінамоўнай культуры належыць, безумоўна, назваць імя Якава Парэцкага – чалавека выключнай працаздольнасці, эрудыцыі і не менш выключнай сціпласці. Ён – аўтар шасці манаграфій (чагеты з якіх прысвечаны ўласна новалацінскім аўтарам [45; 48; 50; 51]). Бадай, пачаткам вялікага шляху лацінамоўнай паззіі ў беларускую культуру варта лічыць з’яўленне ў 1968 г. у часопісе «Неман» паэмы Мікалая Гусоўскага «Песня пра зубра» у перакладзе на рускую мову Я. Парэцкага і Я. Семязона. У 1969 г. «Песня пра зубра» у перакладзе на беларускую мову Язэпа Семязона была апублікавана ў часопісе «Полымя». Першае асобнае выданне гэтага перакладу было зроблена ў 1973 г. [10]. Тым не менш, па-за працамі асобных вучоных, прысвечанымі паэме Мікалая Гусоўскага [гл., напр., 27], да канца 70-х гг. комплекснае вывучэнне лацінамоўнай паззіі ў беларускім літэратуразнаўстве не ажыццяўлялася.

Карэнным чынам змянілася сітуацыя з прыходам у навуку Віктара Дарашкевіча. У канцы 70-х – пачатку 80-х гг. ён быў вучоным сакратаром Савета па каардынацыі навуковай дзейнасці пры прэзідыуме АН БССР. Знаходзячыся на гэтай пасадзе, ён склаў першасны праект так званай «скарынаўскай праграмы», да выканання якой пазней далучыліся многія вучоныя Беларусі. В. Дарашкевіч выявіў семнаццаць лацінамоўных дакументаў, што мелі дачыненне да жыцця ўсходнеславянскага першадрукара Францыска Скарыны, і выдаў іх у супрацоўніцтве з Алесем Жлуткам і Лідзіяй Ляхавай [56, 95–154]. Выхад з друку ў 1979 г. манаграфіі В. Дарашкевіча «Новалацінская паззія Беларусі і Літвы: першая палова XVI стагоддзя» стаўся знамянальнай падзеяй у навуковым жыцці Беларусі. У трохмоўным выданні «Песні пра зубра» Мікалая Гусоўскага В. Дарашкевіч змясціў праграмны артыкул, у якім лацінская пісьмовасць і лацінамоўная літэратура ў гісторыі Беларусі разглядаліся як арганічная частка нацыянальнай культуры. Хаця названая праца пры-

свечана пераважна творчасці Мікалая Гусоўскага, прынамсі тут вучоны ўпершыню згадаў імёны Яна Радвана, Францішка Градоўскага, Гальяша Пельгрымоўскага, Міхала (Міхалона) Ліцвіна, Мікалая Кміціча і іншых лацінамоўных аўтараў [18, 179–180; 184], даўшы своеасаблівыя арыенціры новым пакаленням даследчыкаў.

Што да *перавыдання лацінамоўных помнікаў*, то ў савецкія часы быў рэалізаваны толькі адзін такі праект: падрыхтавана трохмоўнае выданне «Песні пра зубра» Мікалая Гусоўскага, прымеркаванае да 500-гадовага юбілею паэта [11]. Па-за тым, дзякуючы руплівай працы Я. Парэцкага ў 70–80-х гг. былі перакладзены на рускую мову вершы Мікалая Гусоўскага [46], яго паэма «Пра жыццё і подзвігі святога Гіяцынта» [17], фрагменты з паэмы «Пруская вайна» Яна Вісліцкага [47], лацінскія эпіграмы Сымона Буднага [43], сентэнцыі Яна Ліцынія Намыслоўскага [Парэцкі, 1983], лісты і вершы Саламона Рысінскага [51]. Не паслаблялася ўвага да творчасці Мікалая Гусоўскага: з’явіліся пераклады яго твораў, зробленыя Я. Парэцкім і Ю. Свіркам [7; 9], у 1994 г. асобным выданнем выйшаў пераклад «Песні пра зубра», зроблены лаціністам Уладзімірам Шатоном [12], а ў 1997 г. было апублікавана перастварэнне гэтай паэмы, выкананае Наталляй Арсенневай [13]. У 1997 г. у часопісе «Маладосць» была апублікавана паэма Яна Вісліцкага «Пруская вайна» у перакладзе на беларускую мову Ж. Некрашэвіч-Кароткай, а праз некалькі год з’явіліся новыя пераклады вершаў Мікалая Гусоўскага, зробленыя Ж. Некрашэвіч-Кароткай і І. Шкурдзюк [6; 8; 16]. Ж. Некрашэвіч-Кароткая пераклала на беларускую мову фрагмент з паэмы «Радзівіліяда» Яна Радвана [53], прадмоўны комплекс «Песні пра зубра» Мікалая Гусоўскага [15], урыўкі з паэм «Караламахія» Хрыстафора Завішы [23], «Пра жыццё і подзвігі святога Гіяцынта» Мікалая Гусоўскага [14], а таксама «Язафатыда, або Пра жыццё і забойства св. Язафата Кунцэвіча» Язафата Ісаковіча [24].

Справа перавыдання арыгінальных лацінскіх тэкстаў на Беларусі, якую ў 80-х гг. XX ст. распачаў Віктар Дарашкевіч, была працягнута ў пачатку XXI ст. У 2005 г. выйшаў зборнік дакументаў часоў караля Міндаўга (арыгінальныя тэксты лістоў і сведчанняў XIII – пачатку XIV ст., датычных караля Міндаўга, з перакладамі і каментарыямі) пад назваю «Міндаў, кароль Літвіі», падрыхтаваны Алесем Жлуткам [36]. У тым жа годзе з’явілася паралельнае (на лаціне і ў перакладзе на беларускую мову) выданне твораў першага беларускага паэта Яна Вісліцкага разам з факсімільным тэкстам першадруку і «апендыксам» з асобніка бібліятэкі Асалінскіх – зборам твораў «Пра сённяшнюю Прускую вайну». Гэтае выданне было падрыхтавана Ж. Некрашэвіч-Кароткай [4].

Гісторыка-літаратуразнаўчыя працы беларускіх вучоных канца XX ст., прысвечаныя лацінамоўнай літаратуры, стварылі новы ідэйны грунт для бясспрэчнай ідэнтыфікацыі ў рэчышчы гісторыі беларускай літаратуры творчасці не толькі Яна Вісліцкага і Мікалая Гусоўскага, але і іншых паэтаў. У 1990 г. Алесь Жлутка абараніў кандыдацкую дысертцыю па тэме «Лацінская паэзія Беларусі эпохі Асветніцтва», у межах якой была вывучана паэтычная творчасць Міхала Карыцкага і Францішка Князьніна. У 1991 г. адбылася абарона кандыдацкай дысертцыі Сяргея Кавалёва «Гераіка-эпічная паэзія Беларусі і Літвы канца XVI ст.», а праз два гады выйшла яго манаграфія з такой жа назвай [25], дзе ўпершыню ў беларускім літаратуразнаўстве ў шэрагу гераіка-эпічных твораў канца XVI ст. былі разгледжаны лацінамоўныя паэмы «Апісанне маскоўскай выправы... Хрыстафора Радзівіла» (1582) Францішка Градоўскага і «Радзівіліяда» (1592) Яна Радвана.

Важнай падзеяй сталася адкрыццё ў 1994 г. першай у гісторыі незалежнай Беларусі кафедры класічнай філалогіі ў Беларускам дзяржаўным універсітэце (загадчыца кафедры – дацэнт Галіна Шаўчэнка). Яна і шэраг іншых філолагаў Беларусі ў сваіх працах 90-х гг. акцэнтавалі ролю лацінскай мовы і пісьменства ў гісторыі культуры Беларусі [20; 55; 60; 104]. Сёння на кафедры даследаваннем новалацінскай паэзіі займаецца старшы выкладчык Ірына Шкурдзюк, якая рыхтуе дысертцыю, прысвечаную паэтычнай творчасці Мікалая Гусоўскага [61; 62; 63]. Многія працы, прысвечаныя творчасці новалацінскіх аўтараў, друкаваліся на старонках навуковага зборніка «*Studia philologica*», першы выпуск якога, прысвечаны памяці Я. І. Парэцкага, з’явіўся ў 1993 г. (пад рэд. А. З. Цісыка), а пачынаючы з другога выпуска стаў рыхтавацца на кафедры класічнай філалогіі Белдзяржуніверсітэта, пры навуковым рэдагаванні Галіны Шаўчэнка і Антаніны Гарнік.

За апошнія пятнаццаць год у навуковых выданнях Беларусі, Літвы, Расіі і Украіны з’явіліся артыкулы А. Жлуткі [21; 22], У. Кароткага [29; 30; 31], А. Мацэвілы [34], Ж. Некрашэвіч-Кароткай [37; 38; 39; 40; 41; 42], А. Цісыка і І. Шкурдзюк [57; 58; 59], прысвечаныя даследаванню помнікаў новалацінскай паэзіі XVI–XVII ст., а таксама канцэптуальнаму асэнсаванню ролі лацінскай мовы, якая на нашых землях «садыейнічала культурнаму ўзаемапрапранікненню “Усход – Захад”» [28]. У сваю новую кнігу «Літаратура Беларусі позняга Рэнесансу» С. Кавалёў уключыў вялікі раздзел, прысвечаны лацінамоўнай паэзіі, дзе сярод аўтараў фігуруюць не толькі вядомыя ўжо Ян Радван і Францішак Градоўскі, але таксама Пётр Раізій, Ян Мылій, Базылій Гіяцынт, Гальяш Пельгрымоўскі [26].

Першай спробай складання *бібліяграфічнага даведніка*, у якім былі адлюстраваны лацінамоўныя выданні, былі кнігі М. А. Васілеўскай [1; 2; 3]. Пры ўсёй сцісласці бібліяграфічнай інфармацыі ў гэтых кнігах былі ўказаны лацінамоўныя выданні як айчынных, так і замежных аўтараў, якія мелі тое ці іншае дачыненне да Беларусі. Лацінскія выданні з кнігазбораў Нясвіжа апісала ў сваім артыкуле супрацоўніца Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі Таццяна Сапега [54]. У 2003 г. выйшаў «Каталог выданняў XV–XVI стагоддзяў», падрыхтаваны супрацоўнікамі Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея [32]. Планаўецца выданне адпаведнага каталога, прысвечанага выданням XVII ст.

Зроблены кароткі агляд сведчыць пра тое, што новалацінская літаратура Вялікага княства Літоўскага, якая расцэньваецца як найважнейшы сродак інтэграцыі з інтэлектуальнай прасторай Заходняй Еўропы (Я. Ульчынайтэ), істотны фактар фарміравання ідэі дзяржаўнасці (С. Нарбутас), важнае звязно, якое дае магчымасць правільна асэнсаваць своеасабліваасці Рэнесансу, Барока, Асветніцтва на нашых землях (В. Дарашкевіч), адэкватнае мастацкае асяроддзе для фарміравання айчыннага гераічнага ідэалу (Ж. Некрашэвіч-Кароткая) і для адлюстравання найбольш значных падзей гісторыі (А. Жлутка), да сённяшняга дня застаецца актуальным аб'ектам навуковага даследавання як у Беларусі, так і ў Літве. Помнікі лацінскага пісьменства (асабліва паэтычныя творы XVI–XVII ст.) «услаўляюць мужнасць нашых ваяроў і ваяводаў, прасякнуты пафасам патрыятызму і барацьбы за незалежнасць» [20, 20]. Вывучэнне мастацкіх і гісторыка-публіцыстычных твораў, пісаных старажытнай лацінай, спрыяе культурнаму дыялогу нашых народаў, якія на працягу некалькіх стагоддзяў супольна жылі ў адной дзяржаве, адстойвалі яе суверэнітэт, разам стваралі велічную гісторыю Айчыны.

Літаратура

1. *Василевская, М. А.* Белоруссия в печати XVI ст.: библиогр. указ. на иностр. яз. / М. А. Василевская. Минск, 1985. (Гос. б-ка БССР им. В. И. Ленина).
2. *Василевская, М. А.* Белоруссия в печати XVII ст.: библиогр. указ. на иностр. яз. / М. А. Василевская. Минск, 1985. (Гос. б-ка БССР им. В. И. Ленина).
3. *Василевская, М. А.* Белоруссия в печати XVIII ст.: библиогр. указ. на иностр. яз. / М. А. Василевская. Минск, 1985. (Гос. б-ка БССР им. В. И. Ленина).
4. [Вісліцкі, Ян] Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum=Ян Вісліцкі. Прусская вайна: на лац. і бел. мовах / уклад., перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай. Мінск, 2005.
5. *Голенищев-Кутузов, И. Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI веков / И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1963.

6. Гусоўскі, М. Верш на ахвярапрынашэнне чорнага быка... / М. Гусоўскі; пер. Ж. Некрашэвіч і І. Шкурдзюк // Крыніца. 2001. № 8. С. 155–157.
7. Гусоўскі, М. Да боскага Севасцяна / М. Гусоўскі; пер. Я. Парэцкага і Ю. Свіркі // ЛіМ. 1986. 25 ліпеня.
8. Гусоўскі, М. Да святога Себасцяна. Малітва да святой Ганны. Пра чутку, што нечакана ўзнікла ў касцёле святога Лаўрэнція ў Дамасе / М. Гусоўскі // Наша вера. 2001. № 4. С. 43–45.
9. Гусоўскі, М. Перамога над туркамі / М. Гусоўскі; пер. Ю. Свіркі і Я. Парэцкага // Полюмя. 1990. № 6. С. 147–150.
10. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі; пер. з лац. Я. Семяжона. Мінск, 1973.
11. Гусоўскі, М. Песня пра зубра: на лац., бел., рус. мовах / М. Гусоўскі; пер. на бел. Я. Семяжона, пер. на рус. Я. Парэцкага і Я. Семяжона; пер. прысвеч. паэмы Боне Сфорца, паслясл., камент. і бібліягр. В. Дарашкевіча. Мінск, 1980.
12. Гусоўскі, М. Песьня пра зубра / М. Гусоўскі; пер. У. Шатона. Мінск, 1994.
13. Гусоўскі, М. Песьня пра зубра / М. Гусоўскі; пер. Н. Арсенневай // Крыніца. 1997. № 7. С. 3–32.
14. Гусоўскі, М. Пра жыццё і подзвігі святога Гіяцынта (фрагменты) / М. Гусоўскі; пер. з лац. Ж. Некрашэвіч-Кароткай // Наша вера. 2007. № 3. С. 56–61.
15. Гусоўскі, М. Пра змяю; Пра яе ж, з арлом злучаную; Да найяснейшай Валадаркі і Пані Боны...; Яснавяльможнаму Пану Людовіку Альфію... / М. Гусоўскі; пер. з лац. Ж. Некрашэвіч-Кароткай // Беларуская мова і літаратура. 2005. № 3. С. 33–34.
16. Гусоўскі, М. Шматшаноўнаму [біскупу] Плоцкаму суцяшэнне / М. Гусоўскі; пер. з лац. Ж. Некрашэвіч-Кароткай і І. Шкурдзюк // *Studia philologica*: сб. науч. ст. / под ред. Г. И. Шевченко. Вып. V. Минск, 2002. С. 199–200.
17. Гуссовский, Н. О жизни и деяниях божественного Иакинфа / Н. Гуссовский; пер. Я. Порецкого // Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. Вып. 2. Мінск, 1974. С. 159–183.
18. Дарашкевіч, В. І. Паэма жыцця / В. І. Дарашкевіч // Песня пра зубра: на лац., бел., рус. мовах / М. Гусоўскі. Мінск, 1980. С. 171–184.
19. Дорошкевич, В. И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: первая половина XVI века / В. И. Дорошкевич. Минск, 1979.
20. Жлутка, А. Лацінская літаратура як феномен беларускай культуры / А. Жлутка // Спадчына. 1993. № 2. С. 13–21.
21. Жлутка, А. А. Мікола Гусоўскі / А. А. Жлутка // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў. Т. 1: Даўняя літаратура. XI – першая палова XVIII стагоддзя. Мінск, 2006. С. 309–357.
22. Жлутка, А. Міхал Ліцвін / А. Жлутка // Роднае слова. 2004. № 5. С. 85–86.
23. Завіша, Х. Найяснейшаму каралевічу Ёладзіславу... (прадмова); Караламахія (урывак) / Х. Завіша; пер. з лац. Ж. Некрашэвіч-Кароткай // Роднае слова. 2006. № 8. С. 18–20.
24. [Ісаковіч, Язафат] Язафатыда (урывак) // Наша вера. 2008. № 1. С. 37–43.
25. Кавалёў, С. В. Героіка-эпічная паэзія Беларусі і Літвы канца XVI ст. / С. В. Кавалёў. Мінск, 1993.
26. Кавалёў, С. В. Літаратура Беларусі позняга Рэнесансу: жанры, творы, асобы / С. В. Кавалёў. Мінск, 2005.

27. Калеснік, У. Вяртанне зор / У. Калеснік // Полымя. 1971. № 7. С. 196–212.
28. Кароткі, У. Ад Сярэднявечча да Барока: эпохі і стылі ў старажытнай беларускай літаратуры / У. Кароткі // Роднае слова. 2006. № 1. С. 23–26.
29. Кароткі, У. Дакор святому гораду / У. Кароткі // Крыніца. 2001. № 8. С. 154–155.
30. Кароткі, У. Г. «Песня пра зубра» – помнік элітарнай пісьмовай культуры Беларусі / У. Г. Кароткі // Літаратура і мастацтва. 2004. 27 жніўня.
31. Кароткі, У. Пісаў пра мінуўшчыну, думаў пра будучыню... / У. Кароткі // Маладосць. 1997. № 12. С. 89–93.
32. Каталог выданняў XV–XVI стагоддзяў: з фондаў Гродзен. дзярж. гіст.-археал. музея / аўт.-склад. В. І. Шоцік [і інш.]. Слонім, 2003.
33. Ластоўскі, В. Выбраныя творы / В. Ластоўскі; уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. Мінск, 1997.
34. Мацэвіла, А. Я. Неалацінскія паэтычныя творы Андрэя Рымшы: светапоглядны аспект / А. Я. Мацэвіла // Studia philologica: сб. науч. ст. Вып. IV. Минск, 2001. С. 79–83.
35. Мельнікаў, А. А. З неапублікаванай спадчыны: манаграфіі, артыкулы, вершы, матэрыялы навуковай канферэнцыі, успаміны сучаснікаў / А. Мельнікаў. Мінск, 2005.
36. Міндаў, кароль Літвы, у дакумэнтах і сьведчаньнях = Mindowe, rex Lithowie, in litteris et testimoniis / уклад., пер. на бел., камэнт. А. Жлуткі. Менск, 2005.
37. Некрашэвіч-Кароткая, Ж. В. Новолатинская поэзия XVI века как феномен культуры Великого княжества Литовского / Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая // Сравнительное литературоведение (V Поспеловские чтения): теоретический и исторический аспекты : материалы Междунар. науч. конф. Москва, дек. 2001 г. М., 2003. С. 289–294.
38. Некрашэвіч-Кароткая, Ж. В. Функция экспозиции в античных эпических поэмах и в латиноязычном поэтическом эпосе Великого княжества Литовского / Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая // Senoji Lietuvos literatūra. № 21. Vilnius, 2006. С. 81–111.
39. Некрашэвіч-Кароткая, Ж. Гераічны ідэал у лацінамоўнай эпічнай паэзіі Вялікага княства Літоўскага эпохі Рэнэсансу / Ж. Некрашэвіч-Кароткая // На ўшанаванне памяці Ежы Гедройца: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Мінск, 2006. С. 154–166.
40. Некрашэвіч-Кароткая, Ж. В. Мікалай Гусоўскі і яго паэтычны зборнік у беларускім літаратуразнаўстве / Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая // Веснік БДУ. Серыя IV. 2002. № 2. С. 31–36.
41. Некрашэвіч-Кароткая, Ж. В. Паэтыка антычнасці і мастацкая практыка беларускіх лацінамоўных паэтаў эпохі Рэнэсансу / Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая // Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры Белдзяржуніверсітэта. Вып. 8. Мінск, 2007. С. 33–41.
42. Некрашэвіч-Кароткая, Ж. В. «Песня пра зубра» Мікалая Гусоўскага ў кантэксце лацінамоўнай кніжнай культуры Беларусі эпохі Рэнэсансу / Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая // Беларуская мова і літаратура. 2005. № 3. С. 29–32.
43. Парэцкі, Я. І. Вершаваныя творы Сымона Буднага / Я. І. Парэцкі // Беларуская літаратура. Вып. 5. Мінск, 1977. С. 138–144.
44. Парэцкі, Я. І. Іўеўскі педагог Ян Ліцыйні Намыслоўскі / Я. І. Парэцкі // Беларуская літаратура. Вып. 11. Мінск, 1983. С. 169–190.

45. *Парэцкі, Я.* Міхаіл Карыцкі / Я. Парэцкі. Мінск, 1991.
46. *Парэцкі, Я. І.* Невядомыя вершы Міколы Гусоўскага (1523–1533 гады) / Я. І. Парэцкі // Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. Вып. 3. Мінск, 1975. С. 177–183.
47. *Парэцкі, Я. І.* Паэма Яна Вісліцкага «Пруская вайна» / Я. І. Парэцкі, Ю. І. Прэнская // Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. Вып. 1. Мінск, 1973. С. 161–164.
48. *Парэцкі, Я.* Ян Вісліцкі / Я. Парэцкі. Мінск, 1991.
49. *Порецкий, Я. И.* «На жертвоприношение черного быка», «Песня к божественному Себастьяну» и «Победа над турками» Н. Гусовского / Я. И. Порецкий // Вопросы филологии. Вып. 3. Минск, 1973. С. 196–206.
50. *Порецкий, Я. И.* Николай Гусовский / Я. И. Порецкий. Минск, 1984.
51. *Порецкий, Я. И.* Соломон Рысинский: Solomo Pantherus Leusorussus. Конец XVI – нач. XVII в. / Я. И. Порецкий. Минск, 1983.
52. *Прашковіч, М. І.* Паэзія / М. І. Прашковіч // Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры. Т. 1: 3 старажытных часоў да канца XVIII ст. Мінск, 1968. С. 354–364.
53. *Радван, Я.* Радзівіліяда: урыв. з паэмы / Я. Радван; пер. з лац. Ж. Некрашэвіч-Кароткай // ЛіМ. 2001. 24 жніўня.
54. *Сапега, Т.* Нясвіжскія старадрукі XVIII стагоддзя ў бібліятэках і музеях Мінска / Т. Сапега // Мастацкая спадчына Нясвіжа: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Нясвіж, 14 мая 2005 г. Нясвіж, 2005. С. 94–101.
55. *Свежинский, В. М.* Латинский язык в Белоруссии XIV–XVIII вв. / В. М. Свежинский, Г. И. Шевченко // Interlinguistica Tartuensis (Ученые записки Тартуского университета). Вып. VII. 1990. С. 117–126.
56. Францыск Скарына. Зборнік дакументаў і матэрыялаў / прадм., уклад., камент., паказ. В. І. Дарашкевіча. Мінск, 1988.
57. *Цисык, А. З.* Античные реминисценции во введении к поэме Я. Вислицкого «Прусская война» / А. З. Цисык // Славянские литературы в контексте мировой: материалы докл. Междунар. науч. конф. Минск, 1995. С. 186–189.
58. *Цисык, А. З.* «Георгики» Вергилия и новолатинская гуманистическая поэзия Беларуси и Украины XVI в. / А. З. Цисык // Славянские литературы в контексте мировой: материалы докл. Междунар. науч. конф. Минск, 1995. С. 334–338.
59. *Цисык, А. З.* Пламенное слово в защиту веры отцов в поэме Н. Гусовского «О жизни и деяниях Божественного Гиацинта» (De vita et gestis Divi Hyacinthi) / А. З. Цисык, И. А. Шкурдюк // Класична спадшына і сучасне художне мисленне: збірнік навуковых праць до 60-річчя М. І. Борецького. Дрогобич; Черкаси, 2001. С. 91–98.
60. *Шевченко, Г. И.* Концепция преподавания латыни в свете национальных традиций Беларуси / Г. И. Шевченко // Древние языки в системе университетского образования. Исследование и преподавание. М., 2001. С. 83–92.
61. *Шкурдюк, І. А.* Антычныя крыніцы метрычнай формы і жанравых асаблівасцяў паэзіі Мікалая Гусоўскага / І. А. Шкурдюк // Studia philologica: сб. науч. ст. / под ред. Г. И. Шевченко. Вып. V. Минск, 2002. С. 103–109.
62. *Шкурдюк, І. А.* Мікалай Гусоўскі і Рэфармацыя / І. А. Шкурдюк // Studia philologica. Вып. VI. Минск, 2005. С. 67–71.
63. *Шкурдюк, І. А.* Тэма падзвіжніцтва і служэння хрысціянству ў паэме Міколы Гусоўскага «De vita et gestis divi Hyacinthi» («Аб жыцці і дзяннях святога Гіа-

цынта») / I. A. Шкурдзюк // *Studia philologica*: сб. науч. ст. Вып. IV. Минск, 2001. С. 115–121.

64. A. D. 1009: Missio S. Brunonis Querfordensis=1009 metai: šv. Brunono Kverfurtiečio misija / sudarė, šaltiniotyrimus paaiškinimus ir bibliografiją parengė Inga Leonavičiūtė. Vilnius, 2006.

65. *Abramavičius, V.* XVI amžiaus Vilniaus poetai: (Iš ruošiamos knygos «Literatūrinio-meninio Vilniaus vaizdai») / V. Abramavičius // *Literatūros ir meno metraštis*. Vilnius, 1959. C. 339–343.

66. *Academia et Universitas Vilnensis*: Vilniaus universiteto steigimo dokumentai / leidinį sudarė Domas Butėnas. Vilnius, 2004.

67. Ankstyvieji šv. Kazimiero «Gyvenimai»=Casimiriana II: Vitae antiquiores S. Casimiri / sudarė, įvadą ir paaiškinimus parašė Mintautas Čiurinskas. Vilnius, 2004.

68. *Baronas, D.* Trys Vilniaus kankiniai=Tres martyres Vilnenses / D. Baronas. Vilnius, 2000.

69. *Bojeris, L.* Karolių mūšis / L. Bojeris; iš lotynų kalbos vertė B. Kazlauskas. Vilnius, 1981.

70. *Bojeris, L.* Karolomachija: poema / L. Bojeris; iš lotynų kalbos vertė Benediktas Kazlauskas; įvadą parašė Antanas Tyla; pabaigos straipsnį parašė Sigitas Narbutas. Vilnius, 1991.

71. Dainos pasauliui, saulei ir sau=Cantus solo, soli et sibi: Lietuvos XVI–XVII amžiaus poezijos antologija / sudarė Eugenija Ulčinaitė; vertė Aleksandra Bendoriūtė [ir kt.]. Vilnius, 1993.

72. *Dusburgietis, P.* Prūsijos žemės kronika / P. Dusburgietis; vertė L. Valkūnas. Vilnius, 1985.

73. *Gratulatio Vilnae*=Vilniaus pasveikinimas: XVI–XVIII amžiaus tekstų rinkinys / sudarė Eugenija Ulčinaitė; vertė Dalia Dilytė [ir kt.]. Vilnius, 2001.

74. *Husovianas, M.* Giesmė apie stumbro išvaizdą, žiaurumą ir medžioklę / M. Husovianas; iš lot. k. vertė B. Kazlauskas // Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Literatūra. T. 6. Vilnius, 1963. C. 157–181.

75. *Husovianas, M.* Giesmė apie stumbą / M. Husovianas; iš lotynų kalbos vertė Benediktas Kazlauskas. Vilnius, 1977.

76. *Husovianas, M.* Raštai=Opera / M. Husovianas; iš lotynų kalbos vertė Benediktas Kazlauskas [ir kt.]. Vilnius, 2007.

77. *Index librorum Latinorum Lituaniae saeculi quinti decimi et sexti decimi*=XV–XVI a. Lietuvos lotyniškų knygų sąrašas / concinnaverunt Daiva Narbutienė et Sigitas Narbutas. Vilnius, 2002.

78. *Index librorum Latinorum Lituaniae saeculi septimi decimi*=XVII a. Lietuvos lotyniškų knygų sąrašas / concinnaverunt Daiva Narbutienė et Sigitas Narbutas. Vilnius, 1998.

79. *Janociana sive Clarorum atque illustrium Poloniae auctorum mecenatumque memoriae miscellae*. Varsaviae et Lipsiae: Apud Michaellem Groellium. Vol. I. A. R. S. MDCCCLXXVI (1776); Vol. II. A. R. S. MDCCCLXXIX (1779).

80. *Jurgelėnaitė, R.* Lotyniškoji laidotuvių poezija: XVI amžiaus pabaigos Vilniaus akademijos tekstų retorinė analizė / R. Jurgelėnaitė. Vilnius, 1998.

81. *Kazlauskas, B.* Jono Radvano poema «Radviliada» / B. Kazlauskas // *Literatūra*. T. 8. Vilnius, 1965. C. 277–303.

82. *Kazlauskas, B.* Mikalojus Husovianas ir jo giesmė apie stumbą / B. Kazlauskas // *Literatūra*. T. 6. Vilnius, 1963. C. 141–155.

83. *Lasickis, J.* Apie žemaičių, kitų sarmatų bei netikrų krikščionių dievus / J. Lasickis; iš lotynų k. vertė Leonas Valkūnas. Vilnius, 1969.

84. *Liauksminas, Ž.* Rinktiniai raštai=Opera selecta / Ž. Liauksminas; sudarytojas Bronius Genzelis. Vilnius, 2004.

85. *Lietuvis, M.* Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius / M. Lietuvis; iš lotynų k. vertė Ignas Jonynas. Vilnius, 1966.

86. Lietuvių literatūros istorijos chrestomatija / redagavo K. Korsakas ir J. Lebedys. Vilnius, 1957.

87. Motiejus Kazimieras Sarbievijus Lietuvos, Lenkijos, Europos kultūroje=Mathias Casimirus Sarbievius in cultura Lithuaniae, Poloniae, Europae: Tarptautinės mokslinės konferencijos, skirtos poeto 400-ųjų gimimo metinių jubiliejui, medžiaga / sudarė Eugenija Ulčinaitė. Vilnius, 1998.

88. *Narbutas, S.* Enciklopedinis žinynas «Senosios Lietuvos raštija»: Sumanymas ir metmenys / S. Narbutas // Senoji Lietuvos literatūra. № 22. Vilnius, 2006. C. 295–322.

89. *Narbutas, S.* Latinitas LDK raštijos raidoje / S. Narbutas // Senoji Lietuvos literatūra. № 21. Vilnius, 2006. C. 137–164.

90. *Narbutas, S.* Tradicija ir originalumas Jono Radvano «Radviliadoje» / S. Narbutas. Vilnius, 1998.

91. *Narbutienė, D.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos lotyniškoji knyga XV–XVII a. / D. Narbutienė. Vilnius, 2004.

92. *Oderbornas, P.* Didžiojo Maskvos kunigaikščio Ivano Vasiljevičiaus gyvenimas / P. Oderbornas; iš lotynų kalbos vertė, komentarus parašė ir rodykles sudarė Sigitas Narbutas. Vilnius, 1999.

93. *Olizarovijus, A. A.* De politica hominum societate=Apie pilietinę žmonių bendruomenę / A. A. Olizarovijus; lotynišką tekstą parengė ir į lietuvių kalbą vertė Jolita Sarcevičienė. Vilnius, 2003.

94. Pirmasis Lietuvos Statutas. T. 2, d. 1: Tekstai senąja baltarusių, lotynų ir senąja lenkų kalbomis=Тексты на старобеларусском, латинском и старопольском языках / tekstus parengė S. Lazutka [ir kt.]. Vilnius, 1991.

95. *Radvanas, J.* Radviliada / J. Radvanas; parengė, įvadą, komentarus ir asmenų žodynėlį parašė, iš lotynų kalbos vertė Sigitas Narbutas. Vilnius, 1997.

96. *Risinskis, S.* Trumpas pasakojimas apie garsiuosius šviesiausiojo didiko, Biržų ir Dubingių kunigaikščio Kristupo Radvilos žygius / S. Risinskis; parengė, iš lotynų kalbos vertė, komentarus ir pratarmę parašė Sigitas Narbutas. Vilnius, 2000.

97. *Ročka, M.* Apie Sarbievijaus poetiką / M. Ročka // Senosios lietuvių literatūros baruose. Vilnius, 1971. C. 15–62.

98. *Ročka, M.* Dėl XV a. pabaigos ir XVI a. pradžios Lietuvos knygų / M. Ročka // Iš bibliografijos aruodų. Vilnius, 1985. C. 137–155.

99. *Ročka, M.* Lietuviškoji Petro Roizijaus poezijos tematika ir jo kultūrinė veikla Lietuvoje / M. Ročka // Literatūra. T. 8. Vilnius, 1965. C. 130–153.

100. *Ročka, M.* Lietuvos lotyniškos knygos / M. Ročka // Literatūra. T. 27 (3). Vilnius, 1985. C. 24–27.

101. *Ročka, M.* Mykolas Lietuvis / M. Ročka; specialusis redaktorius S. Narbutas. Vilnius, 1988.

102. *Ročka, M.* V. J. Agripa – kultūros veikėjas ir literatas / M. Ročka // Literatūra. T. 10. Vilnius, 1967. C. 45–68.

103. *Sarbievijus, M. K.* Lemties žaidimai=Ludi fortunae: Poezijos rinktinė / M. K. Sarbievijus; parengė, įvadą ir komentarus parašė Eugenija Ulčinėitė, vertė iš lotynų į lietuvių kalbą Ona Dukšienė, Rita Katinaitė, Eugenija Ulčinėitė. Vilnius, 1995.

104. *Šaton, U.* De latinitate semper viva / U. Šaton // *Studia philologica*: сб. науч. ст. Минск, 1996. С. 42–44.

105. Šešioliktojo amžiaus raštija / sudarytojai Algis Samulionis, Rasa Jurgelėnaitė, Darius Kuolys. Vilnius, 2000.

106. Šv. Kazimiero gyvenimo ir kulto šaltiniai=Casimiriana: fontes vitae et cultus S. Casimiri / sudarė, vertė, įvadą ir paaiškinimus parašė Mintautas Čiurinskas. Vilnius, 2003.

107. *Urban, W.* Cracovia Lithuanorum saeculis XIV–XVI. Lietuvių Krokuva XIV–XVI amžiais / W. Urban, S. Lūžys; iš lotynų k. vertė A. Vaškelenė. Vilnius, 1999.

108. *Ulčinėitė, E.* Древняя литовская литература как интердисциплинарный объект исследования / E. Ulčinėitė // *Senoji Lietuvos literatūra*. Kn. 18. Vilnius, 2005. С. 55–58.

109. *Ulčinėitė, E.* Baroko retorika: normatyvizmas ir novatoriškumas / E. Ulčinėitė // *Senoji Lietuvos literatūra*. T. 1: Senosios literatūros žanrai. Vilnius, 1992. С. 183–192.

110. *Ulčinėitė, E.* Baroque Literature in Lithuania / E. Ulčinėitė. Vilnius, 1996.

111. *Ulčinėitė, E. K.* Kojelavičiaus retorikos problematika / E. Ulčinėitė // *Literatūra*. T. 25 (3). Vilnius, 1983. С. 48–53.

112. *Ulčinėitė, E.* Koncepto teorija XVII a. retorikos moksle / E. Ulčinėitė // *Literatūra*. T. 34 (3). Vilnius, 1992. С. 13–20.

113. *Ulčinėitė, E.* Lietuvos Renesanso ir Baroko literatūra: monografija / E. Ulčinėitė. Vilnius, 2001.

114. *Ulčinėitė, E.* Literatura łacińska; Literatura okolicznościowa / E. Ulčinėitė // *Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego: Analizy i obrazy* / oprac. V. Ališauskas, L. Joavaiša, M. Paknys etc.; przekład P. Bukowiec, B. Kałęba, B. Piasecka. Kraków, 2006. С. 282–299; 300–315.

115. *Ulčinėitė, E.* Literatura neolacińska jako świadectwo litewskiej świadomości państwowej i narodowej / E. Ulčinėitė // *Łacina w Polsce: zeszyty naukowe* / pod red. J. Axera. Z. 1–2: Między Slavia Latina i Slavia Orthodoxa. Warszawa, 1995. С. 27–43.

116. *Ulčinėitė, E.* Sarbievijus Vilniaus universitete / E. Ulčinėitė // *Literatūra*. T. 17 (1 b). Vilnius, 1975. С. 59–67.

117. *Ulčinėitė, E.* Stiliaus rūšys ir funkcijos XVII a. retorikoje / E. Ulčinėitė // *Literatūra*. T. 20 (3). Vilnius, 1978. С. 52–62.

118. *Ulčinėitė, E.* Teoria retoryczna w Polsce i na Litwie w XVII wieku: próba rekonstrukcji schematu retorycznego / E. Ulčinėitė. Wrocław [i in.], 1984.

119. *Vijūkas-Kojalavičius, A.* Lietuvos istorijos įvairenybės. T. 1: De rebus anno 1648 et 1649 contra Zaporovios Cosacos gestis; Fasti Radiviliani / A. Vijūkas-Kojalavičius; parengė Darius Kuolys; iš lotynų kalbos vertė Darius Antanavičius, Sigitas Narbutas. Vilnius, 2003.

120. *Vijūkas-Kojalavičius, A.* Lietuvos istorijos įvairenybės. T. 2: Miscellanea rerum ad statum Ecclesiasticum in Magno Ducatu Lituaniae pertinentium / A. Vijūkas-Kojalavičius; sudarė Darius Kuolys; iš lotynų kalbos vertė Rasa Jurgelėnaitė; vertimą parengė ir leidinį redagavo Ona Daukšienė. Vilnius, 2004.

121. *Vijūkas-Kojalavičius, A.* Lietuvos istorija / A. Vijūkas-Kojalavičius; iš lotynų kalbos vertė Leonas Valkūnas, įvadą parašė Juozas Jurginis. Vilnius, 1988.
122. Vilniaus Akademijos vizitatorių memorialai ir vyresniųjų nutarimai / sudarė Eugenija Ulčinaitė ir Algirdas Šidlauskas. Vilnius, 1987.
123. Vilniaus universiteto bibliotekos paleotipai: katalogas / sudarė Nojus Feigelmanas, Irena Daugirdaitė, Petras Račius. Vilnius, 2003.
124. *Vislicietis, J.* Prūsų karas=Bellum Prutenum / J. Vislicietis; parengė ir išvertė Eugenija Ulčinaitė. Vilnius, 1997.
125. *Volanas, A.* Rinkiniai raštai / A. Volanas; sudarė Marcelinas Ročka ir Ingė Lukšaitė. Vilnius, 1996.
126. Vygandas Marburgietis. Naujoji Prūsijos kronika / vertė Rimantas Jasas; mokslinis redaktorius Kęstutis Gudmantas. Vilnius, 1999.
127. *Wagneris, E.* Prūsijos lietuvių gyvenančių Įsruties ir Ragainės apskrityje, butis ir papročiai / E. Wagneris; iš lotynų kalbos vertė Arvydas Baronas; spaudai parengė Eugenija Ulčinaitė. Vilnius, 1999.
128. XV–XVI amžiaus knygos Kauno bibliotekose=Libri saeculi quinti decimi et sexti decimi ex bibliothecis Caunensibus: katalogas / sudarė Sigitas Lūžys, Rita Urbaitytė, Irena Vitkauskienė. Vilnius, 2006.
129. XVI–XVII a. lituanika Lietuvos mokslų akademijos bibliotekoje=Lithuanica saeculi sexti decimi et septimi decimi ex Bibliotheca Academiae Scientiarum Lithuaniae: katalogas / sudarė Daiva Narbutienė, Violeta Radvilienė, Dalia Rauckytė-Bikauskienė. Vilnius, 2007.

Ю. А. Сединина-Барковская

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА МИНОТАВРА
В СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

**(на материале дилогии Г. Л. Олди
и А. Валентинова «Нам здесь жить» и трилогии
Ю. Брайдера и Н. Чадовича «Охота на Минотавра»)**

И снова различаю под ногою
зловещий след в пыли. И слышу снова,
как вечера, сойдясь в кольцо тугое,
рокочут ревом или эхом рева.

Х. Л. Борхес «Лабиринт»

Использование различных пластов древней мифологии, и в первую очередь мифологии античной, при разработке собственной знаковой системы, как нами неоднократно отмечалось ранее, уже давно стало одной из отличительных особенностей современной фантастической литературы. Одним из наиболее выразительных и предоставляющих обширное поле для различного рода аллюзий и толкований является с детства известный практически любому человеку миф о Минотавре. В предыдущем выпуске данного сборника нами анализировалась особая смысловая нагрузка указанного образа и связь его трактовки с античными источниками в дилогии «Нам здесь жить» признанных мастеров жанра – украинских фантастов Д. Громова, О. Ладыженского (псевдоним – Г. Л. Олди) и А. Шмалько (псевдоним – А. Валентинов). Однако нам показалось уместным вернуться к данному образу и более подробно остановиться на не рассмотренных нами ранее аспектах преломления в нем традиционной мифологии, но на этот раз в сопоставлении с трилогией «Охота на Минотавра» ведущих представителей белорусской фантастической литературы Ю. Брайдера и Н. Чадовича. Данная трилогия посвящена путешествиям в ментальном пространстве нашего современника, бывшего студента и жертвы теракта Олега Наметкина (по забавному совпадению, тезки главного героя «Нам здесь жить» – Олега Залесского), вместе с высокой степенью инвалидности получившего способность оказываться, причем в буквальном смысле слова, в шкуре представителей различных эпох и народов. В сущности, авторы представляют нашему вниманию любопытную нетехногенную интерпрета-

цию традиционного сюжета о машине времени, которая позволяет им продемонстрировать собственную трактовку мифа через восприятие героя, уже (хотя бы в общих чертах) знакомого с трактовкой традиционной, что кажется нам интересным творческим решением. Первый роман трилогии «Гвоздь в башке» как раз и повествует нам о пребывании героя на Крите и многоступенчатых попытках не допустить вытеснения человеческой расы расой минотавров.

В первую очередь нам кажется уместным рассмотреть ономастический аспект персонажей. Большинство античных источников миксантропическое мифологическое существо, фигурирующее в указанном мифе, традиционно именуется Минотавром – «быком Миноса» (греч. ταύρο~ ‘бык’). Именно данную номинацию мы встречаем в романе Г. Л. Олди и А. Валентинова, причем чаще всего в виде уменьшительно-ласкательной производной Миня. Однако Плутарх, излагая в числе прочих материалистическую версию подвига Тесея, ссылается на труды историка конца IV в. до н. э. Филохора и называет противником греческого героя полководца минойцев Тавра, знаменитого своей надменностью и жестокостью (Плутарх. Тесей. 19). Первый Ватиканский Мифограф также упоминает Тавра в качестве писца Миноса и любовника Пасифаи, объясняя происхождение имени Минотавр следующим образом:

«Так как она родила близнецов, одного от Миноса, другого от Тавра, то и говорят, что она родила Минотавра» (I, 43, 12 [10, 87]).

В свою очередь, в «Мифологической библиотеке», приписываемой Аполлодору, указывается собственное имя рассматриваемого нами мифологического существа, в то время как традиционное «Минотавр» выступает скорее в качестве прозвища:

«Появившийся бык сошелся с ней, как с настоящей коровой, и Пасифая родила Астерия, прозванного Минотавром» (III, 4 [1, 49]).

Вариант данного имени мы находим и у Павсания:

«...Тесей <...> победив Астериона, сына Миноса, вернулся с Крита» (Павсаний. Описание Эллады. II, 31, 1 [9, 175]).

Следует отметить, что мы также встречаем у Павсания номинацию «Минотавр», однако она довольно последовательно сопровождается уточнением «так называемый» (I, 22, 5; I, 27, 8; III, 18, 7).

В начале романа Ю. Брайдер и Н. Чадович, определяя имя мифологического героя, компилируют различные источники:

«Мне до сих пор неизвестно – по-прежнему ли там царствует Минос или власть перешла к свирепому Астерию, называемому также Тавром» [2, 7].

Следует отметить, что авторы не уточняют, называют ли Минотавра данными именами современные ему греки и критяне, либо указанные сведения почерпнуты Олегом Наметкиным из научной литературы, старательно проштудированной им перед визитом на Крит. Впрочем, имя «Тавр» употребляется авторами только один раз, в приведенном выше отрывке, в дальнейшем же за указанным персонажем прочно закрепляется имя «Астерий». Что касается номинации «Минотавр», то данное существо в соответствии с определением, содержащемся в «Мифологической библиотеке», воспринимает его именно как прозвище:

«Хотя на прозвище “минотавр” я не обижаюсь. Надо ведь нам как-то называться. Не людьми же!» [2, 19].

Как мы видим из приведенного отрывка, указанное прозвище также рассматривается в качестве вербальной возможности противопоставить себя человеческой расе:

«Стесняться нужно не нам, богоизбранным минотаврам, а вам, обезьяньим отродьям. Ваши дни сочтены! Скоро над миром воцарится совсем другая раса!» [2, 19].

Следует заметить, что указанное определение людей, в свою очередь, является явным анахронизмом. Однако в дальнейшем размножившаяся с течением времени раса минотавров получает иное самоназвание – «кефалогереты»:

«Кефалогереты – вот, значит, как называют себя минотавры. Как же это лучше перевести? Если дословно, то собиратели голов. Не чужих, конечно, а своих собственных. В том смысле, в каком Геракла можно назвать собирателем физической мощи. Но понятнее и проще будет – головастые. Так иногда величают самого Зевса.

“О, Зевс Головастый, покровитель чужеземцев...” Уж и не помню, откуда это. Кажется, из “Немезиды” Кратина...” [2, 233].

Особо следует подчеркнуть, что «кефалогерет», а точнее «кефалегерет» (греч. *kefalhger1th~*), отнюдь не является традиционным эпитетом Зевса, а представляет собой авторский каламбур одного из ведущих представителей «древней» аттической комедии Кратина (умер около 420 г. до н. э.), созданный по образцу гомеровского «нефелегерет» (греч. *nepel1hger1th~* ‘тучесобиратель’). Мы встречаем его в комедии «Хирон»:

Со древним Кроном, прю соединившим браком,
Тиранна мощного произвели на свет.
Бессмертными прозван он «Кефалегерет».

Перевод С. Дестуниса

Однако и в приведенном выше отрывке, и в достаточно вольно цитируемой авторами «Немезиде» под личиной верховного божества скрывается Перикл, крупнейший государственный деятель Афин и постоян-

ная мишень ядовитых нападок современных ему комедиографов. Вышеупомянутые остроты в своем жизнеописании Перикла приводит Плутарх, указывая также и причину, породившую достаточно большое количество весьма обидных для выдающегося политика прозвищ:

«Тело его не имело никакого недостатка; только голова несколько была продолговата и несоразмерна. По этой причине в изображениях представлен он всегда со шлемом – по-видимому, художники не хотели обнаружить сего безобразия» (Плутарх. Перикл. 3 [11, 213]).

Вне всякого сомнения, именно данный факт оказал влияние на создателей «Охоты на Минотавра», позволив им также снабдить своего героя шлемом, используемым им для маскировки своей неординарной наружности:

«Незнакомец был одет в хитон из грубой ткани и простой солдатский шлем с поперечной прорезью для глаз. Обычно вне боя такие шлемы носят на затылке, но сейчас он был надвинут на лицо...

Внимательно присмотревшись, я произнес:

Ну и шлем у тебя! Таких здоровенных я отродясь не видел.

Голова не маленькая, – солидно ответил он. – Пришлось изготавливать по особому заказу» [2, 16–17].

Образ шлема появляется и в «Нам здесь жить», в финальной части романа, описывающей неравную схватку обитателей Города с вторгшимися на их территорию правительственными войсками, но на этот раз уже в виде ассоциации, невольно возникающей у человека рациональной реальности при столкновении с реальностью мифологической:

«Что-то встает с земли – с грязного мокрого асфальта. Человек! Человек?!...

Тот, кто встал с асфальта, слишком высок. Слишком широкоплеч. Слишком...

Солдаты вновь кидаются вперед, и я лишь успеваю заметить шлем – странный рогатый шлем на голове у высокого, кого только что топтали и били прикладами. Он с ревом бросается на врагов, одним движением сбивая наземь полдюжины черных подшлемников. Остальные вновь отбегают, вскидывают автоматы...

Валентин-Валько подходит к неподвижному черному телу, опускается на корточки, гладит убитого по выпуклому крутому лбу. И вдруг я понимаю, что на неведомом Мине не шлем и не карнавальная маска...» [8, 357–360].

Внешний облик Минотавра в романе Г. Л. Олди и А. Валентинова действительно практически ничем не отличается от традиционных мифологических представлений. Разве что одеждой, но ее, разумеется, диктуют уже требования современности:

«Массивный торс, сплошь в космах бурой шерсти, увенчан тяжкорогатой головой; бугрятся узлами мускулов длинные, до колен свисающие руки, тупые когти на

корявых пальцах... зато чресла чудовища затянуты в самую что ни на есть обыкновенную “варенку”, и из бахромы штанин торчат лохматые бабки с копытами» [7, 290–291].

В свою очередь, Ю. Брайдер и Н. Чадович в значительной степени отступают от мифологической традиции, и Минотавр в их изображении представляется отнюдь не миксантропическим существом, а определенной мутацией:

«Конечно, под шлемом скрывалась отнюдь не бычья морда. Но и не человеческая голова в привычном смысле этого слова.

Никаких рогов, естественно, не было и в помине, однако на висках торчали внушительные шишки, зрительно увеличивавшие размер черепа едва ли не вдвое. Лицевые кости, особенно нос и скулы, резко выдавались вперед, отчего рот казался непропорционально маленьким и каким-то кривым, а чересчур широко поставленные глаза почти соседствовали с ушами» [2, 18].

О человеческой природе Минотавра в указанном романе свидетельствуют и археологические данные о якобы обнаруженном во время раскопок на Крите перед Первой мировой войной скелете, принадлежавшем «вовсе не человеку-быку, что было бы нонсенсом, а именно человеку, пусть и человеку иной биологической формации. Куда более мощному и, если судить по отпечаткам коры головного мозга, оставшимся на внутренней поверхности черепа, куда более сообразительному, чем мы с вами...» [2, 124].

Следует отметить, что попытки материалистического объяснения происхождения Минотавра предпринимались уже в античные времена, что мы наглядно продемонстрировали в приведенных выше отрывках. Гераклит в сочинении «О невероятном» подчеркнуто категорично отмечает не только возможность происхождения потомства от союза женщины с быком, но и саму реальность подобного союза:

«...ведь было бы смешно, если бы царица стремилась к неосуществимой связи» (7).

Однако еще более вдумчивый подход к данной проблеме мы находим в «Описании Эллады» Павсания, который, также в целом подвергая сомнению традиционную мифологическую версию, все же допускает возможность нечеловеческого внешнего вида Минотавра и предлагает для объяснения именно теорию мутации, на которую опираются Ю. Брайдер и Н. Чадович:

«...так как предание об этом не сохранилось, то неизвестно, был ли Минотавр человек или зверь, но и в наше время женщины рожают еще более чудесные, чем он, существа» (I, 24, 1 [9, 80]).

С проблемой определения природы Минотавра довольно тесно связан вопрос о его отцовстве. Даже материалистические античные толкования древнего мифа обычно признают Минотавра плодом внебрачной связи критской царицы Пасифаи. Мифологические источники еще более однозначно видят в нем наглядную улику супружеской неверности и противоестественной страсти:

Рода позор между тем возрастал. Пасифаи измену
Гнусную всем раскрывал двуединого образ уroda.
Принял решение Минос свой стыд удалить из покоев...

*Овидий. Метаморфозы. VIII, 155–158,
перевод С. Шервинского [6, 169]*

Астерием в романе Ю. Брайдера и Н. Чадовича подобная версия категорично воспринимается как оскорбительная дезинформация, распускаемая недоброжелателями. Обоснованность негодования героя косвенно подтверждается и предсказанием Дельфийского оракула, якобы полученным Минотавром, где последний однозначно назван «законным наследником Миноса» [2, 21].

Значительно сложнее обстоит дело с происхождением Минотавра в дилогии Г. Л. Олди и А. Валентинова. Ни одна из классических мифологических версий не находит своего отражения в романе, поскольку не соответствует авторской концепции произведения. В данном случае Минотавр является скорее не мифологическим, а литературно-мифологическим героем, обретшим материальное воплощение персонажем романа писателя-фантаста и демиурга новой постэсхатологической реальности Алика Залесского «Бык в Лабиринте» (авторское название – «Люди, боги и я»). В соответствии с литературной традицией, восходящей к новелле Х. Л. Борхеса «Дом Астерия», роман был написан от первого лица и первоначально включал не только древнегреческий период, но и злоключения затравленного Минотавра в родном Городе автора. В момент сильнейшего эмоционального потрясения Алик уничтожает современную часть романа:

«Не дам! Я сюда душу вкладывал, в эти строчки, в этого несчастного Миньку, вынужденного скрываться в подвалах и канализационных трубах... не дам!

И твердой рукой я убил текст. Издатель получит своих греков, Тезея и гору подвигов, а это – выкусите!» [7, 295].

Сжигая страницы распечатки на конфорке-«алтарке», герой практически совершает традиционное для жителей Города, существующих в условиях мифологической реальности, но исполненное совершенно нового смысла жертвоприношение, в свою очередь преобразуя реальность

и иницируя материальное воплощение Миньки. Следует отметить, что мотив «вложения души» в целом занимает важное место в структуре романа.

В применении к мифологическому времени всякие попытки хронологии, без сомнения, представляются довольно условными, да и мифологическая традиция не позволяет высказать более-менее однозначное предположение о возрасте Минотавра. Согласно большинству источников, Тесей отправился на Крит с третьим посольством, однако мифографы серьезно расходятся в определении временных промежутков, назначенных Миносом для уплаты человеческой дани. Если следовать Аполлодору (Эпитома. I, 7) и Диодору Сицилийскому (Историческая библиотека. IV, 61), афиняне должны были отправлять корабль с двумя семерками приговоренных раз в девять лет, однако Гигин называет указанную дань ежегодной (Мифы. 41), а соответствующее место у Плутарха (Тесей. 15), согласно комментарию С. Дестуниса, вообще можно трактовать двояко: каждые девять лет либо ежегодно в течении девяти лет [11, 1309]. Следовательно, мифологический возраст Минотавра может варьироваться от весьма юного до вполне сознательного. Поэтому неудивительно, что авторы исследуемых произведений, даже опираясь на данные античной мифологии, в этом отношении также представляют себе Минотавра абсолютно по-разному. Ю. Брайдер и Н. Чадович определяют дань Афин Криту как ежегодную, а герой является мужчиной в полном расцвете жизненной силы, описываемым в соответствии с характеристикой, данной Филохором полководцу критян Тавру, пользовавшимся на Крите большим влиянием (Плутарх. Тесей. 16):

«Боги наградили его всеми доблестями, присущими воину: силой, быстротой, выносливостью, неукротимостью. Здесь, на Крите, ему нет равных ни в борьбе, ни в кулачном бою, ни в поединке на мечях, ни в гонке колесниц» [2, 14].

Трехгодичный цикл также фигурирует в романе Г. Л. Олди и А. Валентинова, однако поскольку действие происходит в мифологической реальности недалекого будущего, то мотив жертвоприношения полностью устранен из данной линии романа. Именно за три года до начала действия романа Миня появляется на окраинах Города, предельно перепуганный непривычной и явно недружелюбной обстановкой. Что же касается возраста героя, то авторами неоднократно подчеркивается его крайняя юность и абсолютно детская доверчивость и трогательность:

«Он смотрел на меня сверху вниз (роста в бугае было добрых два метра), а казалось, что – снизу вверх. Как сын, с надеждой глядящий на строгого отца.

“Папа, можно мне пойти погулять?”

Косматая ручища неуверенно скребет ногтями по моей груди.

...Чадо соображает с полуслова и резво топает в обход кинотеатра, время от времени оглядываясь на меня: не отстал ли? Ну точь-в-точь ребенок – и погулять хочется, и потеряться боязно!» [7, 324–325].

Конечно, детский возраст персонажа определяется и его местом в сюжетной канве произведения: demiург новой реальности Алик Залесский сам является человеком средних лет и весьма странно воспринимался бы читателем в роли отца (пусть в первую очередь и литературного) зрелого Минотавра, однако и мифологические источники позволяют подобную трактовку образа. Также нам представляется важным, что в моменты чрезвычайной опасности добрейший и тишайший Миня-ребенок перевоплощается в действительно монументального мифологического героя, самоотверженно встающего на защиту близких ему людей. Подобную трансформацию мы имели возможность наблюдать в приведенном выше описании оккупации Города. В подобных сценах Минотавр поистине обретает некую божественность, заставляя вспомнить, что, согласно комментарию В. Г. Боруховича, на Крите имя Астерий было эпитетом Зевса [1, 163].

Минотавр мира героев дилогии «Нам здесь жить» абсолютно уникален, тогда как Ю. Брайдер и Н. Чадович предлагают нашему вниманию целую расу минотавров, ведущих свое начало от Астерия и его сестры Ариадны, также изображенной в данном произведении как женская особь указанной мутации. При всей своей кажущейся окказиональности данный мотив все же может найти свое обоснование в античной традиции, поскольку, по версии А. Ф. Лосева, в числе прочих аспектов сложнейшего мифологического комплекса, «Минотавр <...> очевидно, был одной из традиционных фигур критской небесной пантомимы». На чернофигурном сосуде для воды (гидрии), хранящемся в Британском музее, изображены три Минотавра, бегущих широкими скачками, с бычьими хвостами и руками, упертыми в бока [4, 208]. Следует отметить, что целый вымышленный народ быкоголовых людей, своим видом подобных греческим изображениям Минотавра, упоминается в «Правдивых историях» Лукиана (II, 44), однако здесь они носят название «букефалы» – «быкоголовые» (греч. βοῦς ‘бык’).

Возможно, на подобную трактовку образа Ариадны, явившейся в романе непосредственной убийцей Астерия, оказало влияние происхождение данного мифологического персонажа от критской богини, часто изображающейся в ипостаси «владычицы зверей» (ῥ3tnia qhr ^n). Поскольку «из богов олимпийского пантеона больше всего минойских элементов

сохранила <...> Артемида» [3, 54], также в данном контексте кажется уместным упомянуть древний сицилийский обычай, исполняемый в честь богини так называемыми буколиастами, которые надевали на головы рога и в качестве приношения Артемиде несли караваи с изображениями животных [5, 42]. Следует отметить, что после возвращения с Крита Тесей соорудил на площади Трезена храм именно Артемиды Сотеры (Спасительницы) (Павсаний. Описание Эллады. II, 31, 1).

Минотавры в романе Ю. Брайдера и Н. Чадовича ощущают себя более совершенной ступенью эволюции, претендуя на титул сверхчеловека и равенство с богами. Действительно, по воле писателей они явно наделены физиологическими преимуществами перед нашей расой. Однако все это достоинства имеют отношение к рациональной сфере, тогда как в духовном и эмоциональном плане уже Астерием демонстрируется, а с течением времени усиленно прогрессирует явная ущербность:

«Этот народ не имел понятия ни о литературе, ни о философии, ни о теологии, а их история, начинавшаяся с Астерия Непобедимого, представляла собой всего лишь приукрашенный и недостоверный перечень быкочеловечьих побед, описанных по одной и той же примитивной схеме...» [2, 244–245].

В конечном итоге именно данная односторонность приоритетов и приводит к упадку и гибели цивилизации кефалогеретов.

Минька-Минотавр в изображении Г. Л. Олди и А. Валентинова отнюдь не столь грандиозен, в нем гораздо более выражено природное начало, однако благодаря своей способности к любви и самопожертвованию он представляется нам не только гораздо более человеческим, но и в гораздо большей степени воплощающим в себе единство с космическим дыханием вселенной, которое доносят до нас древние мифы.

Вне зависимости от авторской концепции, как нам кажется, можно только приветствовать появление в современной литературе, причем ориентированной на широкий круг читателей, столь разнообразных трактовок знаменитых мифологических образов, причем основывающихся не только на фантазии самого автора (как, к сожалению, происходит в последнее время довольно часто), но и на прочном фундаменте античной мифологии.

Литература

1. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека / Аполлодор. Л., 1972.
2. *Брайдер, Ю. М.* Охота на Минотавра / Ю. М. Брайдер, Н. Т. Чадович. М., 2005.

3. *Зайцев, А. И.* Греческая религия и мифология / А. И. Зайцев. М.; СПб., 2005.
4. *Лосев, А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии / А. Ф. Лосев. М., 1957.
5. *Нильссон, М.* Греческая народная религия / М. Нильссон. СПб., 1998.
6. *Овидий.* Собрание сочинений / Овидий. Т. II. СПб., 1994.
7. *Олди, Г. Л.* Нам здесь жить: в 2 кн. / Г. Л. Олди, А. Валентинов. М., 1999.
Кн. 1: Армагеддон был вчера.
8. *Олди, Г. Л.* Нам здесь жить: в 2 кн. / Г. Л. Олди, А. Валентинов. М., 1999.
Кн. 2: Кровь пьют руками.
9. *Павсаний.* Описание Эллады / Павсаний. Т. I. СПб., 1996.
10. Первый Ватиканский Мифограф. СПб., 2000.
11. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания / Плутарх. М.; СПб., 2006.

Т. В. Федосеева

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ В РАННЕЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

(вторая половина XVII –
первая половина XVIII в.)

Обращение русских драматургов к античным мифам состоялось уже в период зарождения драматургии – во второй половине XVII в. Известно, что в репертуаре первого на Руси театра при дворе царя Алексея Михайловича среди драматических произведений на библейские темы была также «Комедия о Бахусе с Венусом» (1676). Текст пьесы до нас не дошел, однако сохранились список действующих лиц и описание реквизита к спектаклю. На сцене появлялись как известные боги римского пантеона (Бахус, его жена Венус (Венера), их сын Купидон), так и второстепенные, фоновые участники представления (десять пьяниц, десять девиц, три человека пьяниц лежащих и др.) – всего сорок персонажей.

С. Богоявленский отмечает: «Очевидно, комедия была игривого, шутовского характера и изобиловала рискованными положениями; на это указывают как названия персонажей, так и материя, пошедшая в ход» [3, XI]. Действительно, тематика пьесы без труда угадывается уже по подбору ее главных героев: Бахус – веселый покровитель виноделия, Венера – богиня любви, а имя Купидона происходит от латинского *cupidō* 'сильная страсть'.

Сценический антураж комедии отличался эффектностью и пышностью. На фоне искусственных виноградных кистей появлялся Бахус, большая расписанная голова которого была русским эквивалентом античной маски. Колоритная национальная одежда бога (добротные штаны, кафтан, опушенная медведем шапка) и бочка на колесах с «питейным мехом» приходят на смену строгим сценическим одеяниям и механическим приспособлениям античного театра.

Таким образом, одна из первых известных нам пьес русской драматургии с античным мифологическим компонентом имела ярко выраженный развлекательный характер, а ее главные действующие лица представляли собой, вероятно, персонифицированные аллегории. Обозначенные в «Комедии о Бахусе с Венусом» тенденции – стремление к внешней выразительности и эмблематичности в использовании персонажей греко-римской мифологии – прослеживаются и в других драматических произведениях второй половины XVII – первой половины XVIII в.

Обращение драматургов к античным мифам обусловливалось спецификой историко-культурной ситуации указанного периода. Как известно, в России, в отличие от европейских стран, не было Ренессанса. Роль и функции последнего в русской культуре частично взяло на себя сменившее средневековое Барокко, которое было связано, прежде всего, с секуляризацией литературы и просветительскими тенденциями. Разумеется, и древнерусские книжники были знакомы с античной культурой, однако именно отход от церковных канонов стал одной из причин интереса к ней со стороны представителей основных направлений новых литературных жанров – придворной и школьной драмы.

Сюжеты и отдельные персонажи античных мифов в пьесах придворного театра встречаются не так уж часто и используются для придания им занимательности и внешней выразительности. Такого рода произведения (например, «Дафнис, гонимый любовного Аполлона в древо лавровое превращенная» (1715)) а priori соответствовали утонченному вкусу оценивающей их публики – царя и его окружения.

Барочные тенденции в русской литературе, безусловно, способствовали появлению в драматургии античного мифологического компонента. Картина мира в литературе барокко представляла собой пеструю мозаику, разнородные части которой, связанные внутренней логикой, воссоздавали единое целое: «Драма XVII – первой половины XVIII века в полной мере отразила представления своего времени о полной взаимосвязи всего сущего, о макро- и микрокосме: человек в своем строении повторял строение вселенной, человек и природа подчинялись одним и тем же законам» [12, 113]. Таким образом, одной части вселенной в качестве объекта изображения драматургам было недостаточно: в своем творчестве они избегают единообразия и пользуются материалом из разных пластов культуры, поэтому античные мифологические персонажи в их произведениях находятся в естественном соседстве, например, с библейскими героями.

Другой чертой барочного искусства была его направленность не на отображение реально существующего мира, а на трансформирование действительности посредством иносказательности, аллюзий, эмблем. Античные мифологические персонажи в драматических произведениях второй половины XVII – первой половины XVIII в. представляют собой аллегории событий, явлений, действий. Д. Лихачев отмечает, что для русского драматурга этого периода «важны не античные мотивы и символы, а идеи, с которыми они сопряжены» [4, 187].

Настоящим маркером барокко в русской драматургии стал античный мифологический компонент в школьной драме. Именно в ней, как отмечает А. Робинсон, «произошло характерное для переходного истори-

ческого периода сближение старых традиций схоластической риторики с некоторыми, тоже уже немолодыми, традициями гуманистической поэтики, что нагляднее всего выражалось в объединении христианских образов и символов с античными, персонификации средневеково-религиозных добродетелей и представлений греческой и римской языческой мифологии» [10, 188].

Можно выделить несколько причин того, что персонажи античных мифов стали «завсегдатаями» школьных пьес. Прежде всего, упомянем просветительскую, образовательную функцию последних. Школьный театр в России возник в первые годы XVIII в. в Москве, в Славяно-греко-латинской академии. В этом учебном заведении первостепенное значение уделялось изучению античной культуры (греческого и, позже, латинского языков, античной литературы, грамматики, поэтики, риторики, философии), чтению древних авторов (Гомера, Аристотеля, Вергилия, Овидия, Горация). Усвоить такую программу академического обучения без минимальных знаний античной мифологии было бы крайне затруднительно.

Л. Софронова, характеризуя просветительскую функцию школьной драмы, пишет: «Ей подчинялся такой важный риторический прием, как экзemplификация. Распространение произведения многочисленными примерами, служащими усилению темы, считалось обязательным. Все, что отображал поэт и художник, могло подтвердиться примерами, значение которых было заранее известно» [12, 24]. Персонажи античной мифологии прекрасно подходили на роль таких «примеров», поскольку являлись, по сути, объяснением того или иного фрагмента действительно, закрепленным в литературной традиции многих поколений.

Источниками рецепции античного мифологического материала были произведения древних авторов и комментарии к ним (например, в 1725 г. выходит труд «Библиотека, или О богах» Аполлодора с кратким пересказом практически всех античных мифов; в 1722 г. выходит иллюстрированное издание «Овидиевы фигуры в 226 изображениях», имевшее целью познакомить читателя с персонажами античной мифологии из «Метаморфоз» Овидия), а также словари, компендиумы, энциклопедии.

В 1705 г. по заказу Петра I (по свидетельству современников и историков, ценителя и знатока античной культуры) в Амстердаме издается книга «Символы и эмблемата». Приведенное ниже высказывание Д. Благого об этом сборнике очень удачно характеризует все издания второй половины XVII – первой половины XVIII в. подобного рода: «Сборник этот систематически вводил русского человека в круг условных образов и аллегорических представлений, заимствовавших свой материал в зна-

чительной степени из той же античной мифологии, на язык которых переводился мир живой реальности (явлений природы, вещей, понятий). Сборник выращивал и культивировал... особое “иконологическое”, т. е. мифологизированно-аллегорическое мышление» [2, 32].

Среди книг, разъяснявших семантику античных мифологических образов, был особенно популярен трактат немецкого ученого Я. Масена, выдержавший три издания подряд (с 1650 по 1681 гг.), под поистине барочным названием «*Speculum imaginum veritatis occultae Exhibens Symbola, Emblemata, Hieroglyphica, Aenigmata, omni, tam Materiae, quam Formae varietate, Exemplis simul, ac Praeceptis Illustratum*» («Зеркало образов скрытой истины, представляющее символы, эмблемы, иероглифы, загадки различного содержания и формы, с примерами и указаниями к иллюстрациям»).

Другое популярное издание подобного рода – справочник Ф. Ланга, переработавшего и сократившего труд Я. Масена. В книге «*Dissertatio de actione scenica cum figuris eandem explicantibus et observationibus quibusdam de arte comica*» («Рассуждение о сценической игре с разъясняющими ее фигурами и некоторыми наблюдениями о комическом искусстве») (1727) перечисляются персонажи античной мифологии, наиболее часто встречающиеся в школьных пьесах.

Обращение русских авторов школьной драмы к справочным изданиям очевидно, поскольку «набор» античных мифологических персонажей стандартен для большинства из них. Драматурги не претендовали на оригинальность, поскольку целью их творчества была не новизна изображаемого, а его соответствие дидактическим, образовательным, эстетическим целям. Большое внимание уделялось атрибутам мифологического персонажа, его одежде. Внешний вид действующих лиц той или иной пьесы был более информативен, чем их реплики, недаром одно из положений трактата Я. Масена гласило: «Картины и изображения прочнее остаются в душе, чем слова, трогают больше, чем речь» [1, 10].

Наиболее часто в произведениях школьной драмы встречаются боги греко-римского пантеона классического периода, а также миксантропичные персонажи доклассической мифологии; изредка упоминаются персонажи героического периода древнегреческой мифологии (например Язон, Одиссей). Такая избирательность и непопулярность мифологических героев античности вполне закономерны и также являются иллюстрацией господствовавших в русской драматургии конца XVII – начала XVIII в. барочных тенденций.

Д. Лихачев отмечает: «Ценность человеческой личности самой по себе падает в барокко. На место отдельной человеческой личности на

первый план выдвигается в барокко масса, толпа. Отдельный человек деспотически подчиняется в барокко интересам множества» [4, 186].

Герои античных мифов – яркие индивидуальности, как правило, их образы многоплановы, требуют тщательной разработки и, в отличие от образов богов и чудовищ, не эмблематичны. В рамках произведения, где «орнаментальность достигает пределов возможного, изображение мельчится, дробится в узорчатых извивах сюжета» [5, 156], бытование семантически объемных образов было бы весьма затруднительным.

Античные мифологические персонажи интегрировались в драматические произведения несколькими способами. Во-первых, их имена могли упоминаться другими действующими лицами. Такое упоминание реализовывало орнаментальную функцию произведения и придавало персонажу весомость, значимость, косвенно указывая, к тому же, на образованность самого автора пьесы. Во-вторых, боги появлялись (с репликами или без них) для того, чтобы произвести впечатление на зрителя. В-третьих – и это стало новшеством школьной драмы, в отличие от античной – античные мифологические персонажи появляются в завязке, становясь субъектами драматического действия.

Барочным многообразием отличается интерпретация античных мифологических персонажей. Так, в «Образе победоносия» (20-е гг. VIII в.) И. Хмарного Орфей упоминается как символ музыки, пляшущие Сатиры – веселья, Фортуна – удачи. В «Славе российской» (20-е гг. XVIII в.) Ф. Журавского Нептун является символом успехов российского флота, Паллас (Афина Паллада) – наук, Марс – военных побед, а в совокупности эти персонажи символизируют славу России. В «Действии о короле Гишпанском» (середина XVIII в.) Марс – олицетворение силы, могущества, удачи. В «Акте или действии о князе Петре Златых ключах и о прекрасной королевне Магилене Неополитанской» (вторая половина XVII в.) Венера и Купидон – олицетворение любви.

Эпизоды драмы «Ужасная измена сластолюбивого жития» (конец XVII в.) могут служить примером морально-этической интерпретации античных мифологических персонажей. С их помощью автор подчеркивает сибаритские привычки Пиролубца, который проводит свою жизнь в удовольствиях разного рода: он то хочет насладиться музыкой и восклицает: «Музи Парнассу! В гусли ударете» [9, 74]; то желает подумать на досуге о чем-нибудь приятном: «Довольно брашна, потехи желает / Мысль насыщена и что ж возбраняет. / Парнасса нимфы, в гусли ударяйте, / Веселой мысли мне с други подайте» [9, 60]; то сообщает о намерении поспать: «Морфеушь к сладку покою вызывает» [9, 61]. Автор подытоживает намеки на излишества, которые, по его мнению, позволяла себе дворянская молодежь, также с привлечением античного мифо-

логического образа: «Сластолюбец чужде / Копит пир к пиру, вечеру к вечера, / Аки бы воду Данаеве дщери / Всуе вливали в сосуды безденны...» [9, 79].

Один из самых ярких примеров исторической интерпретации – это Петр I в образе бога Марса. В «Страшном изображении втораго пришествия господня на землю» (начало XVIII в.) Марс Российский – аллегорический образ русского царя – говорит о своих победах над врагами, а Фортуна поздравляет его, надевает ему на голову венец и вручает меч. В «Торжестве мира православного» (начало XVIII в.) Марс Российский, вооруженный оружием «от адскаго Булкана» [9, 205], созывает войско и устремляется в бой, а после его победы Беллона извещает Александра Македонского и Помпея о том, что их храбрости и величию есть достойный приемник.

Встречаются в школьных пьесах и исключительно тонкие намеки на современную автору политическую ситуацию: так, в «Образе победоносия» Фортуна говорит: «Аще кого возхощу, венцем уведаю, / на престолы и царства того посаждаю» [9, 322]. Эти слова можно расценивать как аллюзию на такое явление русской действительности, как фаворитизм. В «Декламации ко дню рождения Елизаветы Петровны в Тверской семинарии февраля 1745 года» (1744) появление вместе Януса, Марса, Палласа и Астреи – признак политической декламации в традиции школьной драмы.

В религиозной интерпретации античного мифологического материала обитателями ада представляются греческие чудовища: Фурии, Сцилла и Харибда, Горгоны, Ехидна, Гидра. В «Ревности православия» (1704) среди действующих лиц мы встречаем православного Марса и его противниц: Беллону иноверных и Фортуну иноверных; рядом с Марсом здесь же, защищая Церковь и Благочестие, сражается Иисус Навин. В «Страшном изображении...» Марс Российский называется Давидом. Сочетание образов христианской и античной мифологии создает так называемый «двоеверный стиль», характерный для школьной драмы.

Реже, чем контаминация христианских и античных мотивов, встречается противопоставление языческой античности и христианства: в «Венце Димитрию» (XVIII в.) античные боги объединяются в персонаж Многобожие, которому противопоставит Православие, говорящее: «Во имя отца и сына и святого / Духа всемогущаго бога, в троице единого, / Заклинаю тя, престань прелщати народы, / Изчезнь с боги твоими во вечныя годы» [8, 53].

В некоторых драматических произведениях встречается астрологическая интерпретация античных мифологических персонажей. В «Сво-

бождении Ливонии и Ингерманландии» (20-е гг. XVIII в.) упоминаются созвездие Ариадны и планета Марс: «Смотрят звездочетцы на небо чрез свои инструменты. И прежде покажется им планета Марс вооруженный с мечем вооруженным на себе показуя и глаголя: “Аз”» [9, 219], – в этом отрывке содержится намек на Петра I, на его будущие военные победы и на одно из увлечений – астрономию. Известно, что русский царь посещал астрономическую обсерваторию при Навигатской школе и делал заметки о своих наблюдениях за затмениями.

Несмотря на высокую степень условности ранней русской драмы и театра, который «давал лишь общее, схематическое, а не реальное воспроизведение жизни» [6, 62], уже на данном этапе появления античных мифологических персонажей в драматических произведениях имеет место такое направление их рецепции, как демифологизация. В «Славе российской» Марс говорит: «Вы, нозе трудолюбны, ныне / отдохните» [9, 271], а в «Славе печальной» (1725): «Военну шапку сниму, так светлу шпагу, / лучше мне скитаться и ходити нагу» [9, 294]. В репликах богов появляются просторечные слова: в «Славе российской» Нептун говорит России: «Убоятся ты врази, не сотворят драки» [9, 262], а Марс не отстает от него: «Врагом твоим закуски твои будут слани» [9, 264].

Изредка в школьных пьесах появляются элементы осовременивания мифологического персонажа. В «Образе победоносия» Марс вооружен уже не только копьем и щитом, но и огнестрельным оружием и шпагой. В целом, Д. Лихачев справедливо отмечает: «Действительность изображена в произведениях барокко более разносторонне, чем в предшествующих средневековых торжественных и официальных стилях. Человек живописуется в своих связях со средой и бытом, с другими людьми, вступает с ними в “ансамблевые группы”». В отличие от человека в других официальных стилях, “человек барокко” соизмерим читателю» [4, 194].

У школьных драматургов не было стремления к точности в изображении античных мифологических персонажей. В «Акте комедийальном о Калеандре, цесаревиче греческом, и о мужественной Неонилде, цесаревне трапезонской» (1731) олимпийским богам поклоняются татарский шах и черкесский королевич. В «Торжестве мира православного» читаем о Марсе: «Мужество и Фортуна Генеуша Марса роксоланского на торжественном возе, впрягше льва и змию, знамения побежденных, до Капитолия, торжествующих храма, провождают» [9, 206]. Львом и змеей – символами побежденных Швеции и Турции – заменены здесь традиционные кони античного бога. Очень часто в одном произведении перед нами предстают боги разных пантеонов – греческого и римского. В «Образе победоносия», например, ассирийский царь Сенахирим по-

клоняется Юпитеру, Аполлону, Сатурну и Зевсу (причем первый бог является римским аналогом последнего – греческого).

Отметим, что некоторые авторы скрупулезно следовали античному мифу. Так, в «Дафнис...» и персонажи, и фабула, и мотивы в целом соответствуют греческому мифу о любви бога Аполлона к нимфе Дафне, изложенному в «Метаморфозах» Овидия. Автор пьесы демонстрирует уверенное знание предмета: речь героев его произведения насыщена разнообразными примерами из античной мифологии. Например, Аполлон, говоря о силе любви, упоминает и Адониса, и Геракла, страдавших от своих чувств: «Что Адонидес в своем злом юдоле, / Бояся ветру и не идее в поле? / Что и Геркулес, во силах цветящий, / У своей Иолы на лоне лежащий?» [11, 456–457]. Весьма удачно сравнение могущественного и прекрасного Аполлона с возлюбленным Афродиты и самым сильным из греческих героев.

В «Акте о Калеандре и Неонилде» мотив убийства змея поддерживается молитвой Аполлону, что вполне закономерно, поскольку Аполлон известен в том числе и как убийца змея Пифона. Различно отношение к верховному богу Юпитеру (трепетное и почтительное) и Купидону (легкомысленно-фривольное). Юпитер вполне канонично называет себя мужем Юноны, Купидо (Купидон) говорит о себе как о сыне Венеры, а Меркурий дает себе характеристику в духе выдержки из мифологического словаря: «Меркурии же, бог истинно скорейши, раб ваш послушный, в посольстве вернейши» [7, 191].

Таким образом, судя по значительному количеству античных мифологических включений в драматические произведения второй половины XVII – первой половины XVIII в., очевидно, что греко-римская мифология, введенная в литературный «обиход» барочными тенденциями в искусстве, пользовалась популярностью у драматургов, была показателем образованности, эрудиции авторов, придавала пьесам внешнюю выразительность и занимательность.

Античная мифология являлась, по сути, абстрактной нормой, символической системой для обозначения различных понятий, явлений, событий реального мира, в том числе и современной действительности, поэтому мифологические персонажи в пьесах ранней русской драматургии характеризуются эмблематичностью и аллегоричностью. Отметим, что в подборе авторами персонажей наблюдается определенная закономерность: наибольшей популярностью пользуются боги классической олимпийской мифологии. При этом смысловое наполнение тех или иных персонажей легко менялось в зависимости от направления их интерпретации: исторической, религиозной, морально-этической, философской и т. д.

Рецепция античных мифологических персонажей в русской драматургии второй половины XVII – первой половины XVIII в. первичная: авторы пьес черпают информацию не из художественных произведений-посредников, а из словарей, компендиумов, справочных изданий.

Чаще всего рецепция мифа происходит на уровне мифологического персонажа, при этом мотивы, связанные с ним, задействуются поверхностно, в той степени, в какой это необходимо для создания аллегорического образа в произведении, т. е. глубинные основы мифа не затрагиваются.

Основным направлением рецепции античных мифов в ранней русской драматургии является ремифологизация – наполнение мифологического образа новым содержанием, использование его для создания собственной модели мира; редко встречаются демифологизация и осовременивание мифологических персонажей.

Литература

1. *Адрианова-Перетц, В.* Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII–XVIII столетия / В. Адрианова-Перетц // *Старинный спектакль в России*: сб. ст. / Academia; под ред. В. Н. Всеволодского-Гернгросс. Л., 1928.
2. *Благой, Д. Д.* Новое содержание в старых формах. На путях к классицизму / Д. Д. Благой // *История русской литературы XVIII века*. М., 1960. Ч. 1.
3. *Богоявленский, С. К.* Московский театр при царях Алексее и Петре / С. К. Богоявленский. М., 1914.
4. *Лихачев, Д. С.* Барокко в русской литературе XVII века / Д. С. Лихачев // *Развитие русской литературы X–XVII веков*. СПб., 1998. Гл. 5.
5. *Лихачев, Д. С.* Человек в литературе Древней Руси: монография / Д. С. Лихачев // *Избранные работы*: в 3 т. Л., 1987. Т. 3.
6. *Перетц, В. Н.* Театр в России 250 лет тому назад / В. Н. Перетц // *Старинный театр в России (XVII–XVIII вв.)*: сб. ст. / Academia; под ред. В. Н. Перетца. Петроград, 1923.
7. Пьесы любительских театров: сборник / АН СССР, Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького; изд. подгот. В. П. Гребенюк [и др.]; под ред. А. Н. Робинсона. М., 1976.
8. Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII века: сборник / АН СССР, Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького; подгот. к изд. О. А. Державиным [и др.]; под ред. А. Н. Робинсона. М., 1975.
9. Пьесы школьных театров Москвы: сборник / АН СССР, Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького; подгот. к изд. О. А. Державиным [и др.]; под ред. А. С. Демина. М., 1974.
10. *Робинсон, А. Н.* Церемониальная эстетика и придворная литература / А. Н. Робинсон // *Борьба идей в русской литературе XVII века*. М., 1974. Гл. 2.
11. *Русские драматические произведения 1672–1725 годов* / подгот. к изд. Н. Тихоновым. СПб., 1874. Т. 2.
12. *Софронова, Л. А.* Поэтика славянского театра XVII – первой половины XVIII века: Польша, Украина, Россия / Л. А. Софронова. М., 1981.

І. А. Шкурдзюк

ІДЭЙНА-МАСТАЦКІЯ АСАБЛІВАСЦІ
ПАЭМЫ МІКАЛАЯ ГУСОЎСКАГА
«NOVA ET MIRANDA VICTORIA DE TURCIS MENSE IULIO»

*Pacem quam bellum probare.
Tacitus*

*Cedant arma togae, concedat
laurea laudi.
Cicero*

Лацінская літаратура Беларусі прайшла доўгі і складаны шлях развіцця – ад поздняга Сярэднявечча (другая палова XV ст.) да канца эпохі Асветніцтва (першая палова XIX ст.). Лацінамоўная паэзія Беларусі, якая аб’яднала ў сабе багатыя традыцыі антычнай і хрысціянскай літаратур, народнай паэтычнай творчасці, знаходзячыся ва ўзаемасувязі і ўзаемадзеянні з літаратурным працэсам у странах Цэнтральнай і Заходняй Еўропы, адначасова з’яўлялася неад’емным фактарам культурнага развіцця беларускага народа. Як больш зрэлая і распрацаваная, чым маладая нацыянальная літаратура, валодаючы свойствам хутка пераадольваць этнічныя межы, яна першай успрыняла навейшыя ідэалагічныя і эстэтычныя ідэі эпохі, тонка рэагавала на змяненні грамадскага ўсведамлення ў Еўропе. Маючы такое «авангарднае» палажэнне, лацінамоўная літаратура задавала тон развіццю не толькі нацыянальнай беларускай, але і полілінгвальных літаратур Беларусі. Не звязаная з карэнным этнасам у моўных адносінах, творчасць пісьменнікаў-лаціністаў Беларусі тым не менш з усёй выяўнасцю паказала сваю нацыянальную прыналежнасць у самім змесце. У ім знайшлі адлюстраванне самыя разнастайныя падзеі палітычнага і культурнага жыцця краіны, духоўныя пошукі беларускага народу, асаблівасці нацыянальнага менталітэту, рэальні паўсядзённага жыцця розных слаёў грамадства.

Паэтычная спадчына Мікалая Гусоўскага (прыкладна 1477–1533 гг.) належыць да самых выдатных старонак новаляцкай паэзіі Беларусі пачатку XVI ст. У апошнія дзесяцігоддзі пераклады яго слаўтых твораў на беларускую і рускую мовы і іх даследванне – характэрная з’ява ў айчынным літаратуразнаўстве. Творчасць М. Гусоўскага ў Беларусі ў апошні час атрымала пэўнае адлюстраванне і ў айчынных манаграфіях (У. Дарашкевіч, Я. Парэцкі), і ў персанальных публікацыях беларускіх

літаратуразнаўцаў, гісторыкаў, філосафаў і паэтаў. Сярод прац, спецыяльна прысвечаных творчасці М. Гусоўскага, можна назваць толькі ма-награфію Я. Парэцкага «Николай Гусовский» (Мінск, 1984) і раздзел, прысвечаны творчасці паэта, у кнізе У. Дарашкевіча «Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы» (Мінск, 1979).

Аднак сярод ужо добра вядомых твораў М. Гусоўскага – ліра-эпічнай паэмы «Carmen de statura, feritate ac venatione bisontis» («Песня пра зубра»), рэлігійна-дыдактычнай паэмы «De vita et gestis Divi Hyacinthi» («Аб жыцці і подзвігах Святога Гіяцынта») і лірычных вершаў мы знаходзім у польскім выданні І. Пельчара (Hussoviani Nicolai Carmina... Edidit I. Pelczar. Cracovia, 1894) яшчэ адзін твор паэта, але не так шырока вядомы, тым больш падрабязна не аналізаваны з пункту гледжання яго ідэйна-мастацкіх асаблівасцяў – гэта эпічная паэма «Nova et miranda victoria de Turcis mense Iulio» («Новая і слабутая перамога над туркамі ў месяцы ліпені»).

Крытэрыем адбору для характарыстыкі ідэйна-мастацкіх асаблівасцяў гэтай паэмы для нас з’явілася адсутнасць у азначаных вышэй ма-награфіях, прысвечаных творчасці М. Гусоўскага, падрабязнага аналізу гэтай паэмы, таксама як і ў даследваннях апошняга часу па старажытнай беларускай літаратуры (напрыклад: *Лойка, А.* Старабеларуская літаратура / А. Лойка. Мінск, 2001).

Таму мы ў дадзеным артыкуле паспрабуем азначыць некаторыя, най-больш важныя на наш погляд, яе рысы.

Паэма «Nova et miranda victoria de Turcis mense Iulio» была надрукавана ў 1524 г., праз год пасля выдання «Песні пра зубра» у Кракаве ў выдавецтве І. Віетора. Па дадзеных даследчыкаў, у наш час гэтае выданне існуе толькі ў адзіным экзэмпляры.

Спачатку М. Гусоўскі азначае тэму свайго твора: «De Victoria Sere-nissimi Principis et D. Domini Sigismundi Dei gratia Regis Poloniae Magni Ducis Lithuaniae, Russiae Prussiaeque etc. Domini et Heredis adversus Turcos». Паэт падкрэслівае, пры якіх умовах ён напісаў свой твор: знішчэнне ворага апісана адразу ж пасля набытай перамогі. Сам М. Гусоўскі не браў удзелу ў бітве, ён абавіраўся на тое, што гаварыў пра гэтую пера-могу сам народ-пераможца.

Як прызнаецца паэт, гэта невялікая паэма – 174 радкі элегічнага дву-верша – была ім напісана ўсяго за адзін дзень:

Adversum voto tam breve tempus erat.
Una dies tantum scribendi contigit, una
Singula resciri non potuere die (163–166).

Слишком уж краткое время мешало, велело кончать.
 День лишь один я писал, не хватило для точности вестей¹.

Вядома, што гэты твор быў напісаны ўжо вельмі хворым паэтам:

*Si licet et saevi patitur violentia morbi,
 Conabor tristi pectore laeta sequi
 Affectusque animi subducere nitar ab aegro
 Corpore, laetitiae cedat ut ipse dolor (1–4).*

Если, пожалуй, тяжелая хворь мне не будет помехой,
 Грудью печальной отрадную песню попробую спеть.
 Чтоб исцелить свое сердце от тяжких страданий,
 Чтобы, ликуя, душа одолела отчаянья страх.

Аднак, нягледзячы на акалічнасці напісання, гэта паэма і зараз здзіўляе сілай увасаблення гераічнай тэмы, вялікім патрыятызмам. Твор прасякнуты страснай публіцыстычнасцю. М. Гусоўскага, уражанага гэтай перамогай над туркамі каля Трэмбоўля 2 ліпеня 1524 г., напаўняе радасць і гонар, што яна была здабыта простым народам. Паэма М. Гусоўскага – гэта яго грамадзянскі подзвіг, пратэст супраць супакоенасці гаспод перад ворагам, які можа кожны момант зноў пайсці вайною на родную паэту зямлю:

*Sera, vident, res est, si proclametur ad arma
 Publica: spes in eis lapsa iacebat humi (25–26).*

Поздно опомнились: вот призывают народ в ополчение.
 Духом упали, в отчаянье взор безнадёжный застыл.

Паэт не называе ні імёнаў герояў сражэння, ні іх палкаводцаў, бо для яго галоўны герой і стваральнік гэтай славітай перамогі – сам народ.

Значная частка паэмы прысвечана апісанням тых жахаў, што прынесла гэтая бітва. Мы бачым, якім асабістым пачуццём напоўнена сэрца самога паэта ад смерці людзей. М. Гусоўскі супярэжывае, што ў гэты страшэнны час у сэрцы народа пахіснулася нават вера ў Бога. Паэт супрацьпастаўляе веру і адчай людзей, рэалістычна апісвае ўсе жахі і шукае філасофскія карані рэлігійных вераванняў народу [1, 102]:

*Hic caecis plorat pueris, hic coniuge rapta
 Incucat mortem, quod sibi lenta venit.
 Excudit huic lacrimas pectoral pressa dolore
 Vellit cuncubitus filia passa feros.
 Quam pater horrendo morientem vidit in actu*

¹ Тут і далей пераклад Я. Парэцкага [1].

Et maiora sua morte tulissa putat
Ille utero gravidæ transactum coniugus ensem
Atque una luget morte perisse duos.
Iamque salutifero dicunt convicia Christo (87–95).

Этот – убийство детей, а другой – похищение супруги
В жалобе горькой вещает, винит все медлящую смерть!
Слезы из глаз выжимают и сердце болью пронзают
Девушек стоны. Насилье ужасно, его не стерпеть!
Видит отец: погибают в несслыханных дочери муках,
Пытка терзает такая, что лучше уж бы умереть!
В чрево супруги беременной острый клинок погруженный:
Вид уничтоженных близких родных в жилах кровь леденит.
С уст богохульства срываются, бога проклятием поносят.

Палкаводзец звяртаецца да народу з заклікам перайсці ў наступленне, і калі загучалі барабаны – народ кінуўся ў бой. Тут мы бачым цудоўнае разгорнутае параўнанне паэта, які супастаўляе сражэнне з ненавісным ворагам барацьбе львоў і ваўкоў за набытую ахвяру:

Haud aliter capreas saevi insiluere leones,
Dum ventrem torquet perniciofa fames;
Debile non aliter rabies vesana luporum
Dente petit saevo dilaniatque pecus (135–138).

З хрысціянска-гуманістычных пазіцый М. Гусоўскі гаворыць, што за набытую перамогу трэба перш за ўсё дзякаваць Богу:

Debetur summo grata magna Deo (150).

Напрыканцы сваёй невялікай паэмы паэт скардзіцца чытачу яшчэ раз, як і на пачатку, што невялікі час і цяжкая хвароба не дазваляюць яму апісаць з усёй моцай гэтую велічную перамогу народа над туркамі (171–174).

Беларускі даследчык У. Дарашкевіч адзначаў і тое, што лепшыя месцы гэтага твора па-свойму, арыгінальна працягваюць ідэйна-эстэтычную лінію «Песні пра зубра» [2, 143].

Нягледзячы на кароткае жыццё, ва ўсіх сваіх творах М. Гусоўскі імкнуўся да таго, каб сэрцы яго чытачоў напаўняліся веліччу за гістарычнае мінулае свайго народа, за яго духоўную і фізічную сілу.

Такім чынам, асабіста-паэтычнае светаўспрыманне паэта – ягоны пратэст супраць любой барацьбы паміж народамі, заклік да міру – гэта значыць, ізноў, як і ў іншай паэме М. Гусоўскага «De vita et gestis Divi Nyacinthi» – прасласлаўленне хрысціянска-гуманістычных каштоўна-

сцяў, робяць твор, як і, напрыклад, славутая «Песня пра зубра» ці гераічны эпас суайчынніка паэта Яна Вісліцкага «Пруская вайна», пачаткам гераічна-эпічнай паэзіі, якая знойдзе сваё далейшае развіццё на землях Вялікага княства Літоўскага ў канцы XVI ст. [3].

Далейшы, больш падрабязны мастацка-эстэтычны аналіз паэмы Мікалая Гусоўскага «Nova et miranda victoria de Turcis mense Iulio», разгледжанне яе вобразаў і мастацкіх асаблівасцяў у параўнанні з паэмай «Песня пра зубра», пошук антычных рэмінісцэнцый, пачынаючы з «Іліяды» Гамэра, «Энеіды» Вергілія і да паэмы Стацыя «Фіваіда», а галоўнае – пераклад твора і каментарыяў да яго на сучасную беларускую мову як сродак зрабіць паэму нашага славутага новалацінскага паэта, песняра роднай зямлі шырока вядомай для сучаснага чытача – вось галоўныя задачы, якія ставіць аўтар гэтага артыкула.

Літаратура

1. *Порецкий, Я. И.* «На жертвоприношение черного быка», «Песня к Божественному Себастьяну» и «Победа над турками» Н. Гусовского / Я. И. Порецкий // Вопросы филологии. Вып. 3. 1973. С. 202–206.
2. *Дорошkevич, В. И.* Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы. Первая половина XVI в. / В. И. Дорошkevич. Минск, 1979.
3. *Кавалёў, С. В.* Гераіка-эпічная паэзія Беларусі і Літвы канца XVI стагоддзя / С. В. Кавалёў. Мінск, 1993.

ПЕРЕВОДЫ

**ЭПІТАЛАМА НА ШЛЮБ
НАЙСВЯТЛЕЙШАГА КНЯЗЯ Ў АСТРОГУ
СПАДАРА ЯНУША, КАШТАЛЯНА КРАКАЎСКАГА,
І КАТАЖЫНЫ, ДАЧКІ СВЯТЛЕЙШАГА І ВЫСАКАРОДНАГА
СПАДАРА СЕБАСЦЬЯНА ЛЮБАМІРСКАГА,
КАШТАЛЯНА МАЛАГАСЦЭНСКАГА
(урывак)**

ЭРАТА

(зварот да Купідона)

Знікай, распусны Купідон,
Не маеш шчырасці святой,
Турбуеш палкім каханнем сваім,
Ты не запрошаны, знікай.

Бярэцца бласлаўлены шлюб,
Не сапсуецца чысціня,
І не распаліш жарсці тут,
Знікай, паганец! Згінь адсюль!

Прыходзь, надзейны Купідон,
Ты будзеш гонар бараніць,
Кахання чыстага выток,
Калі запрошаны, прыходзь.

Прыходзь не толькі падараваць
Каханне, радасць, дабрыню.
Прыходзь таксама гасцяваць
І шлюб у ўзяцце святкаваць.

Любові поясам злучы,
Так іх з'яднай, так спалучы,
Адной душой каб сталі яны,
Каб у згодзе, спакоі доўга жылі.

Пераклад В. Забродскай

Публій Авідій Назон

TRISTIA, IV, 10

Дзякуем, Муза, табе, бо ты нам даеш суцяшэнне.
Ты – супакой ад турбот, ты як гаючы бальзам.

TRISTIA, I, 9

Будзе багата сяброў, пакуль ты будзеш шчаслівым.
Прыйдуць смутку часы – зараз жа станеш адзін.
Пераклад Я. Прыстаўкі

Марк Валерый Марцыял

I, 112

Покуль не ведаў цябе, называў царом і васпанам.
Як жа пазнаўся, сказаў: «Даўні Тарквіній ты мой».

II, 20

Вершы Павел набыў, дэкламуе ўласныя вершы.
Ўласным па праву заведем тое, што хтосьці купіў.

II, 21

Бускі даеш аднаму, другому даеш ты правіцу.
«Хочаш абодва дары?» – «Дзякуй, мне досыць рукі».

II, 22

Што ў нас агульнага ёсць, о Феб і парнаскія сёстры!
Вось не спрыяе ніяк муза свайму вестуну.
Постум меў звычку раней цалаваць нас толькі ўпалову.
Зараз жа чмокаць пачаў ён у абедзве губы.

II, 38

«Поле навошта табе Наментанскае?» – ты ўсё пытаеш.
Лін, буду шчырым з табой: там я не ўбачу цябе.

II, 42

Ванна псуецца, калі падмываеш ты дупу, Заіле?
Ты акуні галаву, ванна стане йшчэ лепш.

II, 80

Фаній, калі ідзе ў бой, сам сябе забівае.

Хіба ж гэта не шал: каб не забілі, сканаць.

III, 9

Кажуць, што супраць мяне вершыкі крэмзае Цынна.

Вершамі іх не назваць: іх не чытае ніхто.

XII, 46

Цяжка і лёгка з табой, прыемна і горка адразу.

Жыць аніяк: ні з табой, ні без цябе не магу.

Пераклад Я. Прыстаўкі

РЕЦЕНЗИИ

Ж. В. Некрашевич-Короткая

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Г. И. ШЕВЧЕНКО,
А. В. ГАРНИК И А. В. КИРИЧЕНКО
«СЛОВАРЬ ЛАТИНСКИХ ДЕРИВАТОВ
В ЯЗЫКАХ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН»**

Шевченко, Г. И. Словарь латинских дериватов в языках восточных и западных славян / Г. И. Шевченко, А. В. Гарник, А. В. Кириченко; под ред. Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2007. – 109 с.

Преподавание латинского языка на филологических факультетах высших учебных заведений неизменно сопряжено с задачей формирования у студентов навыков компаративного исследования лексики современных языков. Ни для кого не секрет, что более половины фонда общеупотребительной лексики большинства современных иностранных языков составляют слова, так или иначе восходящие к латинским основам. Кроме того, до сегодняшнего дня при образовании новых слов продуктивно используются латинские словообразовательные элементы. «Латинский след» достаточно быстро обнаруживается в лексике языков романской группы (итальянского, испанского, французского). Очевидно также присутствие латинских лексических и словообразовательных элементов в современном английском языке, испытавшем на себе значительное влияние латыни через посредничество старофранцузского языка в период норманских завоеваний. Что же касается славянских языков, то на первый взгляд их связь с латынью кажется не столь очевидной. Вот почему появление издания «Словарь латинских дериватов в языках восточных и западных славян», подготовленного Г. И. Шевченко, А. В. Гарник и А. В. Кириченко, – сам по себе факт примечательный.

Словарь построен в виде таблицы, где слова размещаются по алфавиту, и такое расположение материала весьма целесообразно. Вспомним, к примеру, хорошо известный многим филологам московский

учебник «Латинский язык» под редакцией В. Н. Ярхо и В. И. Лободы, в котором также достаточно широко представлены латинские дериваты в разных языках. Однако в этом пособии материал располагался в конце каждого раздела в виде лексического минимума, что делало соответствующий материал скорее информативным, нежели справочным. В рецензируемом же словаре материал можно изучать как «по горизонтали» (т. е. получать представление о дериватах одного и того же слова в разных языках), так и «по вертикали» (т. е. выяснять этимологию конкретного слова).

Рецензируемое пособие выгодно отличается от словарей иностранных слов, этимологических словарей, а также словарей типа «New Webster's Dictionary of the English Language». В первую очередь, это отличие касается способа оформления так называемого этимона, латинского слова, являющегося деривационной базой. Для глагольных лексем авторы приводят три основные формы, по которым четко определяются три основы: инфекта, перфекта и супина. Это позволяет читателям словаря сформировать представление не только о том, от какого латинского глагола происходит тот или иной дериват, но также и о том, от какой именно основы. Ведь большинство глагольных латинских дериватов образованы на базе основы супина, в то время как во многих словарях приводится только начальная форма глагола, в которой представлена основа инфекта. Хочу также обратить внимание на то, что в латинских словах расставлены диакритические знаки, что предостерегает читателей от акцентологических ошибок.

Особая ценность словаря, на мой взгляд, заключается в том, что его авторы довольно широко представили латинские дериваты в белорусском языке. Количественно и качественно они в основном совпадают с соответствующими лексемами русского языка. Однако в рецензируемом издании присутствуют и такие дериваты белорусского языка, которые не имеют лексико-семантических эквивалентов в русском. Это, к примеру, такие слова, как *колер*, *гармата*, *густ*, *акуляры*, *палац*, *прапанаваць*, *аркуш*, *артыкул* и др. Представлены также (хотя и в меньшем количестве) дериваты белорусского языка, не имеющие даже лексических параллелей в русском языке: слова *мэта*, *бульба*, *глеба*, *раптам*. Такие примеры наглядно демонстрируют особый путь исторического развития белорусского языка, свидетельствуют о том, что иноязычные заимствования попадали в наш язык не всегда через посредничество русского.

Осуществляя реализацию задуманного научно-исследовательского проекта, авторы имели дело с наиболее сложной и дискуссионной сферой лингвистики – этимологией, где особенно трудно бывает сказать

последнее слово. Поэтому вполне понятно, что многое в рецензируемом издании вызывает несогласие с авторами либо создает ощущение неполноты, недосказанности. Так, например, дериватом от латинского *castra* ‘лагерь’ в белорусском языке представлено слово *кастэлян*. Но это слово отсутствует как в словаре А. М. Булыки («Слоўнік іншамоўных слоў»), так и в этимологическом словаре белорусского языка («Этымалагічны слоўнік беларускай мовы», далее – ЭСБМ). Слово *кастэлян* с пометкой *уст.* присутствует лишь в «Слоўніку беларускай мовы» под ред. М. В. Бирилы, но в этом словаре, как известно, этимология слова не раскрывается. Что же касается слова «кастелян» в русском языке, то «Словарь иностранных слов» связывает его происхождение с латинским *castellanus* ‘живущий в крепости’. Если возвращаться к белорусскому языку, то в энциклопедии «Вялікае княства Літоўскае» представлено слово *кашталян*; этимологически оно связывается также не со словом *castra*, а со словом *castellum* ‘укрепление, форт’. Думаю, что последнее латинское существительное целесообразно было бы включить в словарь дериватов, ведь с ним этимологически связаны не только *кастелян* и *кастеляніша*, но также и слова *костел*, *касцёл*, *kościół*. В целом авторы словаря отдают явное предпочтение общественно-политической лексике; что же касается религиозной, то она представлена достаточно фрагментарно. Так, среди дериватов белорусского языка от латинского прилагательного *communis* фигурируют слова *камунізм*, *камуніст*, *камуна*, но не представлено слово *камунія* ‘причасце, прыняцце асвячонага хлеба і віна’ (см.: ЭСБМ, т. 4). Слово *komunia* с тем же значением должно было бы присутствовать в этой статье и среди дериватов польского языка. Следовало бы включить в словарь такие слова, как *missa* (дериваты – *месса* в русском, *мша* / *імша* в белорусском, *msza* в польском, *msze* в чешском языках), *scrinium* (*скрыня*, *skrzynia*), а также учесть данные, приводимые Я. И. Порецким в его монографии «Элементы латинского словообразования в современных языках» (Минск, 1977), где к латинским лексемам возводятся такие общеупотребительные слова белорусского языка, как *кашуля*, *цырата*, *пэндзаль* и др. Зачастую в качестве примера приводятся дериваты, находящиеся в достаточно далеких отношениях с заявленным этимоном. Так, к существительному *sol* ‘солнце’ возводятся не только слова *солярій* и *солярный*, но даже слова *парасон* (*parasol*) (хотя этимологические словари связывают последнее слово с итал. *parasole*)), а глагол *куражыцца* возводится не к фр. *courage* ‘смелость’, а к лат. *cor* ‘сердце’. Такое широкое толкование этимологии оправданно: оно развивает языковое мышление читателей, позволяет

им видеть начало словообразовательной цепочки. Но тогда в число дериватов от латинского глагола *tego* следовало бы включить белорусское слово *цэгла*, восходящее к названному глаголу через посредничество существительного *tegula* ‘черепица’.

Высказанные замечания несколько не снижают научной ценности рецензируемого издания. Следует отметить, что это уже второй словарь дериватов, подготовленный на кафедре классической филологии БГУ. Первым изданием такого рода был «Словарь латинских дериватов в английском, немецком, французском и итальянском языках» (Минск: БГУ, 2002; авторы-составители – Ю. А. Сединина, Н. В. Протасевич, Д. Н. Гомон). Оба словаря вышли под редакцией заведующей кафедрой, доцента Галины Ивановны Шевченко. «Словарь латинских дериватов в языках восточных и западных славян» – очередной, но, уверена, не последний этап интересного научного проекта, реализуемого на кафедре классической филологии. Материалы этого словаря в полной мере подтверждают мысль о том, что латинский язык был и остается живым источником пополнения словарного фонда новых языков и что «его роль как деривационной базы европейских языков общеизвестна» (Г. И. Шевченко). Рецензируемое издание следует рекомендовать к использованию в первую очередь в практике преподавания как латинского, так и славянских языков на филологических факультетах высших учебных заведений, а также для написания курсовых и дипломных работ студентами гуманитарных специальностей.

IN MEMORIAM

**А. З. Цисык,
Г. И. Шевченко**

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ФИЛОЛОГА-КЛАССИКА

17 октября 2008 г. ушла из жизни Наталья Александровна Чистякова, профессор кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета, выдающийся ученый, посвятивший себя исследованию древнегреческой поэзии, талантливый педагог, подготовивший целый ряд молодых ученых в области классической филологии, человек огромной эрудиции, всегда готовый поделиться своими знаниями с многочисленными учениками.

Н. А. Чистякова родилась 3 мая 1920 г. в Петрограде. После окончания университета и аспирантуры в 1951 г. защитила кандидатскую диссертацию «“Аргонавтика” Аполлолона Родосского. Идейные и художественные особенности», выполненную под руководством профессора О. М. Фрейденберг и академика И. И. Толстого.

В последующие десятилетия она активно занималась преподавательской работой: читала лекции, проводила спецкурсы и спецсеминары, вела практические занятия.

Н. А. Чистякова всегда успешно сочетала преподавательскую деятельность с научно-исследовательской. В 1974 г. она блестяще защитила докторскую диссертацию «Греческая эпиграмма VIII–III вв. до н. э.». В списке ее научных трудов – многочисленные статьи, курсы лекций, программы по античной литературе, учебник по античной литературе (в соавторстве), ряд монографий по древнегреческой поэзии, переводы. Особое внимание в своих исследованиях Н. А. Чистякова уделяла истокам и эволюции жанров в древнегреческой поэзии.

В становлении классической филологии в Беларуси профессору Н. А. Чистяковой принадлежит ведущее место.

Учениками Натальи Александровны были три талантливых педагога, сыгравшие особую роль в подготовке филологов-классиков в Беларуси: А. З. Цисык, Л. М. Мушнина, Н. Л. Раевская. При ее непосредственном участии были разработаны планы специализации по классической филологии на базе специальности «Русская филология». Данная специализация являлась истоком для открытия специальности «Классическая филология» в Беларуси. Все, что делала Наталья Александровна, было добротнo, фундаментально – классически.

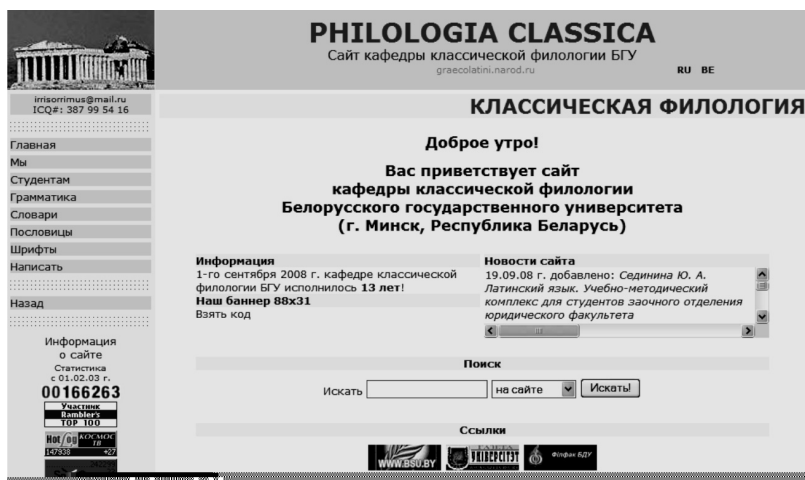
Цисык Андрей Зиновьевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Шевченко Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой классической филологии Белорусского государственного университета.

Шкурдюк Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Наш сайт

<http://graecolatini.narod.ru>

PHILOGIA CLASSICA
Сайт кафедры классической филологии БГУ
graecolatini.narod.ru RU BE

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Доброе утро!
Вас приветствует сайт
кафедры классической филологии
Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

Информация
1-го сентября 2008 г. кафедре классической филологии БГУ исполнилось 13 лет!
Наш баннер 88x31
Взять код

Новости сайта
19.09.08 г. добавлено: Сединина Ю. А. Латинский язык. Учебно-методический комплекс для студентов заочного отделения юридического факультета

Поиск
Искать на сайте

Ссылки
[www.bgu.by](#) [Университет](#) [Филол. БГУ](#)

Главная
Мы
Студентам
Грамматика
Словари
Пословицы
Шрифты
Написать
Назад

Информация о сайте
Статистика с 01.02.03 г.
00166263
Участник рейтинга TOP 100
Нам / 88 / 142930 / 429

СОДЕРЖАНИЕ

SALUTATIO.....	3
----------------	---

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. В. Гарник. Грецизмы в восточнославянских языках	5
Д. Н. Гомон. Изменения симметрии	13
Л. С. Капитула. Некоторые лингвистические аспекты образования французских медицинских терминологических единиц	20
А. В. Кириченко. Перевод греческого однословного глагола глагольно-именным сочетанием в русском и/или белорусском текстах Евангелий	26
Е. Л. Кузнецова. Принципы и способы номинации травянистых растений из рода <i>Plantāgo</i> (подорожник)	33
Т. П. Мокрицкая. Семантическая и структурно-морфологическая неадекватность в эквивалентных анатомических обозначениях на русском и латинском языках	41
О. Г. Прокопчук. Многозначность термина <i>σῦντα</i> в античной и византийской риторических традициях	49
Я. У. Прыстаўка. Трактат Мацея Сарбеўскага «De acuto et arguto» («Аб вастрэні і досціпе») (1619/1626): пытанні жанру і кампазіцыі помніка	55
Е. В. Стрижевич. Особенности строения словообразовательных гнезд с вершиной – именем прилагательным с корневой морфемой латинского происхождения	61
А. З. Цисык. Греко-латинские лексические и морфологические элементы в русских заимствованиях последних десятилетий	75
Г. И. Шевченко. Адвербиальные сочетания латинского языка и их передача на русский	85

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В. С. Забродская. Агляд сафісцка-катульянскіх эпіталам	100
Л. Н. Муцинина. Ионийская ямбография в античной эпиграмме	107
С. Нарбутас, Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая. Агляд гісторыі вывучэння лацінамоўнай літаратуры Вялікага княства Літоўскага ў Беларусі і Літве.....	111
Ю. А. Сединина-Барковская. Трансформация образа Минотавра в современной фантастической литературе (на материале дилогии Г. Л. Олди и А. Валентинова «Нам здесь жить» и трилогии Ю. Брайдера и Н. Чадовича «Охота на Минотавра»).....	127

<i>Т. В. Федосеева.</i> Рецепция античной мифологии в ранней русской драматургии (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.).....	137
<i>І. А. Шкурдзюк.</i> Ідэйна-мастацкія асаблівасці паэмы Мікалая Гусоўскага «Nova et miranda victoria de Turcis mense Iulio».....	146

ПЕРЕВОДЫ

Эпіталама на шлюб найсвятлейшага князя ў Астрогу спадара Януша, кашталяна Кракаўскага, і Катажыны, дачкі святлейшага і высакароднага спадара Себасцьяна Любамірскага, кашталяна Малагасцэнскага (урывак) (пер. В. Забродскай)	151
Публій Авідзій Назон (пер. Я. Прыстаўкі)	152
Марк Валерый Марцыял (пер. Я. Прыстаўкі)	152

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ж. В. Некрашевич-Короткая.</i> Рецензия на книгу Г. И. Шевченко, А. В. Гарник, А. В. Кириченко «Словарь латинских дериватов в языках восточных и западных славян»	154
--	-----

IN MEMORIAM

<i>А. З. Цисык, Г. И. Шевченко.</i> Памяти выдающегося филолога-классика	158
ОБ АВТОРАХ	160

Научное издание

STUDIA PHILOLOGICA
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ
Сборник научных статей
Выпуск VII

В авторской редакции

Дизайн обложки *К. А. Тананушко*
Технический редактор *Т. К. Раманович*
Корректор *Т. А. Гурицenkova*
Компьютерная верстка *Е. В. Заиченко*

Ответственный за выпуск *Т. А. Гурицenkova*

Подписано в печать 31.07.2009. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,53. Уч.-изд. л. 10,1.
Тираж 100 экз. Зак.

Белорусский государственный университет.
ЛИ № 02330/0494425 от 08.04.2009.
220030, Минск, проспект Независимости, 4.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.
Типография ЧУП «Ходр» ОО «БелТИЗ».
ЛП № 02330/0150482 от 25.02.2009.
220004, Минск, ул. Освобождения, 9.